

№ 21969

О. 89
II.

Рѣскин; А.

ОЛИВКОВЫЙ ВѢНОКЪ

ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦІИ

О

ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ВОЙНѢ.

ПЕРЕВОДЪ

Л. П. Никифорова.

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

МОСКВА.

Издание магазина „Книжное Дѣло“ и И. А. Баландина.

1900.

EESTI

RAHVUSRAAMATUKOGU

2-04-07774:1

Доводено цензурою. Москва, 2 сентября 1900 года.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

	Страницы.
Введеніе	I.
Лекція I.	
О трудѣ	1.
Лекція II.	
О биржѣ.	27.
Лекція III.	
О войнѣ	50.
Лекція IV.	
О будущности Англіи	81.

Оливковый Вѣнокъ.

Введение *).

1. Двадцать лѣтъ тому назадъ береговая полоса источниковъ Ванделя—включая низину Аддингтона и деревни Беддингтонъ и Каршальтонъ съ ихъ прудами и рѣчками—представляла самый отрадный уголокъ Южной Англии и, кажется, во всемъ мѣрѣ едва ли можно было найти другое мѣстечко, гдѣ бы проще и трогательнѣе сказывались всѣ прелестныя стороны характера и жизни человѣка.

Едва ли гдѣ-нибудь вѣчно журчащіе потоки, соединенные десятицей, ниспосылающей дождь съ неба, казались болѣе чистыми и божественными, луга весной покрывались болѣе яркими цвѣтами, и уютныя жилища радовали сердца прохожаго большей отрадой мирнаго счастья, полускрываемаго, но ярко бросающагося въ глаза. Это мѣстечко и теперь (въ 1870 году) остается въ общихъ чертахъ почти неизмѣнившимся, но, говоря безпристрастно, я никогда ни въ мареммахъ Пизы, ни среди гробницъ Кампаньи, ни на песчаныхъ отмеляхъ Торселаны не встрѣчалъ ничего столь ужаснаго по своему внутреннему трагическому значенію, какъ то безпечное, наглое и чисто животное презрѣніе къ дивнымъ прелестямъ природы, которое въ этомъ уголкѣ Англии сказывается рѣшитель-

*) Въ предыдущихъ изданіяхъ оно называлось предисловіемъ, но одна изъ моихъ дурныхъ привычекъ состоитъ въ томъ, что я половину книги часто помѣщаю въ предисловіи. Относительно же настоящей книги я могу предварительно замѣтить, что болшую часть всего заключающагося въ ней матеріала я полнѣе развилъ въ различныхъ другихъ сочиненіяхъ, здѣсь же я излагаю это въ болѣе популярной формѣ, присоединяя, во-первыхъ, введение, очень тщательно написанное для читателей, а не для слушателей и, во-вторыхъ, послѣднюю лекцію о будущности Англии, которая, вмѣстѣ съ замѣчаніями къ ней, стоила мнѣ особенныхъ усилій.

но во всемъ. Насколько я обладаю чуткостью и пониманіемъ, никакія кощунства, никакія святотатства, никакія неистовыя проклятія или безбожныя мысли не кажутся мнѣ болѣе возмутительными, чѣмъ это оскверненіе людскими толпами источниковъ тѣхъ водъ, которыя служатъ имъ для питья.

Жалкіе мѣстные обитатели всѣ свои уличныя и домашнія нечистоты—груды пыли и грязи, старые обломки и обрѣзки ржаво-го желѣза и клочья гнилыхъ одеждъ—валяютъ туда, гдѣ потокъ беспорочно чистой воды, журчащій и прозрачный, врывается, словно снопъ солнечныхъ лучей, въ Каршальтонское озеро, продѣлывая себѣ блестящее ложе вплоть до песчаного дна и разрисовывая шелковистую, волнистую траву глубокими свѣтлыми прожилками, которыя кажутся халцедономъ въ агатовомъ мхѣ, испещренномъ звѣздочками бѣлаго лютика.

Не обладая ни достаточной энергіей, чтобъ удалить эту грязь, ни достаточнымъ приличіемъ, чтобъ зарывать ее въ землю, мѣстные жители, повторяю, валяютъ ее въ потокъ, заставляя его разносить отраву этихъ нечистотъ по самымъ отдаленнымъ уголкамъ, куда воды эти, по волю Бога, должны были доставлять здоровье и отраду. Нѣсколько далѣе, среди деревни, позади домовъ, въ небольшомъ пруду, изъ котораго вытекаетъ другой ручей, подъ беспорядочными грудями извести, шлака и остатковъ каменныхъ работъ лежатъ разбросанные и заваленные обломки фонтана и маленькаго размытаго канала, нѣкогда построеннаго и проведеннаго болѣе благородными руками.

Чистыя воды стремятся омыть и смыть эти груды, но безсильны пробиться до мертвой подпочвы, и потому стоячій край пруда, заваленный и запруженный разлагающимися отбросами, врѣзывается въ слой черной тины, накопившейся здѣсь годами, благодаря безпечности жителей. Человѣкъ шесть, проработавъ всего одинъ день, очистили бы эти пруды, и тогда берега ихъ украсились бы пышными цвѣтами, дыханіе лѣтняго воздуха надъ ними наполнилось бы освѣжающимъ благоуханіемъ, и каждая переливающаяся волна стала бы цѣлебной, какъ бы возмущаемая ангеломъ и вытекающая изъ купальни Виеезды. Но люди не рѣшились потратить этого дневнаго труда на очистку прудовъ, и я не думаю, что мы

ждемся этого, ждемъ, что сердца людей станутъ трепетать отъ радости у этихъ источниковъ рѣкъ Англїи.

2. Въ послѣднее мое посѣщеніе этихъ мѣстъ, я, не торопясь, шель по задней улицѣ Кройдона, направляясь отъ старой кирки къ госпиталю; и вотъ, влѣво, немного не доходя до ея перекрестка съ верхней улицей, я увидалъ новую харчевню. Лицевая сторона ея была такъ остроумно построена, что между окнами и мостовой оставалось пространство всего въ одинъ аршинъ, которое немислимо было употребить какъ-нибудь съ пользой; еслибъ даже, какъ въ былое время, устроить здѣсь скамейку, то каждый проходящїй спотыкался бы объ ноги сидящаго на ней. Но, чтобы это пространство болѣе соотвѣтствовало достоинству заведенія для продажи крѣпкихъ напитковъ, его отгородили отъ мостовой внушительной желѣзной рѣшеткой въ шесть футовъ вышины, съ множествомъ заостренныхъ шпидовъ. Рѣшетка эта, повидимому, заключаетъ въ себѣ столько желѣза и работы, сколько мыслимо вмѣстить на такомъ незначительномъ пространствѣ; и послѣднее, благодаря такому хитроумному приспособленію, превратилось въ защищенное вмѣстилище всякихъ отбросовъ: окурковъ сигаръ, устричныхъ раковинъ и т. п. вещей, обыкновенно выбрасываемыхъ торовагоу англїйской уличной толпой. Всѣ эти отбросы, за невозможностью выгрести ихъ, такъ и валяются тамъ. Желѣзная рѣшетка, бесполезно (или даже въ значительной степени хуже, чѣмъ бесполезно) отгораживающая этотъ клочъ земли и обращающая его въ вонючую клоаку, вмѣщаетъ въ себѣ количество труда втрое большее, чѣмъ его необходимо для очисти Каршальтонскихъ прудовъ. Трудъ, потраченный на изготовленіе ея, былъ отчасти опасенъ и вреденъ, посколькѣ производился въ рудникахъ, отчасти тяжелъ и ужасенъ у плавильныхъ печей и, наконецъ, безсмысленъ при составленїи дурныхъ чертежей и рисунковъ недоучками художниками, т. е. весь этотъ трудъ съ начала до конца, со всѣми его подраздѣленїями и развѣтвленїями, является вреднымъ, смертоноснымъ и жалкимъ*)

*) Страшное несчаствіе случилось нѣсколько дней тому назадъ у Волферхамтона. На работѣ у доменной печи въ Дипфильдѣ находились: Томъ Снепъ, девятнадцати лѣтъ, Джонъ Гарднеръ, восемнадцати лѣтъ, и Юсифъ Свифтъ, тридцати семи лѣтъ. Печь заключала въ себѣ четыре тонны раскаленнаго желѣза

3. Теперь возникает вопрос: какъ и въ силу чего произведена эта работа, а не та? Почему сила и жизнь англійскихъ рабочихъ потрачена на загрязненіе, а не на очистку почвы, на производство вполне (въ данномъ случаѣ) бесполезной металлической вещи, которая не служитъ ни для питанія, ни для дыханія, тогда какъ взамѣнъ ея можно было получить цѣлѣбно свѣжій воздухъ и чистую воду?

4. Объяснить это можно только тѣмъ, что капиталистъ могъ нажать выгодный процентъ въ одномъ случаѣ и не могъ этого достигнуть въ другомъ. Если я, имѣя въ своемъ распоряженіи извѣстный фондъ для производства работъ, употребляю его на то, чтобъ привести въ порядокъ мой участокъ земли, то деньги мои будутъ потрачены тутъ разомъ; но если я употребляю его на добываніе желѣза изъ моей земли, на литье и выковку его и затѣмъ продамъ полученное издѣліе, то могу получить ренту за землю, доходъ съ производства и съ продажи, такъ что капиталъ принесетъ мнѣ втрое большій барышъ. Капиталъ въ настоящее время приноситъ большею частью наибольшую выгоду въ операціяхъ подобнаго рода, при которыхъ публика склоняется покупать вещи, ей совершенно бесполезныя, но отъ производства или продажи которыхъ капиталистъ можетъ получить выгодный процентъ; при этомъ публика остается все время въ полной увѣренности, что процентъ, полученный такимъ способомъ, представляетъ дѣйствительный приростъ національнаго богатства, а не есть просто выуживаніе денегъ изъ болѣе легкихъ кармановъ въ болѣе тяжелые.

5. Кройдонскій трактирщикъ покупаетъ, такимъ образомъ, желѣзную рѣшетку, желая выдвинуться въ глазахъ любителей выпивки. Чтобъ не отстать отъ него, содержатель кабака, помѣщающагося на другой сторонѣ улицы, покупаетъ другую рѣшетку. Оба

съ такимъ же количествомъ шлака—и сплавъ должно было слить въ 7 ч. 30 м. Но Снепъ и его помощники, увлекшись разговорами и выпивкой, забыли о своей обязанности и, тѣмъ временемъ, желѣзо поднялось въ печи до трубы, въ которой заключалась вода. Какъ разъ, когда вышеупомянутые рабочіе опомнились и собирались отвернуть кранъ, вода въ трубочкѣ, превратившись въ паръ, выкинула расплавленный металлъ, который мгновенно залилъ Гарднера. Снепъ, получивъ страшные ожоги и обезумѣвъ отъ боли, бросился въ каналъ и затѣмъ побѣжалъ домой, гдѣ на порогѣ и умеръ. Свифтъ доставленъ былъ въ больницу, гдѣ тоже скончался.

они въ дѣлѣ привлеченія публики ничего не выиграли, но лишились стоимости рѣшетокъ, которую они должны или выплатить изъ своего кармана, или заставить заплатить своихъ посѣтителей, плѣняющихся этими рѣшетками, возвышая цѣну на пиво, или прибавляя къ нему разныя подмѣси. Или трактирщики или ихъ посѣтители станутъ, т. о., бѣднѣе именно на ту сумму, какую приобрѣтетъ капиталистъ, а нація ничего не выиграетъ отъ такой промышленности, такъ какъ рѣшетки, въ данномъ случаѣ, окажутся вполне бесполезными.

6. Этотъ способъ обложенія богатыми бѣдныхъ я разсматриваю дальше, въ § 34, сравнивая современную власть капитала въ дѣлѣ приобрѣтенія съ властью копыя и сабли; единственная разница между ними состоитъ въ томъ, что въ бывшее время мародѣры собирали дань силой, а теперь обманомъ. Прежній мародѣръ или грабитель открыто обиралъ трактирщика, являясь къ нему погулять на ночь, современный же облакаетъ свое копые въ форму желѣзныхъ шпировъ и убѣждаетъ хозяина купить ихъ. Одинъ является какъ явный грабитель, другой какъ обманывающій продавецъ; результатъ же для кармана въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно одинаковъ. Безспорно, что многія полезныя производства примѣшиваются къ бесполезнымъ и служатъ имъ оправданіемъ, и въ дѣлѣ возбужденія энергіи, вызываемой борьбой, это не лишено нѣкоторой прямой пользы. Конечно, лучше потратить сорокъ тысячъ на пушку и взорвать ее, чѣмъ проводить всю жизнь въ праздности. Только не называйте этотъ процессъ „политико-экономическимъ.“

7. Въ умѣ очень многихъ лицъ существуетъ ложное понятіе о томъ, что скопленіе собственности бѣдняковъ въ рукахъ богача не представляетъ, въ сущности, ничего вреднаго, такъ какъ она, въ концѣ концовъ, должна же быть израсходована и, такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, вернуться къ бѣднякамъ. Ложность этого взгляда часто выяснялась, но даже допустивъ, что это разсужденіе вѣрно, мы должны, однако, замѣтить, что имъ оправдывается и мародѣрство и любая форма грабежа. Можетъ случиться (хотя въ дѣйствительной жизни этого никогда не бываетъ), что для націи безразлично, кто потратитъ деньги; грабитель или ограбленный собственникъ, но все же это не

оправдываетъ грабежа. Еслибъ я устроилъ заставу въ воротахъ, гдѣ дорога пересѣкаетъ мои владѣнія, и старался взимать по полтиннику съ каждаго прохожаго, публика не замедлила бы уничтожить мои ворота и не стала бы выслушивать мои доводы, что ей, въ концѣ концовъ, безразлично, я ли потрачу ея полтинники или она сама. Но еслибъ вмѣсто того, чтобъ нагло обирать ее при помощи заставы, я убѣдилъ бы ее покупать у меня камни, старое желѣзо или другія столь же бесполезныя вещи, то могъ бы отлично грабить ее и къ тому же пользоваться репутациею общественнаго благодѣтеля, содѣйствующаго процвѣтанію промышленности. И этотъ важный вопросъ, имѣющій существенное значеніе для бѣдняковъ не только Англій, но и всѣхъ странъ, упускается изъ виду во всѣхъ обычныхъ трактатахъ о богатствѣ. Даже сами рабочіе разсматриваютъ вліяніе капитала только по его воздѣйствію на ихъ непосредственные интересы, а не въ его еще болѣе грозной власти въ дѣлѣ опредѣленія рода и предмета труда. Въ дѣйствительности же, сравнительно ничтожное значеніе имѣетъ плата, получаемая рабочимъ за работу, но громадное значеніе имѣетъ на что направлена эта работа. Если она производитъ пищу, свѣжій воздухъ и свѣжую воду, то не бѣда, если плата низка: явятся пища, свѣжій воздухъ и свѣжая вода, и рабочій будетъ, наконецъ, имѣть возможность пользоваться ими. Если же ему платятъ за то, чтобъ онъ уничтожалъ пищу, свѣжій воздухъ или производилъ, взаменъ этого, желѣзныя рѣшетки, то не будетъ ни пищи, ни воздуха, и онъ не получитъ ихъ къ своему великому и крайнему неудобству.

8. Я, какъ это и подобаешь всѣмъ изслѣдователямъ, давно уже привыкъ что люди осмѣиваютъ мои положенія въ теченіе многихъ лѣтъ, прежде чѣмъ начнутъ относиться къ нимъ съ вниманіемъ и довѣріемъ. Вообще, я довольно спокойно выжидаю, когда публика измѣнитъ свои отношенія къ нимъ. Но, тѣмъ не менѣе, меня довольно непріятно удивляетъ, что я, при моихъ повтореніяхъ и поясненіяхъ, не въ состояніи до сихъ поръ убѣдить моихъ читателей въ той простой истинѣ, что богатства, какъ народовъ, такъ и отдѣльныхъ людей, заключаются не въ цифрахъ, и что истинное достоинство любой работы и торговли зависитъ отъ существеннаго

достоинства производимой или приобретаемой вещи, *). Повидимому, эти положенія вполне ясны и безспорны, но англійская публика до того отуманена современнымъ ученіемъ политико-экономовъ (гласящимъ, что всякое производство хорошо, безразлично, приноситъ ли оно пользу или вредъ, и что купля и продажа всегда благотворны, каково бы ни было внутреннее достоинство покупаемаго и продаваемаго), что нѣтъ почти никакой возможности обратить ея вниманіе на изслѣдованіе существенныхъ результатовъ нашего усиленнаго современнаго производства.

9. Я никогда не былъ такъ стѣсненъ вышеуказанной невозможностью, какъ при распредѣленіи главъ предлагаемыхъ лекцій, имѣющихъ общую связь, хотя мнѣ и приходилось читать ихъ въ различное время и въ разныхъ мѣстахъ. Ихъ связь выступила бы гораздо яснѣе, еслибъ не было другого препятствія, которое я считаю всегда существеннымъ затрудненіемъ при обращеніи къ моей аудиторіи. Я всегда, главнымъ образомъ, желаю задать моимъ слушателямъ—рабочимъ, предпринимателямъ, воинамъ—вопросъ относительно конечнаго значенія ихъ занятія и узнать отъ нихъ, что они ожидаютъ или желаютъ отъ производства, торговли и войны. Это мнѣ кажется всегда первымъ вопросомъ, не опредѣливъ который, я едва ли въ состояннн принести имъ пользу или воздѣйствовать на нихъ своими бесѣдами. Вы, люди, занимающіеся ремеслами, торговлей и войнами, ясно скажите мнѣ, что вамъ нужно, и если я могу, то помогу вамъ, если же нѣтъ, то постараюсь выяснитъ причину моей неспособности сказать вамъ что-либо полезное.

10. Но при этомъ необходимо всегда имѣть въ виду, — что представляетъ для меня въ настоящее время непреодолимое затрудненіе—обращаешься ли къ аудиторіи вѣрующей или не вѣрующей въ иной міръ. Если вы обратитесь къ современной публикѣ, какъ къ вѣрующей въ вѣчную жизнь, и постараетесь вывести заключенія изъ этой предполагаемой вѣры по отношенію къ ея дѣятельности въ этой жизни, то вамъ тотчасъ же возражать: „все, что вы говорите,—прекрасно, но не практично“. Если же, наоборотъ, вы открыто обратитесь къ ней, какъ къ невѣ-

*) Сравни предисловіе въ „Munera Pulveris.“

рующей въ вѣчную жизнь и попытаетесь вывести заключенія изъ этого невѣрія, она немедленно признаетъ васъ подлежащимъ прозрѣтію и отрясетъ прахъ отъ ногъ своихъ.

11. И чѣмъ больше я вдумывался въ то, что мнѣ предстояло сказать, тѣмъ менѣе я находилъ возможности высказаться внѣ зависимости отъ этого неуволимаго, но неизбѣжнаго вопроса. При разсмотрѣннн принципа войны, вся разница состояла въ томъ, признають ли люди, что артиллерійскій залпъ просто, какъ, камнемъ устилаетъ поле нѣкогда живой глиной, или же считаютъ, что въ этой грудѣ глины, изъ каждой частицы, носившей христіанское имя, выдѣляется въ воздухъ, пропитанный дымомъ битвъ и запахомъ труповъ, удивленная душа, насильственно разлученная съ тѣломъ. Говоря о возможной роли торговли, вся разница состояла въ томъ, признавалъ ли слушатель, что всѣ сдѣлки ограничиваются только видимой собственностью, или допускалъ, что есть и собственность невидимая, но, тѣмъ не менѣе, реальная и приобретаемая иной цѣной. Обращаясь къ группѣ людей, занятыхъ суровой работой и искавшихъ исхода изъ своего тяжелаго положенія, вся разница состояла въ томъ, можно ли было съ увѣренностью сказать имъ: „Друзья мои, вамъ остается только умереть, и все будетъ отлично“; или же при этомъ невольно чувствовалось, что такой совѣтъ болѣе умѣстенъ по отношенію къ тому, кто его давалъ, чѣмъ къ тому, кто его получалъ.

12. Поэтому, проницательный читатель замѣтитъ во всѣхъ прилагаемыхъ лекціяхъ нѣкоторыя колебанія относительно главной сущности вопросовъ и отрывистыя заключенія, которыя я едва ли допустилъ бы, еслибъ, повторяю, у меня не было сомнѣнія относительно міровозрѣнія и настроенія моихъ слушателей. Такъ, предполагается, что большинство англичанъ имѣютъ книгу, которая непосредственно, устами Бога, вѣщаетъ имъ все, что они должны знать и что имъ необходимо дѣлать. Я читалъ эту книгу такъ же внимательно, какъ и большинство изъ нихъ, въ теченіе почти сорока лѣтъ, и очень радъ, что могу людямъ, вѣрящимъ въ нее, выяснять ея велѣнія. Я всегда безусловно старался содѣйствовать тому, чтобъ ихъ вѣра въ нее была глубже, чтобъ они вѣрили не только излюбленнымъ стихамъ, но и всей книгѣ въ общемъ, вѣрили не какъ фетишу или талисману, отъ ежедневнаго повторенія

словъ котораго они пріобрѣтутъ спасеніе, но какъ велѣнію руководителя, повиноваться которому они должны, если не хотятъ погибнуть. Меня всегда пріободряло предположеніе, что слушатели мои раздѣляютъ такую вѣру. Отъ нихъ, если не отъ кого другого, я нѣкогда надѣялся встрѣтить одобреніе моеѣ рѣчи о томъ, что гордость преступна, а скупость презрѣнна; отъ нихъ, если не отъ кого другого, я рассчитывалъ встрѣтить признаніе справедливости политико-экономическаго ученія, утверждающаго, что жизнь больше пищи и тѣло—одежды; отъ нихъ, мнѣ казалось, я могъ требовать, не будучи обвиненъ въ фанатизмъ, чтобъ они не только на словахъ, но по влеченію сокровищницы сердца своего, отдѣлились отъ толпы, о которой сказано: „отряхнувъ одежды свои отъ нея, онъ отнынѣ пошелъ къ язычникамъ“.

13. Однако, въ настоящее время едва ли возможно съ нѣкоторой вѣроятностью утверждать, чтобъ большинство обычной аудиторіи, а не только вся она, состояла изъ религіозныхъ людей. Значительная часть слушателей всегда состоитъ изъ людей, не раздѣляющихъ такой вѣры или, по крайней мѣрѣ, совершенно равнодушныхъ къ призывамъ, основаннымъ на Библии. Если съ, такъ называемыми, христіанами я желалъ отстаивать честное провозглашеніе и послѣдовательное выполненіе ихъ вѣры въ жизнь, то съ, такъ называемыми, невѣрующими я желалъ настаивать на честномъ провозглашеніи и выполненіи ими ихъ вѣры въ смерть. Неизбѣжно одно изъ двухъ. Человѣкъ долженъ вѣрить, что послѣ смерти его или ожидаетъ иная жизнь или нѣтъ; можно смѣло смотрѣть въ лицо судьбѣ и правильно устроить свою жизнь при той или другой вѣрѣ, но это немислимо, если мы колеблемся между вѣрой и боязнью. Мы обыкновенно вѣримъ въ безсмертіе, чтобъ избѣжать приготовленія къ смерти, и—въ отсутствіе безсмертія, чтобъ избѣжать приготовленія къ жизни послѣ смерти. Тогда какъ мудрый человѣкъ будетъ, по крайней мѣрѣ, готовъ встрѣтить то или другое, изъ которыхъ одно, во всякомъ случаѣ, неизбѣжно, и приготовить все или къ вѣчному успокоенію или къ пробужденію.

14. Но мы не имѣемъ никакого права называть неблагороднымъ убѣжденіе, въ силу котораго мы приводимъ все въ порядокъ какъ бы для вѣчной смерти. Твердая вѣра въ загробную жизнь, дѣйствительно, представляетъ завидное духовное состояніе, но, на-

сколько я могъ замѣтить, довольно рѣдкое. Я знаю очень немногихъ христіанъ, настолько увѣренныхъ въ величіе обителей въ домѣ Отца ихъ, чтобъ чувствовать большее счастье, когда ихъ друзья призываются въ эти обители, чѣмъ они испытали бы, еслибъ королева пригласила ихъ друзей жить при ея дворѣ; и пламенное желаніе церкви „разрѣшиться и быть со Христомъ“ никогда не избавляла ее отъ обычая оплакивать и налагать трауръ по каждомъ человѣкѣ, отошедшемъ въ иной міръ. И, наоборотъ, смѣлая вѣра въ то, что со смертію все кончается, раздѣлялась безспорно многими благородными личностями, и признакомъ крайней испорченности церкви служило бы ея утвержденіе, что такая вѣра не совмѣстима ни съ чистотой характера, ни съ энергіей къ добру. Краткость жизни не служить въ глазахъ разумной личности достаточно уважительнымъ поводомъ къ тому, чтобъ бессмысленно тратить ту небольшую часть ея, которая ей удѣлена, и предвкушеніе вѣчной смерти завтра никому, кромѣ пьяницъ, не можетъ внушить мысли объ умѣстности выпить сегодня. Вѣра въ то, что за гробомъ ничто насъ не ожидаетъ, можетъ, правда, больше примирить человѣка, ведущаго бессмысленную жизнь, съ этой безцѣльностью его существованія, но человѣка разумнаго она заставитъ еще серьезнѣе отнестись къ жизни. И едва ли жизнь вѣрующаго въ то, что все зло жизни можетъ быть мгновенно прощено, и весь причиненный вредъ мгновенно искупленъ, что вздохъ раскаянія, смывъ всѣ грѣхи, вознесетъ душу въ обитель вѣчнаго блаженства, съ забвеніемъ всѣхъ мученій, будетъ во всѣхъ случаяхъ чище, чѣмъ при болѣе суровой увѣренности, свойственной многимъ, болѣе серьезнымъ умамъ, что посянное человѣкомъ пожинаетъ и онъ самъ, пожинаютъ и другіе, даже когда онъ, — живое сѣмя тлѣнія, — будетъ уже не бродить во мракѣ, а покоиться въ немъ.

15. Но къ людямъ, которымъ эта мучительная вѣра единственно возможна или по ихъ недалковидности, или вслѣдствіе горечи ихъ души, или же, наконецъ, въ силу того, что они видятъ, какъ оскорбительна жизнь людей, претендующихъ на болѣе возвышенную надежду, къ нимъ, говорю я, можно взывать съ большей увѣренностью, чѣмъ къ болѣе счастливымъ вѣрующимъ. Проповѣдникъ могъ бы, напр., съ безотрадной, но искренней ревностью обратиться къ нимъ съ жалкихъ высотъ мо-

гильнаго холма,—этого Марсова холма съ ямой Эвменидъ сбоку— и сказать имъ: Послушайте меня, вы, умирающіе, которые скоро будете глухи навѣки: Людямъ, справа и слѣва отъ васъ взирающимъ въ даль безконечной жизни, гдѣ всѣ заблужденія будутъ исправлены и всѣ ошибки прощены, имъ загрязненнымъ и омраченнымъ дымомъ битвы смертной этой жизни, которымъ стоитъ только погрузиться на мгновеніе въ купель смерти, чтобъ возродиться въ новомъ блескѣ, подобно серебристому голубю съ золотистыми перьями—имъ, говорю я, пожалуй, простительно бессмысленно тратить краткія мгновенія этой жизни, такъ какъ они вѣрятъ въ безконечную будущность; имъ, въ ихъ немощи, можетъ быть, и извинительно снисходить къ грѣху, такъ какъ, въ концѣ концовъ, плодомъ всего будетъ царство правды, имъ простительно пользоваться несправедливостью, которая будетъ заглажена и забыта навсегда. У нихъ не признакомъ черствости сердца можетъ являться ихъ пренебреженіе къ бѣднымъ, о которыхъ они знаютъ, что заботится Господь, и ихъ равнодушное отношеніе къ временной гибели тѣхъ, которые не могутъ погибнуть навѣки. Но для васъ нѣтъ такой надежды, и потому нѣтъ и этого оправданія. Судьба, подготовляемая вами для несчастныхъ, есть, какъ вы думаете и вѣрите, единственное ихъ наслѣдіе. Вы можете раздавить ихъ хуже всякой моли, и они никогда не возстанутъ, чтобъ даже упрекнуть васъ; ихъ дыханіе, истощенное недостаткомъ пищи, уже никогда не вернется, чтобъ прошептать слова обвиненія противъ васъ; они, какъ вы вѣрите, обратятся вмѣстѣ съ вами въ прахъ и станутъ добычей червей; и для нихъ не будетъ никакого утѣшенія и для васъ никакого мщенія—кромѣ развѣ слѣдующихъ немногихъ словъ, которыя прошепчутъ надъ вашими могилами: „кто воздастъ за все сдѣланное ими“? Легче ли, поэтому, вамъ въ сердцѣ вашемъ причинять горе, которое невозможно исправить? Станете ли вы безопасно лишать вашихъ несчастныхъ братьевъ того краткаго мгновенія, которое для нихъ все, и единственную ихъ мимолетную жизнь превращать въ мучительно долгія страданія? Станете ли вы болѣе равнодушны къ несправедливости, которая никогда не можетъ быть исправлена и болѣе скупы на милосердіе, которое вы можете оказать только разъ, здѣсь на землѣ, и, отказавъ въ котормъ, вы откажете навѣки?

16. Я лучшаго мѣнія о самыхъ себялюбивыхъ изъ васъ и не допускаю, чтобъ вы рѣшились такъ поступать, еслибъ ясно понимали все значеніе вашихъ поступковъ. И для васъ самихъ, мнѣ кажется, вопросъ, такъ ограниченный, становится болѣе серьезнымъ. Еслибъ ваша жизнь была бы простымъ горячечнымъ припадкомъ—безуміемъ одной ночи, все зло которой забывается съ разсвѣтомъ,—то было бы довольно безразлично, какъ вы провели эти болѣзненные часы, за какія игрушки вы хватались и какія отбрасывали, и какія грезы вы упорно преслѣдовали взорами, обольщенными бессоннымъ бредомъ. Если эта земля не болѣе какъ лазаретъ, и счастье и спасеніе только въ будущемъ, то играйте на гумнахъ больничныхъ вертеповъ, если вы хотите только играть. Плетите изъ соломы какіе угодно вѣнки, собирайте мякину, какъ сокровище, и умирайте съ этимъ богатствомъ, ловя цѣпяющихся руками мрачные призраки—и все-таки это можетъ быть для васъ лучше. Но если эта жизнь не сонъ, и міръ, не лазаретъ, а вашъ наслѣдственный дворецъ,—если весь міръ и вся мощь и радость, которыми вы когда либо можете наслаждаться, должны быть извѣданы вами теперь, и все плоды побѣды собраны здѣсь или нигдѣ—то неужели вы и эту мимолетную вашу жизнь проведете, мучаясь и сгорая пламенемъ тщеславія? Развѣ для васъ нѣтъ мѣста отдохновенія, которымъ вы могли бы насладиться? Развѣ трава на землѣ зеленѣетъ только для того, чтобъ служить вамъ покровомъ, а не лежемъ? развѣ вы не можете на ней отдыхать, а должны только находить вѣчное подъ ней успокоеніе? Язычники даже въ самые мрачные дни думали иначе. Они знали, что жизнь полна борьбы, но они ожидали отъ нея и вѣнца побѣды! Правда, не гордаго вѣнца, не брилліантовой діадемы, пламеняющей до небесъ съ высотъ незаслуженнаго престола, а простого вѣнка изъ нѣсколькихъ листовъ дикаго лавра, освѣжающаго и успокаивающаго усталое чело. Онъ могъ бы быть и изъ золота, думали они, но Юпитеръ былъ бѣденъ, и лучше этого онъ не могъ ничего имъ даровать. Въ поискахъ за лучшимъ они справедливо нашли, что все остальное—горькая насмѣшка. Они узнали, что въ добромъ, плодотворномъ и свободномъ мірѣ, а не въ войнѣ, не въ богатствѣ и не въ тираніи они обрѣтутъ счастье. Вѣнокъ, замѣтте, изъ дикаго лавра, изъ вѣтвей дерева, растущаго безъ

всякаго ухода, украшая скалы не яркими цвѣтами и не пышной зеленью, а бѣлоснѣжнымъ пушкомъ и маленькимъ плодомъ, сливающимся съ сѣрватою листвою и съ колючимъ стволомъ. И вѣнокъ изъ его листьевъ отличается довольно грубыми вырѣзками. Но каковъ бы онъ ни былъ, вы можете приобрести его при жизни, какъ эмблему скромныхъ почестей и сладостнаго покоя. Да, чистота сердца, нѣжность, ничѣмъ не нарушаемое довѣріе, взаимная любовь, наслажденіе миромъ другихъ и состраданіе къ ихъ горю, синее небо надъ вами, тихія волны и дивныя цвѣты у вашихъ ногъ; бездна всевозможныхъ тайнъ и зрѣлище безчисленныхъ живыхъ существъ—все это безъ всякихъ мукъ и волненій, а какъ обильный источникъ радостей можетъ быть вашимъ божественнымъ достояніемъ въ этой жизни и даже не безъ надежды на будущую.

Лекція І.

О трудѣ.

(Читана въ Камбервельскомъ институтѣ для рабочихъ).

17. Друзья мои, я сегодня явился сюда не прочесть вамъ занимательную лекцію, а сообщить нѣсколько простыхъ фактовъ и задать нѣсколько столь же простыхъ вопросовъ. Я слишкомъ хорошо знаю ту борьбу за существованіе, которую приходится вести нашему рабочему люду, чтобы, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, не смущаясь, приглашать его заниматься предметами моей специальности; тѣмъ болѣе, сегодня, когда я впервые вижу предъ собой членовъ рабочаго института, устроеннаго въ мѣстности, гдѣ я провелъ большую часть моей жизни, я желаю, чтобы мы сразу поняли другъ друга по весьма серьезнымъ вопросамъ. Я бы охотно высказалъ вамъ тѣ чувства и надежды, съ какими смотрю на этотъ институтъ, какъ на одинъ изъ многихъ, учреждаемыхъ, къ счастью, въ разныхъ мѣстностяхъ Англій и другихъ странахъ и имѣющихъ цѣлью подготовить путь къ великой перемѣнѣ во всѣхъ условіяхъ промышленной жизни, но успѣхъ ихъ вполнѣ зависитъ отъ яснаго пониманія нами условій и, главнымъ образомъ—границъ этой перемѣны. Никакой учитель не можетъ надлежащимъ образомъ установить дѣло воспитанія, пока онъ не знаетъ той жизни, къ которой это воспитаніе должно подготовить его учениковъ. И тотъ фактъ, что ему приходится обращаться къ вамъ, какъ къ членамъ „рабочаго класса“, долженъ побудить его, если онъ человѣкъ серьезный и вдумчивый, задать себѣ, прежде всего, вопросъ: на чемъ, по вашему мнѣнію, основано это классовое различіе въ прошломъ и на чемъ должно быть основано въ будущемъ? И занимать, и поучать васъ каждый изъ насъ можетъ лишь узнавъ отъ васъ самихъ, считаете ли вы, что различіе меж-

ду рабочими и остальными классами основано правильно? Принимаете ли вы его такъ, какъ оно установлено? Желаете ли вы измѣнить его? Или же думаете, что предметъ воспитанія состоитъ въ томъ, чтобъ уничтожить это различіе и помочь намъ навсегда забыть его?

18. Позвольте мнѣ уяснить вамъ мою мысль. И вы, и я называемъ это учрежденіе „Институтомъ для рабочихъ“, а коллегію, существующую въ Лондонѣ, „Коллегіей для рабочихъ“. Теперь скажите, въ чемъ, по вашему мнѣнію, эти учрежденія отличаются или должны отличаться отъ институтовъ и коллегій для нерабочихъ, т. е. „для праздныхъ людей?“ Или, какимъ другимъ словомъ долженъ я назвать тѣхъ, которыхъ болѣе счастливые и мудрые рабочіе называютъ „вышними классами?“ Неизбѣжны ли и необходимы ли эти высшіе классы? Необходимы ли низшіе? Поскольку первые должны всегда быть возвышаемы, а вторые принижаемы? Тѣхъ изъ моихъ слушателей, которые, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, находятся въ настоящее время въ болѣе привилегированномъ положеніи, я прошу заранѣе простить мнѣ все то обидное, что можетъ встрѣтиться въ моихъ послѣдующихъ словахъ. Не я высказываю это, а болѣе горькіе голоса; голосъ борющихся, голосъ голодающихъ всего міра долженъ же быть когда-нибудь услышанъ! Къ тому же, какъ вы хорошо знаете, я отнюдь не обращаюсь лично къ вамъ. Я увѣренъ, что большинство присутствующихъ знаютъ обязанности, предписываемыя имъ добротой, и исполняютъ ихъ, можетъ быть, лучше меня. Но я говорю вамъ, какъ представителямъ цѣлаго класса, который, я знаю, грѣшитъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка вдумчивости, что, однако, не менѣе ужасно. Добровольное заблужденіе зависитъ отъ воли, но какъ исправить заблужденія невольныя и безсознательныя?

19. Позвольте мнѣ, поэтому, предварительно обратиться къ рабочимъ людямъ и спросить ихъ, каковы по ихъ мнѣнію эти высшіе классы, и каковы должны быть ихъ взаимныя отношенія? Вы, присутствующіе здѣсь рабочіе, отвѣтите мнѣ такъ же откровенно, какъ въ бесѣдѣ между собою, и скажите, какъ бы вы желали, чтобъ я называлъ вашихъ предпринимателей? Долженъ ли я называть ихъ лѣнливыми классами? Мнѣ кажется, что вы почувствовали бы себя

нѣсколько неловко и сочли бы, что я не честно отношусь къ своему предмету, говорю не отъ чистаго сердца, еслибъ я въ своей лекціи признавалъ всѣхъ богатыхъ людей за лѣнливыхъ. Вы были бы и несправедливы, и неразумны, еслибъ позволили мнѣ такъ отзываться о нихъ. Были бы также несправедливы, какъ и тѣ богатые, которые говорятъ, будто всѣ бѣдняки до того лѣнливы, что при первой возможности перестали бы работать или, во всякомъ случаѣ, работали бы возможно меньше *).

20. Въ дѣйствительности существуютъ и лѣнливые бѣдняки и лѣнливые богачи, и, наоборотъ, очень прилежные бѣдняки и богачи. Не мало есть нищихъ до того лѣнливыхъ, что можно подумать, будто они получаютъ по сту тысячъ годового дохода, и много найдется очень богатыхъ людей, гораздо болѣе занятыхъ, чѣмъ ихъ разсыльные мальчишки, и никогда не позволяющихъ себѣ остановиться на улицѣ, чтобъ поиграть въ шары. Такимъ образомъ, съ болѣе широкой точки зрѣнія, различіе между работающими и лѣнливыми, какъ между мошенниками и честными, зависитъ отъ внутренняго свойства, глубоко таящагося въ сердцахъ людей всѣхъ классовъ и положеній. Существуютъ трудящіеся люди, мощные и счастливые, какъ среди богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, и лѣнливые, слабые, злобные, несчастные и между богатыми и бѣдными. И худшее недоразумѣніе, возникающее между тѣми и другими, происходитъ отъ того несчастнаго обстоятельства, что мудрые люди одного класса (правда, въ этомъ далеко не проявляется ихъ мудрость) обыкновенно исключительно обращаютъ свое вниманіе на безумныхъ людей другого класса. Еслибъ прилежные богачи замѣчали и порицали лѣнливыхъ богачей, все шло бы между ними какъ слѣдуетъ; а еслибъ прилежные бѣдняки замѣчали и порицали лѣнливыхъ бѣдняковъ,—все было бы у нихъ правильно. Но нѣтъ, каждый смотритъ только на ошибки и недостатки противниковъ. Трудолюбивый богачъ особенно оскорбляется зрѣлищемъ лѣнливаго нищаго, а порядочный, но бѣдный рабочій нетерпимъ къ безпутной роскоши богачей. И строгое осужденіе обоихъ классовъ превращается въ злобную ненависть у несправедливыхъ. Только одни

*) Замѣтьте эту главу. Я сильно пораженъ недостаткомъ самой элементарной любви, вслѣдствіе чего множество людей ослѣплены до того, что не понимаютъ тѣхъ простыхъ истинъ, которыя высказаны въ ней.

разнузданные бѣдняки смотрятъ на богачей, какъ на своихъ естественныхъ враговъ, и желаютъ разграбить ихъ дома и раздѣлить богатства. Только развращенные богачи отзываются оскорбительно о порокахъ и безумствахъ бѣдняковъ.

21. Итакъ, нѣтъ классового различія между лѣнивыми и прилежными. Сегодня я буду говорить только о послѣднихъ, лѣнивыхъ же мы постараемся забыть; они, просто, составляютъ язву, объ испѣленіи которой мы побесѣдуемъ какъ-нибудь въ другой разъ. Но существуетъ классовое различіе между самими прилежными, — страшное различіе, возрастающее и спускающееся до любого градуса безконечнаго термометра человѣческой скорби и мощи, — различіе повышеній и пониженій, приобрѣтеній и потерь всей силы человѣческой души и тѣла.

22. Эти-то различія мы и будемъ изучать, равно какъ и ихъ законы, въ средѣ людей исключительно энергичныхъ, влагающихъ всѣ свои силы въ трудъ или въ забаву; людей въ полномъ смыслѣ слова дѣятельныхъ въ томъ или другомъ отношеніи, ради извѣстной цѣли или даже безъ всякой цѣли. Такихъ различій существуетъ четыре

1. Различіе между людьми работающими и забавляющимися.

2. Между людьми, производящими средства къ существованію, и потребляющими ихъ.

3. Между людьми, работающими головой, и работающими руками.

4. Между людьми, работающими умно, и работающими неразумно.

Или для краткости скажемъ, что мы въ своей лекціи противопоставимъ:

1. Трудъ—забавѣ.

2. Производство—потребленію.

3. Голову—рукамъ и

4. Осмысленность—безмыслію.

23. Итакъ, скажемъ вначалѣ о различіи между классами работающими и классами забавляющимися.

Конечно, прежде чѣмъ итти дальше, мы должны согласиться относительно значенія терминовъ.

Не пускаясь въ тщательныя изслѣдованія, мы можемъ вообще

сказать, что забава есть упражненіе тѣла или ума, доставляющее только удовольствіе безъ всякой опредѣленной цѣли, а работа есть трудъ, выполняемый съ извѣстной опредѣленной цѣлью. Вы забавляетесь, напримѣръ, игрой въ крикетъ. Это такая же трудная вещь, какъ и любая работа; но вы только забавляетесь, и единственный вашъ результатъ — забава. Еслибъ игра въ крикетъ была для васъ строго опредѣленной формой упражненія, съ цѣлью улучшенія вашего здоровья, то она непосредственно стала бы работой. Точно также и все, что мы дѣлаемъ ради удовольствія, а не съ какой-нибудь опредѣленной цѣлью, — есть „забава“, забавная, а не полезная вещь. Забава можетъ быть полезна въ извѣстномъ смыслѣ, (и въ этомъ смыслѣ нѣтъ ничего необходимѣе и полезнѣе ея). Но, вообще, — главное ея свойство — безцѣльность.

24. Посмотримъ же, чѣмъ наполняютъ свою жизнь забавляющіеся классы Англій.

Первѣйшей изъ всѣхъ забавъ въ Англій является погоня за деньгами. Это — забава всепоглощающая; и мы чаще сваливаемъ другъ друга съ ногъ, играя въ деньги, чѣмъ играя въ мячъ или потѣшаясь какимъ-нибудь другимъ грубымъ спортомъ; притомъ она не имѣетъ абсолютно никакой цѣли; никто изъ числа людей, всей душой отдающихся этой забавѣ, никогда не знаетъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Спросите у наживающагося капиталиста, зачѣмъ ему эти деньги, — онъ никогда этого не знаетъ. Онъ наживаетъ деньги ради денегъ. „На что думаете вы употребить ваши деньги?“ — „На то, чтобъ нажить еще“, — отвѣтитъ вамъ такой человѣкъ. Точно также, какъ при игрѣ въ крикетъ — вы играете ради игры. Какой толкъ въ томъ, что вы лишній разъ попадете? Никакого, но въ этомъ вся игра. И никакого толка нѣтъ для капиталиста въ томъ, чтобъ имѣть больше денегъ; но въ этомъ вся забава. Таковъ и весь этотъ гнилой Лондонъ, — онъ грохочетъ, реветъ, выпускаетъ дымъ и вонь, является ужаснымъ скопищемъ гнойныхъ кирпичныхъ зданій и фабрикъ съ ядовитыми испареніями, поднимающимися изъ всѣхъ его норъ, — и вы думаете, что это городъ труда? Ничуть не бывало. Это великій городъ забавы, отвратительной и очень тяжелой, но всё-таки забавы. Это обширное, голое поле лордовъ для игры въ крикетъ, громаднѣй-

шій билліардъ безъ сукна, но съ лузами, глубокими какъ бездонная яма.

25. Итакъ, первая великая забава англичанъ есть игра въ деньги. Она отличается отъ остальныхъ тѣмъ, что, повидимому, всегда доставляетъ деньги, тогда какъ на остальные забавы ихъ приходится тратить. Но не всегда и эта забава даетъ деньги. Къ тому же не одно и то же добывать деньги и производить ихъ, какъ не одно и то же очищать чужіе карманы ради своего или наполнять чужіе и свои.

26. Слѣдующая, затѣмъ, англійская забава—это охота и стрѣльба; она обходится очень дорого. Я не стану здѣсь высчитывать, сколько мы тратимъ на нее ежегодно и что стоитъ бесполезное запущеніе земель, содержаніе лошадей, смотрителей, охраненіе законовъ объ охотѣ и проистекающая отъ этой забавы деморализація насъ самихъ, нашихъ дѣтей и нашихъ слугъ, но попрошу васъ замѣтить, что она не только бесполезна, но даже наноситъ смерть всему, что съ ней сопряжено ¹⁾.

27. Очень близко къ охотѣ—этой мужской забавѣ—стоитъ забава женщинъ нарядами; она далеко не самая дешевая, и я очень бы желалъ имѣть возможность сообщить вамъ, во что обходится эта забава ежегодно Англии, Франціи и Россіи. Но это красивая забава, и, при извѣстныхъ условіяхъ, я люблю ее и нахожу только, что забава эта не такъ распространена, какъ я бы того желалъ. Вы, милостивыя государыни, любите руководить модами; пожалуйте, руководите ими всѣми способами, руководите больше, но распространяйте ваши моды на всѣхъ. Одѣвайтесь красиво и одѣвайте всѣхъ красиво. Прежде всего, озаботьтесь о модахъ для бѣдныхъ, пусть они будутъ нарядны, и вы сами будете красивѣе въ томъ отношеніи, о которомъ вы не имѣете понятія. мода, введенная вами у крестьянъ за послѣднее время, не особенно красива: ихъ фуфайки слишкомъ дырявы, и вѣтеръ черезчуръ безцеремонно пронизываетъ сквозь нихъ.

28. Есть и другія довольно дикія забавы, на которыя я могъ бы вамъ указать, еслибъ у меня было достаточно времени.

Существуютъ забавы литературой, искусствомъ, вполнѣ отличающіяся отъ занятій литературой и искусствомъ, но за недостат-

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ въ „Fors clavigera“, мартъ 1873 г.

комъ времени я не коснусь ихъ, а перейду къ войнѣ—этой величайшей забавѣ изъ всѣхъ джентельменскихъ забавъ, которою барыни охотнѣе всего допускають тѣшиться мужчинъ. Она въ высшей степени плѣняетъ наше воображеніе; мы одѣваемся для нея болѣе изящно, чѣмъ для любого спорта, мы облакаемся не только въ красныя одежды, какъ на охоту, но въ одежды всевозможныхъ нарядныхъ цвѣтовъ, расшитыхъ золотомъ. Я думаю, что лучше было бы воевать въ сѣромъ и не украшать себя перьями. Но всѣ націи согласились, что тѣшиться этой забавой лучше въ красныхъ одеждахъ. Затѣмъ, ея палки и мячи очень дороги. Вооруженіе французамъ и англичанамъ обходится ежегодно около полутора ста милліоновъ; и сумма эта, какъ извѣстно, оплачивается тяжелымъ трудомъ рабочихъ людей на поляхъ и на фабрикахъ. Дорогая забава,—не считая ея послѣдствій, о которыхъ я теперь умолчу. Но я попрошу васъ обратить вниманіе на то, что всѣ эти забавы должны непосредственно оплачиваться цѣною чьей-нибудь мучительной работы, доводящей тружениковъ до преждевременной могилы, какъ многіе изъ васъ слишкомъ хорошо это знаютъ. Ювелиръ, теряющій зрѣніе надъ граненіемъ алмазовъ, ткачъ, котораго руки изнемогають за станкомъ, кузнецъ, наживающій себѣ чахотку у плавильной печи, о, эти люди знаютъ, что такое трудъ!... вѣдь онъ всецѣло выпадаетъ на ихъ долю безъ всякихъ „забавъ“, если не принимать этого слова ¹⁾ въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ мрачныхъ сѣверныхъ странахъ для выраженія заболѣванія. Интересный для филологовъ примѣръ измѣненія значенія слова, въ какомъ оно употребляется въ мрачной части Бирмингама и въ красно-черной части Баденъ-Бадена. Да, милостивые государи и государыни, считающіе каждую минуту, лишнюю забавы, слишкомъ мучительной для нѣжныхъ, слабыхъ созданій,—вотъ какое значеніе получило слово „игра“ въ самомъ сердцѣ веселой Англій. У васъ могутъ быть ваши флейты и свирѣли, но есть сыны печали, грустныя дѣти на вашихъ рынкахъ, которыя не могутъ сказать вамъ: „мы играли вамъ на свирѣли, и вы не плясали“, но вѣчно будутъ говорить: „мы пѣли вамъ печальныя пѣсни, и вы не рыдали“.

1) Рѣчь идетъ объ англійскомъ словѣ „Plag“.

29. Таково первое отличіе высшихъ классовъ отъ низшихъ. И это отличіе далеко не необходимое и должно быть уничтожено съ согласія всѣхъ честныхъ гражданъ. Люди поймутъ же, наконецъ, что забавляться всю жизнь, когда другимъ приходится для этого проливать свою кровь, можетъ быть прилично комарамъ и пиявкамъ, но не людямъ; что честными нельзя назвать ни того дня, ни той жизни, въ теченіе которыхъ мы ничего не дѣлали; что лучшая молитва въ началѣ дня есть просьба о томъ, чтобъ ни одного мгновенія въ теченіе его не пропадало даромъ, какъ и лучшая благодарственная молитва передъ обѣдомъ состоитъ въ сознаніи, что мы честно заработали свой хлѣбъ. И когда мы снова обратимся къ проповѣди истиннаго христіанства, то, вмѣсто вполне ясныхъ словъ: „сынъ мой, иди работай сегодня въ виноградникъ“, не будемъ говорить: „дита, иди забавляйся сегодня въ моему виноградникъ“, — а всѣ станемъ работниками въ той или другой области труда, и тогда навсегда забудется это различіе между высшими и низшими классами.

30. Перехожу теперь ко второму отличію между богатыми и бѣдными, между богачами, одѣтыми въ порфиру и виссонъ, и Лазарями; къ различію, которое теперь проявляется болѣе рѣзко, чѣмъ прежде, въ любой христіанской и языческой странѣ. Принявъ во вниманіе то общее значеніе, какое такая газета, какъ „Morning Post“, придаетъ роскоши, господствующей среди богачей, прочтите слѣдующій случайный отрывокъ изъ нея:

„Вчера вечеромъ, въ восемь часовъ, одна женщина, проходя мимо кучи нечистотъ на каменномъ дворѣ, близъ недавно построенныхъ богодѣлень въ Шадвельскомъ проломѣ, на Верхней улицѣ, обратила вниманіе темзскаго полицейскаго на человѣка, сидѣвшаго на кучѣ нечистотъ, выражая опасеніе, что онъ умеръ. Ея опасенія оказались справедливыми. Несчастный, повидимому, умеръ уже нѣсколько часовъ тому назадъ. Онъ погибъ отъ холода и сырости, и дождь всю ночь лилъ на него. Покойный занимался собираніемъ костей. Онъ находился въ крайней бѣдности, былъ нищенски одѣтъ и полуголоденъ. Полиція часто прогоняла его съ этого двора домой между заходомъ и восходомъ солнца. Онъ избралъ самый отдаленный уголокъ для того, чтобъ умереть. Въ его карманѣ оказалось четыре копейки и нѣсколько костей. Покойному было между пятьюдесятью

и шестьюдесятью годами. Слѣдователь Робертсъ поручилъ произвести дознаніе въ ночлежныхъ домахъ для удостовѣренія его личности. „Morning Post“, отъ 23-го ноября 1864.“

Сравните этотъ фактъ находенія костей въ карманѣ покойнаго съ слѣдующимъ сообщеніемъ Telegraph'a отъ 16-го января того же года:

„Снова таблица пищи, потребляемой взрослыми и малолѣтними бѣдняками, была составлена самыми выдающимися политико-экономами Англии. Количество пищи оказалось очень скудное, едва достаточное для поддержанія существованія; въ теченіе десяти лѣтъ со времени принятія закона о бѣднякахъ, все еще слышно было о томъ, что они не брезгаютъ кусками гнилого мяса и высасываютъ мозгъ изъ лошадиныхъ костей, которыя имъ приходится дробить“.

Вы видите, что я имѣю основаніе предполагать, что наши христіанскіе Лазари пользуются нѣкоторыми преимуществами надъ еврейскимъ; послѣдній надѣялся или желалъ насытиться крошками, падавшими со стола богача, а наши питаются крошками, остающимися отъ корма собакъ.

31. Итакъ, различіе между богатыми и бѣдными зиждется на двухъ основаніяхъ: изъ нихъ одно необходимо и вполне законно, другое же вполне незаконно и вѣчно развращаетъ самый строй общества. Законное основаніе богатства состоитъ въ томъ, чтобъ трудящійся получалъ полную плату за свой трудъ, и если не желаетъ истратить эту плату сегодня, то имѣлъ бы полную свободу сохранить и употребить ее на другой день. Такимъ образомъ, прилежный работникъ, трудясь и откладывая ежедневно, достигнетъ извѣстной суммы богатства, на которую онъ имѣетъ безусловное право. Лѣнивый же, не желающій работать, и расточительный, ничего не откладывающій, будутъ по истеченіи того же промежутка времени бѣднѣе въ двухъ отношеніяхъ: бѣднѣе вслѣдствіе отсутствія сбереженій и вслѣдствіе нравственной распущенности, а потому естественно будутъ завидовать сбереженіямъ перваго. Но еслибъ имъ дозволено было напасть и отобрать у человѣка честно добытое имъ богатство, то у послѣдняго не было бы никакого побужденія для сбереженія и никакой награды за доброе поведеніе, безъ чего мыслимо не общество, а развѣ шайка разбойниковъ. Поэтому первое неизбѣжное условіе общественной жизни заключается въ этомъ общественномъ

сознаніи, что законъ долженъ обезпечивать все честно заработанное.

32. Этотъ законъ, говорю я, составляетъ естественную основу различія между богатымъ и бѣднымъ. Но существуетъ и ложная основа различія, состоящая въ той власти, которую люди, уже владѣющіе благосостояніемъ, имѣютъ, благодаря своей дальнѣйшей наживѣ, на людей, только что добивающихся этого благосостоянія. Всегда для извѣстной группы людей пріобрѣтеніе богатствъ служитъ единственной цѣлью жизни.

Понятно, что эта группа состоитъ изъ людей необразованныхъ, довольно низко стоящихъ въ умственномъ отношеніи и болѣе или менѣе малодушныхъ. Такъ же физически невозможно для хорошо образованнаго, умнаго и мужественнаго человѣка обратить въ главный предметъ своихъ помысловъ деньги, какъ, на примѣръ, и ѣду. Всѣ здоровые люди любятъ поѣсть, но ѣда не есть цѣль ихъ жизни. Такъ, всѣ здравомыслящіе люди любятъ деньги, должны любить ихъ и чувствовать удовольствіе при ихъ пріобрѣтеніи, но главная цѣль ихъ жизни не деньги, а нѣчто лучшее. Хорошій солдатъ, на примѣръ, хочетъ, главнымъ образомъ, хорошо защищать свою родину. Онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, радъ своему жалованью, справедливо негодуетъ, если вы удерживаете его лѣтъ за десять, но цѣль солдата—хорошо воевать, а не получать плату за побѣды. То же самое относится и къ духовнымъ лицамъ. Они любятъ, конечно, церковные доходы и плату за крестины, но если они честны и хорошо образованы, то не церковные доходы единственная цѣль ихъ жизни, и не плата за крестины единственная цѣль крестинъ; ихъ главная задача крестить и проповѣдывать, а не получать плату за проповѣдь. Врачи, безъ сомнѣнія, любятъ плату, должны любить еѣ; и, однакъ, если они честны и образованы, то цѣль ихъ жизни не плата, а излѣченіе больныхъ, и если имъ предстояло лишиться платы и вылѣчить больного, или отправить больного на тотъ свѣтъ и получить приличный гонораръ, то я не думаю, чтобы порядочный врачъ хоть на минуту задумался и не предпочелъ перваго.

Разсужденіе это вѣрно по отношенію ко всѣмъ правильно воспитаннымъ людямъ; трудъ для нихъ—главное, а вопросъ о платѣ, хотя и очень важный, имѣетъ всегда второстепенное значеніе.

Но въ каждой націи, какъ я уже сказалъ, есть обширный классъ плохо образованныхъ, малодушныхъ и, болѣе или менѣе, глупыхъ людей. И для нихъ плата—главное, а работа вещь второстепенная, тогда какъ, повторяю, для всѣхъ честныхъ людей работа—главное. И это разница не ничтожная. Это различіе между жизнью и смертью въ человѣкѣ, между небомъ и адомъ для него. Вы не можете служить двумъ господамъ, а должны служить кому-нибудь одному.

Если работа для васъ главное, а плата вещь второстепенная, то вашимъ господиномъ является трудъ и его творецъ—Богъ. Но если работа для васъ вещь второстепенная, а главное—плата, то вы рабы платы и творца ея—дьявола, и притомъ самаго низкаго и послѣдняго изъ дьяволовъ. Такъ что въ немногихъ словахъ мысль эту можно выразить такъ: если для васъ важнѣе всего—работа, то вы слуга Бога, если-плата, то вы слуга дьявола. И всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ страшная пропасть отдѣляетъ и будетъ отдѣлять слугъ Того, на чьемъ знамени начертано „Царь Царей“, слуга Кому вы становитесь вполнѣ свободными,—отъ поклонниковъ „раба рабовъ“, служеніе которому есть полное рабство.

33. Но въ каждомъ народѣ есть извѣстное число этихъ слугъ дьявола, для которыхъ деньги—главная цѣль жизни. Они всегда, какъ я говорилъ, болѣе или менѣе тупоумны и не могутъ ничего представить себѣ лучше денегъ.

Тупоуміе всегда въ основѣ сдѣлокъ Іудъ. Мы крайне несправедливы къ Искаріоту, считая его выдающимся дурнымъ человекомъ. Онъ былъ обыкновеннымъ любителемъ денегъ, и, какъ всѣ подобные люди, не могъ понимать Христа, не могъ оцѣнить Его, не могъ уяснить себѣ Его значенія. Онъ никогда не думалъ, что Христа казнятъ, а когда увидѣлъ, что Иисуса осудили, ужасъ напалъ на Іуду, онъ бросилъ деньги, пошелъ и удавился. Много ли, думаете вы, найдется теперь такихъ людей изъ числа любителей денегъ, которые повѣсились бы изъ состраданія къ кому бы то ни было казненному изъ-за нихъ? Да, Іуда былъ просто человѣкъ себялюбивый, вороватый и недалекій, онъ всегда запускалъ руку въ ящикъ для бѣдныхъ, нимало не заботясь объ этихъ бѣдныхъ. Не понимая Христа, Іуда, однакожь, вѣрилъ въ Него гораздо больше, чѣмъ

большинство изъ насъ; онъ видѣлъ, какъ Христосъ творилъ чудеса, и былъ увѣренъ, что Христосъ защититъ Себя, а онъ, Иуда, тѣмъ временемъ успѣетъ обдѣлать свое дѣльцо. Христосъ выйдетъ изъ суда невредимымъ, а онъ, Иуда, получить свои тридцать серебрянниковъ. Такова всегда, во всемъ мѣрѣ, мысль всѣхъ людей, жадныхъ до денегъ. Они не ненавидятъ Христа, но не могутъ понять Его, не радѣютъ объ Немъ, не находятъ ничего въ Немъ хорошаго, обдѣлываютъ свои дѣлишки при всякомъ удобномъ случаѣ, а тамъ пусть будетъ, что будетъ. Въ каждой толпѣ людей найдется извѣстное количество такихъ поклонниковъ платы, главная задача которыхъ—нажива денегъ. И они наживаютъ ихъ всякими честными и нечестными путями, преимущественно силою самихъ денегъ, или, такъ называемой, властью капитала, т. е. той властью, которую приобрѣтенныя деньги имѣютъ надъ трудомъ бѣдняка, и въ силу которой капиталистъ можетъ все продукты труда присваивать себѣ, прокармливая только рабочихъ. Это нашъ современный іудинъ способъ имѣть при себѣ денежный ящикъ и все, что туда опускаютъ.

34. Но часто спрашиваютъ, почему же такая прибыль не честна? Развѣ человекъ, зарабатывающій деньги, не имѣетъ права употреблять ихъ, какъ хочетъ? Нѣтъ. Въ этомъ отношеніи деньги, въ настоящее время, играютъ точно такую же роль, какую, въ былое время, играли горные проходы большихъ дорогъ. Бароны часто дрались изъ-за нихъ; самые сильные и ловкіе овладѣвали ими, укрѣпляли ихъ и заставляли каждаго проходящаго и проѣзжающаго платить за это пошлину. Капиталь, въ настоящее время, положительно играетъ роль средневѣковыхъ заставъ. Люди дерутся честно (хотя врядъ ли тутъ можетъ быть рѣчь о честности) изъ-за денегъ; но, приобрѣтя ихъ, укрѣпившійся миллионеръ можетъ заставить каждаго нуждающагося платить дань его миллиону и пристраивать новыя башни къ своему денежному замку. И я, при этомъ, скажу вамъ, что бѣдные страдаютъ не меньше отъ этихъ рыцарей кошелька, чѣмъ страдали и отъ рыцарей замковъ. Замки и туго набитые кошельки одинаково вліяютъ на лохмотья.

Мнѣ некогда теперь подробно показать вамъ, насколько власть капитала несправедлива во многихъ отношеніяхъ, но замѣйте

одинъ великій, всегда вѣрный принципъ: когда деньги являются главной цѣлью жизни человѣка или націи, онѣ дурно приобрѣтаются, дурно тратятся и приносятъ вредъ какъ при приобрѣтении, такъ и при тратѣ ихъ; но когда деньги не главная цѣль, то и онѣ, и все остальное и приобрѣтается и тратится хорошо. И вотъ вамъ мѣрило для каждаго человѣка:

Если человѣкъ, нажившись, остановится и говоритъ себѣ: „ну, довольно, мнѣ хватитъ на мою жизнь; честно наживъ деньги, я постараюсь разумно ихъ прожить и умереть такимъ же бѣднякомъ, какимъ родился“, то деньги для него не главное; но если, имѣя достаточно денегъ, чтобъ прожить до конца своихъ дней, соотвѣтственно своему характеру и положенію, онъ желаетъ еще больше денегъ, желаетъ умереть богатымъ, то деньги для него главное и становятся проклятіемъ и для него, и для тѣхъ, которые послѣ его смерти будутъ ихъ тратить. Вы знаете, что когда-нибудь да придется ихъ истратить, и вопросъ весь въ томъ, сдѣлаетъ ли это человѣкъ, нажившій этотъ капиталъ или кто-нибудь другой? Вообще, гораздо лучше, если онѣ будутъ израсходованы человѣкомъ нажившимъ ихъ, потому что этотъ человѣкъ лучше знаетъ имъ цѣну и лучше ихъ употребить. Если же онъ не хочетъ ихъ израсходовать, то долженъ или копить или ссужать ими другихъ, и послѣднее—самое худшее, что онъ можетъ сдѣлать, потому что занимающіе почти всегда дурно тратятъ, и на занятые деньги совершается почти всё зло и предпринимаются всё несправедливыя войны.

35. Обратите вниманіе, въ чемъ дѣйствительная суть внѣшнихъ займовъ. Если вашъ ребенокъ придетъ и попроситъ у васъ денегъ на фейерверкъ, то вы дважды подумаете, прежде чѣмъ дать ихъ; и при видѣ взлетающихъ ракетъ, очень можетъ быть, придете къ заключенію, что деньги эти даромъ потрачены. Но вотъ приходятъ къ вамъ прусскія и австрійскія дѣти занимать деньги не на невинныя ракеты, а на патроны и штыки, чтобъ напасть на васъ въ Индіи, задушить свободу въ Италіи, избить женщинъ и дѣтей въ Польшѣ, и вы сразу ихъ даете, потому что они платятъ вамъ за нихъ проценты. Но чтобъ уплатить вамъ эти проценты, они должны облагать податью каждаго работающаго крестьянина въ своемъ государствѣ; и вотъ, на этотъ крестьянскій трудъ вы и живете. Такимъ образомъ, вы сразу гра-

бите австрійскаго крестьянина, убиваете или изгоняете польскаго, и живете цѣною грабежа и убійства. Таковъ голый фактъ, таково практическое значеніе какъ вашихъ виѣшнихъ, такъ и большинства крупныхъ займовъ вообще. И послѣ этого, вы имѣете еще смѣлость утверждать, что признаете и вѣрите въ Библию, тогда какъ каждый обдуманый поступокъ въ вашей жизни есть отрицаніе ея первыхъ заповѣдей.

36. Теперь я долженъ перейти къ третьему различію,—различію между людьми, работающими руками, и работающими головой.

И здѣсь мы встрѣчаемъ, наконецъ, неизбѣжное различіе. Должна быть работа ручная, безъ нея никто изъ насъ не могъ бы жить; должна быть и работа мозговая, иваче жизнь наша ничего не стоила бы. Однако, одинъ и тотъ же человѣкъ не можетъ дѣлать обѣ работы. Есть грубая работа для грубыхъ людей; есть нѣжная работа для благородныхъ людей, и физически невозможно, чтобъ одинъ классъ дѣлалъ и раздѣлялъ работу другого. Безполезно пытаться прикрывать этотъ печальный фактъ краснорѣчивыми рѣчами и толковать рабочимъ о томъ, что ручная работа почтенна и вполнѣ соотвѣтствуетъ человѣческому достоинству. Грубая работа, почтенна она или нѣтъ, отнимаетъ у насъ жизнь; и человѣкъ, цѣлый день мѣсящей глину, всю ночь служащій машинистомъ на экстренномъ поѣздѣ, направляя его на сѣверъ при встрѣчномъ вѣтрѣ; правящій рулемъ во время бури, или вытаскивающій желѣзныя полосы, доведенныя до блага каленія, изъ плавильной печи, — къ концу дня сильно отличается отъ человѣка, сидѣвшаго все это время въ покойной комнатѣ, со всѣми удобствами, занимаясь чтеніемъ книгъ, классификаціей бабочекъ или рисованіемъ картинъ. Если нѣкоторымъ утѣшеніемъ для васъ можетъ служить признаніе, что грубая работа наиболѣе почтенна, то я не желалъ бы лишать васъ этого утѣшенія и даже, отчасти, не долженъ. Грубая работа есть, во всякомъ случаѣ, дѣйствительная и честная, вообще, работа, хотя не всегда полезная, тогда какъ умственная работа часто бываетъ безумной, ложной и потому безчестной; но когда и та и другая работа одинаково хорошо и добросовѣстно исполнены, то умственная работа является благородной, а ручная неблагородной. Ко всякой ручной работѣ, необходимой для поддержанія жизни, относятся древнія слова: „въ

потѣ лица твоего будешь снискивать хлѣбъ твой“, слова, указывающія на то, что ей присуще свойство быть несчастіемъ, а не отрадой, и что земля, проклятая ради насъ, бросаетъ нѣкоторую тѣнь униженія на нашу борьбу съ ея терніями и чертополохомъ; поэтому всѣ народы считали почетными или священными свои праздники, т. е. дни праздные отъ труда или дни отдыха. Точно также обѣщаніе, которое въ числѣ нашихъ отдаленныхъ надеждъ, по-видимому, дѣлаетъ смерть болѣе всего отрадной, заключается въ томъ, что почившіе въ Бозѣ „найдутъ успокоеніе отъ трудовъ своихъ и унаслѣдуютъ ихъ плоды“.

37. Такимъ образомъ, возникаетъ вѣчный вопросъ и споръ о томъ, кто долженъ исполнять эту грубую работу? Чѣмъ нужно утѣшать, облегчать и вознаграждать ея исполнителей? Какого рода утѣшеніями и какимъ покоемъ должны они пользоваться какъ въ этомъ мірѣ, такъ и въ будущемъ? Хотя, работающіе друзья мои, я не могу рѣшенію этихъ вопросовъ удѣлить много времени, но на нихъ необходимо отвѣтить. Всѣ добрые люди и всѣ честные мыслители заняты ими. Не мало великой, умственной работы посвящено имъ; многое должно быть еще придумано, много сдѣлано неудачныхъ попытокъ, прежде чѣмъ можно будетъ дать рѣшительный отвѣтъ. Пока же замѣтьте хоть тѣ немногія частности, которыя ясны и стоятъ внѣ всякаго сомнѣнія.

38. Во-первыхъ, относительно распредѣленія суровой работы. Всѣ мы, или громадное большинство исполняемъ трудную или легкую работу не потому, что считаемъ ее своею обязанностью, а просто потому, что случайно на нее напали и продолжаемъ ее дѣлать. Но хорошо можно исполнять только то, отъ чего мы никакъ не можемъ отказаться; только та работа хороша, которая сдѣлана по охотѣ, и никто не можетъ вопли охотно дѣлать своего дѣла, если не сознаетъ, что дѣлаетъ именно то, что долженъ дѣлать, и находится какъ разъ на своемъ мѣстѣ. По крайней мѣрѣ, каждая работа должна быть сдѣлана не безпорядочно, не безобразно, не грубо, не по-собачьи, а въ полномъ порядкѣ, по-человѣчески, законосообразно и законно. Людей, предназначенныхъ для работы, имѣющей своей цѣлью уничтоженіе жизни, т. е. войну, вносятъ въ книги, пересчитываютъ, обучаютъ, кормятъ, одѣваютъ и восхваляютъ. Пусть же и тружениковъ, посвящающихъ себя ра-

ботъ, цѣль которой сохраненіе жизни людей, тоже вносятъ въ списки, пусть и ихъ пересчитываютъ, обучаютъ, кормятъ, одѣваютъ и восхваляютъ. Обучайте пахать такъ же тщательно, какъ вы обучаете стрѣлять, и пусть полководцы армій жизни считаются такими же джентельменами, какъ и полководцы армій смерти, и тогда вы поступите правильно. Но никакое, вообще, дѣло не только не можетъ быть правильно выполнено, но даже невысказано вообще, если прежде всего и слуги, и господа не рѣшатся во что бы то ни стало оказывать другъ другу справедливость.

39. Люди постоянно спорятъ о томъ, какое дѣло лучше, легче, приличнѣе или выйднѣе, но, насколько я слышалъ эти разговоры, они никогда не задаютъ вопроса о томъ, какое дѣло справедливѣе. А между тѣмъ, таковъ законъ неба, что вы не въ состояніи рѣшить, что разумно или что легко, пока не рѣшите, что справедливо и не станете поступать по справедливости. „Оказывайте судъ и справедливость“—вотъ правило изъ всѣхъ правилъ, чаще всего повторяемое нашимъ Господомъ. Таково велѣніе Библии, и въ этомъ состоитъ „служеніе Богу“, а не въ молитвѣ и не въ пѣніи псалмовъ. Вамъ сказано, правда, чтобъ вы пѣли псалмы, когда радуетесь, и молились, когда въ чемъ-нибудь нуждаетесь; но вслѣдствіе извращенности нашихъ понятій и подъ вліяніемъ злого въ насъ духа, мы начинаемъ считать молитву и пѣніе псалмовъ за служеніе Богу. Если ребенку что-нибудь нужно, и онъ обращается къ отцу, то считаетъ ли, что служить этимъ отцу? Если онъ проситъ у него игрушку или кусокъ пирога, считаетъ ли, что онъ служитъ этимъ отцу? Тоже самое и молитва по отношенію къ Богу. Богъ любитъ молитву, Онъ любитъ, чтобъ вы просили у него пирога, когда вы нуждаетесь въ немъ, но не называйте это „служеніемъ“. Выпрашиваніе не есть служеніе. Богъ такъ же мало, какъ и вы, любитъ людей, которые только просятъ: Онъ любитъ честныхъ слугителей, а не попрошайекъ. Точно также, когда ребенокъ очень сильно любитъ своего отца и очень счастливъ, то можетъ восхвалять его въ пѣсенкахъ, но не станетъ думать, что служить этимъ отцу; и вы, воспѣвая хвалебные гимны или псалмы Богу, отнюдь этимъ не служите Ему. Если псалмы и имѣютъ какое-нибудь значеніе, а по всѣмъ вѣроятіямъ не имѣютъ никакого, то, во всякомъ случаѣ, значеніе самоуслажденія, служенія себѣ,

а не Богу. И однакожъ, мы настолько наглы, что не стыдимся называть наши прошенія и пѣсногнѣнія „божественной службой“, „богослуженіемъ“. „Богослуженіе будетъ совершено въ такомъ-то часу“. Увы! если мы не исполняемъ божественнаго служенія каждымъ сознательнымъ дѣломъ нашей жизни, то совсѣмъ не служимъ Богу. Единственное божественное дѣло, единственная заповѣданная жертва—есть справедливость, а мы меньше всего склонны исполнять её. Требуите отъ насъ, чего угодно, только не справедливости. „Вѣдь милость“, скажете вы, „превозносится надъ судомъ“. Да, она больше справедливости, она его вершина, она — храмъ, основаніемъ которому служить справедливость. Но вы не можете достигнуть вершины, не начавъ съ основанія. Вы можете основывать ваши дѣла не на милости, а только на справедливости, по той простой причинѣ, что милости нѣтъ безъ справедливости. Она— послѣдняя награда за доброе дѣло. Оказывайте ближнему справедливость — любя и не любя его; вы можете это дѣлать,—и вы научитесь его любить. Но если вы несправедливы къ нему, потому что не любите его, то кончите тѣмъ, что возненавидите его.

40. Очень пріятно думать, что можно основывать свою дѣятельность на милости и начинать съ нея, но скоро вы найдете, что вамъ приходится исключительно ограничиваться вашимъ домомъ и, въ сущности, любить только себя и всё свое. Вы добры, напр., къ вашимъ домашнимъ, въ ближайшее воскресеніе отправляетесь къ „богослуженію“ мило и прилично одѣтые; на вашихъ дѣтяхъ крѣпкіе праздничные сапожки, въ шляпахъ красивыя маленькія перышки, и вы пріятно и набожно думаете, какъ мило они выглядываютъ, идя въ церковь въ своихъ лучшихъ нарядахъ! И они, дѣйствительно, милы, и вы сердечно любите ихъ, и любите втыкать перышки въ ихъ шляпы. Это всё отлично, это всё — милость, но милость, ограничивающаяся вашимъ домомъ. Затѣмъ вы встрѣчаете бѣднаго маленькаго мальчугана, подметающаго улицы тоже въ его праздничной одеждѣ т. е. въ самыхъ ужасныхъ лохмотьяхъ, чтобъ удобнѣе выпрашивать милостыню. Вы подаете ему копейку и думаете о томъ, какъ вы добры и какъ Господь милосердъ, предпочитая вашихъ дѣтей этому нищему, давая имъ возможность носить и шляпу съ перьями, и красивые сапожки и имѣть, наконецъ, грошъ, чтобъ подать, а не выпраши-

вать его. Такова милость ваша, проявляющаяся внѣ дома. Но что говорить справедливость, которая тутъ рядомъ и слѣдуетъ за вами? Христіанская справедливость страннымъ образомъ казалась все это время нѣмой и слѣпой, а если не слѣпой, то немощной. Но нѣтъ, она сводитъ свои счета твердо и непоколебимо по ночамъ, сбрасывая съ глазъ повязку и надѣвая самыя сильныя очки—единственное изъ современныхъ научныхъ открытій, которое она признаетъ. Вы должны поближе прильнуть къ ней ухомъ, чтобъ услышать ея голосъ, и затѣмъ васъ поразитъ то, что она будетъ шептать вамъ, потому что она, прежде всего, безъ сомнѣнія задастъ вамъ вопросъ: „а почему бы и этому встрѣтившемуся нищенкѣ не имѣть тоже пера и шляпы, какъ и вашему ребенку?“ Вы, конечно, удивленно спросите справедливость: „неужели же она можетъ быть такъ наивна, чтобъ предполагать, что нищія могутъ мести улицы въ шляпахъ съ перьями?“ Затѣмъ вы умолкаете, и справедливость, попрежнему, мрачно и странно шепчетъ: „но почему бы вамъ не заставить вашего ребенка черезъ воскресенье мести улицу, а вмѣсто него сводить маленькаго ницаго въ церковь, надѣвъ на него шляпочку съ перомъ?“ Но, Боже мой,—думаете вы,—какую еще чушь будетъ дальше городить эта совѣсть? И отвѣчаете, конечно, что вы этого не дѣлаете, потому что каждый долженъ оставаться доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставленъ Провидѣніемъ. Но, друзья мои, вѣдь вся суть вопроса въ томъ: вы ли или Провидѣніе поставили нищихъ въ ихъ положеніе? Вы толкаете человѣка въ яму и затѣмъ говорите ему, что онъ долженъ быть доволенъ тѣмъ положеніемъ, въ которое поставило его Провидѣніе. Таково наше современное христіанство! Вы говорите: „мы не толкали его“. Да, конечно, мы никогда не будемъ сознавать всего, что сдѣлали и чего не сдѣлали, пока каждое утро не будемъ задавать себѣ вопроса, какъ намъ въ теченіе дня дѣлать дѣло не выгодное, а справедливое, пока не станемъ, по крайней мѣрѣ, настолько христіанами, чтобъ признать справедливость изреченія магометанъ, гласящаго что „часъ справедливости стѣдитъ больше семидесяти лѣтъ молитвы“.

41. Предположивъ, однако, что мы, болѣе или менѣе, справедливо рѣшили, кому слѣдуетъ выполнять ручную работу, слѣдующій затѣмъ вопросъ будетъ о томъ, какъ эти рабочіе должны быть

оплачиваемы, какимъ отдыхомъ и развеченіемъ они должны пользоваться? Но количество развлеченій зависитъ отъ количества получаемой платы, а этотъ вопросъ важно разсмотрѣть относительно всѣхъ рабочихъ. Вообще, хорошая, полезная работа рукъ и головы плохо или совсѣмъ не оплачивается. Я не говорю, что такъ должно быть, но это фактъ. Люди, обыкновенно, платятъ только тѣмъ, кто ихъ потѣшаетъ или обманываетъ, а не тѣмъ, кто имъ служить. Пять тысячъ въ годъ говоруну и по шиллингу въ день солдату, землекопу, мыслителю—таково общее правило. Лучшія работы въ области искусства, литературы или науки никогда не оплачивалась. Сколько, думаете вы, получилъ Гомеръ за свою „Иліаду“ или Данте за свой „Рай“? — кусокъ горькаго хлѣба, щепотку соли и удовольствіе не разъ подыматься по чужимъ лѣстницамъ. Въ области науки, человѣкъ, изобрѣтшій телескопъ и первый разсмотрѣвшій небо, поплатился тюрьмой; человѣкъ, изобрѣтшій микроскопъ и первый разсмотрѣвшій землю, умеръ съ голоду, изгнанный изъ дому. Очевидно, что Богъ хочетъ, чтобъ всякая вполнѣ хорошая работа была сдѣлана даромъ. Я полагаю, что книжникъ Барухъ не получилъ и трехъ копеекъ за строку своей „Іереміады“; Св. Стефана за его длинную проповѣдь фарисеямъ наградили не епископскимъ жалованьемъ, а только камнями. Такова обычная плата князя міра сего.

Каждый разъ, когда сыны міра, честно умомъ и сердцемъ потрудившись на благо міра, приходятъ затѣмъ къ его князю, говоря: „дай намъ немного хлѣба, чтобъ поддержать только нашу жизнь“, онъ неизмѣнно отвѣчаетъ имъ: „нѣтъ, дѣти, я дамъ вамъ не хлѣба, а камень, и не одинъ камень, а сколько нужно каменьевъ, чтобъ заставить васъ замолчать и передать будущимъ поколѣніямъ повѣсть о томъ, какъ васъ не взлюбили ваши современники“.

42. Правда, люди, работающіе руками, или, такъ называемые, чернорабочіе находятся въ сравнительно лучшемъ положеніи, чѣмъ былъ Св. Стефанъ. Самое худшее, если имъ предлагаютъ разбивать камни, но ихъ не побиваютъ камнями. Однако, и для нихъ настанетъ день лучшей отплаты; настанетъ навѣрное день, когда мы будемъ платить людямъ не столько за разговоры въ парламентъ и за ничего недѣланіе, сколько за то, чтобъ они держали языкъ за зу-

бами и что-нибудь дѣлали. Будемъ платить побольше нашимъ пархарямъ и поменьше нашимъ законодателямъ, и такъ далѣе. Но и теперь мы должны, по крайней мѣрѣ, озаботиться, чтобъ всякая сдѣланная работа вполнѣ оплачивалась, и чтобы плату получали тѣ, которые работали, а не другіе; чтобъ это исполнялось въ строгомъ порядкѣ, при надлежащемъ руководствѣ и при наиболѣе выгодныхъ и здоровыхъ условіяхъ, подъ вѣдѣніемъ хорошихъ капитановъ и полководцевъ труда; чтобъ рабочіе имѣли опредѣленное и вполнѣ достаточное время для отдыха, и чтобъ отдыхъ ихъ проходилъ за здоровыми забавами, не въ театральныхъ садахъ съ искусственными цвѣтами, газовымъ освѣщеніемъ и дѣвушками, танцующими по нуждѣ, а въ настоящихъ садахъ, съ настоящими цвѣтами, при блескѣ солнечныхъ лучей и съ дѣтьми, танцующими отъ веселья, такъ чтобы, наконецъ, наши улицы, а не каналы, были полны играющими дѣтьми. Мы можемъ уже теперь позаботиться о томъ, чтобы рабочіе имѣли, по крайней мѣрѣ, такія же хорошія книги для чтенія и такія же удобныя сидѣнія у камелька, какъ и остальные люди. Это, думаю я, можетъ быть уже обезпечено вамъ, мои трудолюбивые друзья, въ ближайшемъ благопріятномъ будущемъ.

43. Теперь я долженъ перейти къ нашему послѣднему пункту, относящемуся до всѣхъ насъ, въ качествѣ работниковъ.

Какая работа разумна и какая безумна? Какое различіе между осмысленной и бессмысленной повседневной работой?

Есть три признака разумной работы: она должна быть честной, полезной и радостной.

I. Честной. Крайне удивительно, что вы признаете честность въ игрѣ, а не признаете ее въ работѣ. Въ самыхъ легкихъ вашихъ играхъ вы всегда имѣете кого-нибудь, слѣдящаго за тѣмъ, чтобъ играли по чести. Вашъ англійскій лозунгъ: „игра на чистоту“, и вы ненавидите нечистую игру. Но неужели васъ не поражала никогда мысль, что необходимъ и другой лозунгъ: „работа на чистоту“, въ противоположность еще болѣе ненавистой „нечистой работѣ“.

Боецъ, добывающій призъ, не лишень чувства чести, какъ и присутствующая вокругъ него публика, которая признаетъ проигравшимъ того, кто нанесетъ нечестный ударъ. Но ваши купцы получаютъ свои выигрыши не чистой торговлей, и никто этимъ не

возмущается. Вы выгоняете игрока изъ игорнаго дома, если онъ смошенничаетъ, но вы предоставляете торговцу вести его процѣтающую торговлю, хотя бы вѣсы его и были не вѣрны. А всякое нечестное дѣло, замѣтете, то же, что невѣрные вѣсы. И въ самомъ дѣлѣ, какая разница: получу ли я недовѣсъ, подмѣшанный товаръ или недобросовѣстный продуктъ? развѣ лишь та, что послѣднее есть худшее изъ всѣхъ золъ. Дайте мнѣ неполное количество пищи,—и я только буду голоднѣе отъ этого, но дайте мнѣ подмѣшанный товаръ,—и я, благодаря этому, могу умереть.

Итакъ, вотъ, рабочіе и мастеровые, въ чемъ заключается первая и главная ваша обязанность: вы должны быть вѣрны себѣ и намъ, желающимъ вамъ помочь. Мы безъ честности ничего не можемъ сдѣлать для васъ, и вы для себя. Будьте честны и всё вамъ будетъ возможно. Если вы не будете честны, то и всеобщая подача голосовъ, и всѣ реформы, и всѣ мѣры относительно свободной торговли, и всѣ ваши ученыя общества и учрежденія будутъ тщетны. Безполезно объединять ваши умы, если сердца ваши не бьются заодно. Плечо къ плечу, рука съ рукой, соединившись вмѣстѣ и никому не протягивая предательской руки, вы побѣдите міръ.

44. II. Разумная работа должна быть полезна. Никто не считаетъ или не долженъ, по крайней мѣрѣ, считать работу тяжелой, если она ведетъ къ чему-нибудь полезному; но если она трудна и не ведетъ ни къ чему, если вся наша пчелиная работа обращается въ трудъ паука, если вмѣсто медовыхъ сотъ мы получаемъ паутину, которую унесетъ первый поднявшійся вѣтерокъ, то такая работа мучительна для работника. Но задаемъ ли мы себѣ каждый порознь и всѣ вмѣстѣ—какъ нація—вопросъ: ведетъ ли къ чему-нибудь наша работа? Мы не стараемся сохранять плодовъ нашего благороднаго труда, достойнаго того, чтобъ сохраняли его другіе, не стараемся, чтобъ трудъ былъ полезенъ, а не убійственъ для производителя, и чтобъ жизнь его развивалась, а не тратилась даромъ. Изъ всѣхъ тратъ самая ужасная трата, возможная для насъ, есть трата труда. Еслибъ утромъ, войдя въ вашу молочную, вы нашли, что вашъ младшій ребенокъ уже былъ тамъ раньше васъ, игралъ съ котенкомъ и вылилъ всѣ сливки на полъ, чтобъ котенокъ могъ ихъ подлизать, вы пожурили бы ребенка и

пожалѣли бы, что сливки пропали даромъ. А если вмѣсто каменныхъ сосудовъ съ молокомъ имѣются золотые сосуды съ человѣческой жизнью, вмѣсто котенка играетъ съ вами дьяволъ, и вы сами разбиваете эти золотые сосуды впрахъ и топчете человѣческую жизнь въ грязь, предоставляя ее дьяволу—то неужели считаете это не бесполезной тратой?

45. Вы, однако, можетъ быть, думаете, что „тратить трудъ людей не значитъ убивать ихъ“? Да? Въ такомъ случаѣ, мнѣ хотѣлось бы знать, какъ можно еще хуже убивать ихъ, убивать двадцать, семьдесятъ, сто разъ? Нѣтъ ничего легче, какъ схватить человѣка за горло и задушить его. Но голодъ, холодъ и свистящія пули,—эти любовныя посланія, которыми обмѣниваются націи между собой,—были уже отрадными вѣстниками для очень и очень многихъ; вѣстниками сладкаго покоя и позволенія отправиться, наконецъ, туда, гдѣ они будутъ всего желаннѣе и счастливѣе. Въ крайнемъ случаѣ, если вы не извращаете, то сокращаете жизнь рабочаго. Но если вы приставляете человѣка къ унижительной работѣ, лишаете его радостей, угнетаете его мысль, ослѣпляете зрѣніе, омрачаете надежды, уродуете его тѣло, убиваете душу и не оставляете ему даже настолько сознанія, чтобъ оцѣнить плоды его униженія, предоставляя это себѣ, если вы такъ гоните его до самой смерти, и вамъ уже не остается ничего больше какъ только постараться еще, чтобъ вѣчно давила его могила (хотя мнѣ думается, что прекрасные кирпичи нѣкоторыхъ нашихъ семейныхъ склеповъ будутъ давить васъ сильнѣе въ день воскресенія, чѣмъ земля на могилахъ бѣдняковъ), то неужели вы, все-таки смѣете думать, что это не бесполезная трата, что это не грѣхъ?

46. Наконецъ, Ш-е. Разумная работа должна быть радостна, радостна, какъ работа дѣтей.

Но здѣсь мнѣ бы хотѣлось, чтобъ вы унесли съ собой и запомнили одну мысль, которую я теперь выскажу.

Каждаго изъ здѣсь присутствующихъ учили ежедневно молиться: „Да придетъ царствіе Твое“. Когда мы слышимъ, что на улицѣ божится человѣкъ, мы негодуемъ и говоримъ, что онъ всеу призываетъ имя Бога. Но можно въ двадцать разъ хуже призывать Его имя всеу. И это именно, когда мы просимъ у Бога

то, о чемъ мы ни мало не заботимся и чего намъ совсѣмъ не нужно.

Онъ не любить такихъ прошеній. Если вамъ чего-нибудь не нужно, не просите объ этомъ: такая молитва есть самое ужасное издѣвательство надъ Богомъ; воины, бывшіе Его прутьями по головѣ, не такъ издѣвались надъ Нимъ, какъ мы. Если мы не желаемъ пришествія Его царства, то и не должны объ этомъ молиться. Но если желаемъ, то должны не только молиться, но и трудиться для этого. А чтобъ трудиться, намъ слѣдуетъ, прежде всего, знать, въ чемъ оно состоитъ. Мы всѣ много лѣтъ молились о пришествіи царствія Его, не вдумываясь въ значеніе этого прошенія. Забудьте, что это царство должно прійти къ намъ, а не мы къ нему, что это царство живыхъ, а не мертвыхъ, что оно не придетъ сразу, но тихо, незамѣтно, никто не знаетъ какъ. „Не придетъ царствіе Божіе примѣтнымъ образомъ“, и не внѣшнимъ образомъ, а въ сердцахъ нашихъ. „Царствіе Божіе внутри васъ“. Какъ внутреннее царство, его нельзя видѣть, а можно только чувствовать, и хотя съ появленіемъ его исчезаютъ всѣ внѣшніе элементы зла, но оно состоитъ не въ нихъ: „Ибо царствіе Божіе не пища и питіе, но праведность, и миръ, и радость во Святомъ Духѣ“. Радость во Святомъ и всеисцѣляющемъ Духѣ. Теперь, если мы хотимъ трудиться для этого царствія, желаемъ, чтобъ оно пришло и чтобъ мы въ него вошли, то должны исполнить одно странное условіе: нужно принять его, какъ дитя; безъ этого совсѣмъ нельзя войти въ него. „Кто не приметъ царствія Божія какъ дитя, тотъ не войдетъ въ Него“. И еще: „Пустите дѣтей приходите ко мнѣ и не препятствуйте имъ: ибо таковыхъ есть царствіе Божіе.“*)

47. Забудьте слово „таковыхъ“; не самихъ дѣтей, а такихъ, какъ они. Мнѣ кажется, есть не мало матерей, которыя, читая эти слова, думаютъ, что все небо и вся земля, когда она уподобится небу, наполнятся дѣтьми. Но это не вѣрно. „Долгота дней и долгая жизнь и миръ“—вотъ въ чемъ благословеніе, а не въ смерти и не въ томъ, чтобъ оставаться вѣчно ребенкомъ. Мы должны заимствовать характеръ у дѣтей, стать такими, какъ они, если не хотимъ погибнуть. Посмотримъ же вскользь, въ чемъ заключаются эти черты дѣтскаго характера.

*) Я въ этой бесѣдѣ чаще, чѣмъ когда-либо ссылаюсь на Библію, потому что аудиторія состоитъ изъ людей, признающихъ ея авторитетъ.

Первая, выдающаяся черта настоящего ребенка есть скромность. Хорошо воспитанный ребенок никогда не думаетъ, что онъ можетъ учить своихъ родителей или что все знаетъ. Ему можетъ казаться, что его мать и отецъ знаютъ всё, что всё даже взрослые всё знаютъ, но онъ увѣренъ, что онъ-то самъ всего не знаетъ. И онъ всегда спрашиваетъ и хочетъ все больше знать. И такимъ свойствомъ долженъ отличаться каждый добрый и разумный человекъ въ своей работѣ: сознавать, что онъ знаетъ очень немного, что есть масса людей, знающихъ гораздо больше его, вѣчно интересоваться, желать узнать всё больше, а не учить. Никто не учитъ хорошо, кто постоянно хочетъ учить, и никто не можетъ хорошо управлять, кто хочетъ непременно управлять; это старая истина, высказанная еще Платономъ (хотя я не знаю, онъ ли первый ее высказалъ), но она такъ же мудра, какъ и стара.

48. Вторая отличительная черта ребенка — довѣрчивость. Замѣтивъ, что отецъ лучше его знаетъ, что хорошо и что дурно, узнавъ по опыту, что каждый разъ, когда онъ, ребенокъ, уклонялся отъ совѣта отца и пытался дѣлать по своему, отецъ оказывался правъ, хороший ребенокъ, наконецъ, всецѣло довѣряетъ отцу, протягиваетъ ему свою руку и готовъ слѣпо слѣдовать за нимъ, если онъ того пожелаетъ. Таковъ истинный характеръ и всѣхъ добрыхъ людей, всѣхъ покорныхъ тружениковъ. Они должны довѣрять своимъ руководителямъ и всю жизнь выбирать только такихъ, къ которымъ могутъ питать довѣріе. Затѣмъ, они не должны думать, будто все, что кажется имъ страннымъ или дурнымъ въ томъ, что ихъ заставляютъ дѣлать, — дѣйствительно странно и дурно. Они знаютъ своего руководителя и должны слѣдовать за нимъ, исполнять его приказанія; и безъ такого довѣрія, безъ такой подчиненности и руководства, никакое великое дѣло, никакое великое спасеніе немыслимо для человека.

49. Третья характерная черта хорошаго ребенка состоитъ въ томъ, что онъ полонъ любви. Полюбите ребенка немного, и онъ отвѣтитъ вамъ гораздо большей любовью. Онъ любитъ все окружающее, не желаетъ ничему вредить, охотно отдаетъ все лучшее, что у него есть, не стремится забрать всё себѣ и больше всего радуется, помогая другимъ; вы ничѣмъ не можете доставить ему большаго удовольствія, какъ давая ему возможность приносить сильную пользу.

рая бѣдняка. Они подобны ехиднѣ, убивающей своимъ взоромъ, но „дитя протянетъ руку свою на гнѣздо змѣи“. „Смерть на стезяхъ ихъ: они быстры на пролитіе крови, они хватаютъ васъ какъ львы, алчные до добычи, и какъ молодые львы, прячущіеся по затаеннымъ ущельямъ“. Но въ томъ царствіи „волькъ будетъ лежать вмѣстѣ съ ягненкомъ, и барсъ будетъ лежать вмѣстѣ съ козленкомъ, и теленокъ, и молодой левъ, и волъ будутъ вмѣстѣ, и малое дитя будетъ водить ихъ“. Смертью вѣетъ отъ мысли этихъ людей; весь міръ представляется имъ загадкой, все болѣе и болѣе мрачной по мѣрѣ того, какъ они стараются ее разгадать; но тайна этой загадки извѣстна ребенку и „славлю Тебя, Отче, Господа неба и земли, что Ты утаилъ сіе отъ мудрыхъ и разумныхъ и открылъ младенцамъ“. Да, смерть, бездна смерти въ князьяхъ и властелинахъ міра сего. Такъ же далеко, какъ западъ отстоитъ отъ востока, такъ же далеко наши грѣхи разсѣиваются вокругъ насъ. Даже солнце не радуется теперь, совершая свой путь и садясь на западъ въ пурпуровомъ кровавомъ блескѣ. И будетъ оно все болѣе багровое. Какая бы ни была засуха, но недостатка въ этомъ кровавомъ дождѣ не будетъ. Вы собираетесь съ силами, вы вооружаетесь противъ зла, но тщетно; врагъ и мститель не замедлитъ возстать и противъ васъ, если вы не научитесь повимать, что не изъ дулъ гладкихъ пушекъ и нарѣзныхъ винтовокъ, а изъ устъ младенцевъ изойдетъ та сила, которая умиротворитъ и врага, и мстителя.

Лекція II.

О Биржѣ.

(Читана въ залѣ городской думы въ Брадфордѣ).

52. Добрые іоркширскіе друзья! Вы просили меня пріѣхать къ вамъ сюда и среди вашихъ холмовъ побесѣдовать съ вами о биржѣ, которую вы намѣрены строить; но извините, если ни о чемъ подобномъ я не буду говорить въ настоящей моей рѣчи. Я могу очень мало сказать вамъ о вашей биржѣ, но долженъ, хотя и неохотно, высказать многое о совѣмъ другихъ предметахъ. Я не заслуживалъ бы вашего извиненія, еслибъ на ваше приглашеніе побесѣдовать на опредѣленную тему, я, чисто по капризу, заговорилъ совѣмъ о другомъ. Но я просто не могу говорить о томъ, что меня не интересуешь, и потому мнѣ съ самаго начала приходится, къ сожалѣнію, сказать вамъ, что я ни мало не интересуюсь этой вашей биржей.

Еслибъ я на ваше приглашеніе отвѣтилъ, что не пріѣду, потому что мнѣ дѣла нѣтъ до вашей брадфордской биржи, вы могли бы справедливо оскорбиться, не зная причины такого грубаго равнодушія. Поэтому я и пріѣхалъ, въ надеждѣ, что вы терпѣливо позволите мнѣ высказать вамъ причину того, что я, въ данномъ, какъ и во многихъ подобныхъ случаяхъ, храню теперь молчаніе, хотя прежде охотно воспользовался бы возможностью обратиться къ такому почтенному собранію.

53. Словомъ, я не интересуюсь этой биржей, потому что вы сами не интересуетесь ей, и она даже не въ силахъ, какъ вы сами отлично знаете, васъ заинтересовать. Взгляните на существенныя условія даннаго случая, которыя вы, какъ дѣловые люди, отлично понимаете, хотя, можетъ быть, думаете, что я ихъ не знаю. Вы собираетесь потратить 300,000 рублей, которые для

всѣхъ васъ ничего не составляютъ. Купить новый сюртукъ для меня значить гораздо больше, чѣмъ вамъ построить новую биржу, Но вы хотѣли бы за эти деньги построить нѣчто хорошее. Вы знаете, что есть множество архитектурныхъ стилей для такихъ зданій; обо мнѣ вы слышали, какъ объ одномъ изъ знатоковъ архитектуры, и вотъ вы послали пригласить меня, чтобъ я высказалъ вамъ, какая архитектура болѣе подходяща для вашей биржи, и какія имѣются у насъ въ данную минуту послѣднія и лучшія внѣшнія украшенія зданій.

54. Но извините, если я откровенно скажу вамъ, что хорошая архитектура не является по совѣту людей; она есть выраженіе жизни и характера народа, преобладающаго національнаго вкуса или страстнаго стремленія къ красотѣ. Я просилъ бы васъ вдуматься въ глубокое значеніе слова „вкусъ“, потому что ни одно изъ моихъ положеній не встрѣчало болѣе серьезныхъ и многочисленныхъ возраженій, чѣмъ именно то, что „хорошій вкусъ есть нравственное качество“. „Нѣтъ“, говорятъ многіе изъ моихъ противниковъ, „вкусъ—одно, а нравственность совсѣмъ другое. Скажите намъ, что красиво, и мы будемъ очень рады узнать это, но мы не нуждаемся въ вашихъ проповѣдяхъ, хотя бы вы и были способны произносить ихъ, въ чемъ мы даже сомнѣваемся“.

Но я, все-таки, позволю себѣ подтвердить давно высказанное мною положеніе. Вкусъ не только является частицей и указателемъ нравственности, но въ немъ сказывается вся нравственность. Первый и послѣдній вопросъ, съ которымъ мы должны обращаться къ каждому живому существу, есть вопросъ о томъ, что онъ любитъ. Скажите мнѣ, что вы любите, и я скажу, что вы за человѣкъ. Выйдите на улицу и спросите перваго встрѣтившагося мужчину или первую встрѣчную женщину, каковъ ихъ вкусъ, и если они откровенно вамъ скажутъ, вы сразу узнаете ихъ съ ихъ тѣломъ и душой.—Вы, мой другъ, въ лохмотьяхъ, съ нетвердой походкой, что вы любите?—„Трубку и чарку водки“. — Хорошо, я знаю васъ. Вы, добрая женщина, съ быстрой походкой и въ скромномъ чепчикѣ, что вы любите?—„Тщательно выметенный очагъ, чистую скатерть, мужа, сидящаго напротивъ, и ребенка у груди“.—Хорошо, я знаю васъ. А вы, маленькая дѣвочка, съ золотистыми кудрями и кроткими глазами, что вы любите?—„Канарейку и прогулку въ

рощицѣ, гдѣ растутъ дикіе гіацинты“.—Вы, мальчуганъ, съ грязными руками и низкимъ лбомъ, что вы любите? — „Швырять камнями въ воробьевъ и играть въ лунку“.—Хорошо, мы узнали всѣхъ васъ, и нечего намъ больше спрашивать.

55. Но вы, можетъ быть, скажете: „нѣтъ, этихъ взрослыхъ и этихъ дѣтей слѣдовало бы спросить не о томъ, что они любятъ, а что они дѣлаютъ. Если они творятъ добро, то пусть любятъ зло; и, наоборотъ, если они творятъ зло, то нѣтъ никакой пользы въ томъ, что они любятъ добро. Дѣла—главное; пусть себѣ чловѣкъ любить пить, лишь бы только онъ воздерживался и не пилъ; пусть мальчуганъ любить швырять камнями въ воробьевъ, если это не мѣшаетъ ему прилежно посѣщать воскресную школу; какъ и наоборотъ, дѣвочка можетъ очень любить свою канарейку и не учить своихъ уроковъ“. Дѣйствительно, то, что вы говорите, въ условномъ смыслѣ справедливо относительно извѣстнаго короткаго періода времени. Безъ сомнѣнія, если люди твердо рѣшатся дѣлать добро, то кончатъ тѣмъ, что полюбятъ его. Но они только тогда станутъ истинно нравственными, когда полюбятъ дѣлать добро, а пока этой любви въ нихъ нѣтъ, они все еще остаются порочными людьми. Нельзя назвать испѣлвшимся того, кто постоянно думаетъ о бутылкѣ въ шкафу, хотя бы онъ и мужественно боролся съ искушеніемъ. И вся суть истиннаго воспитанія состоитъ въ томъ, чтобъ научить людей не только дѣлать, но и полюбить добро, не только быть трудолюбивыми, но и любить трудъ, не просто быть учеными, но и находить наслажденіе въ знаніи, не только оставаться чистыми, но и любить чистоту, не только оказывать справедливость, но и жаждать ея.

56. Хорошо, подумаете вы, но любовь къ внѣшнимъ украшеніямъ, — къ картинамъ, статуямъ, къ архитектурѣ,—неужели есть нравственное качество? Да, безъ сомнѣнія, если это правильно опредѣленная любовь. Не любовь, вообще, къ картинамъ и статуямъ есть нравственное качество, а только любовь къ хорошимъ. Но здѣсь намъ приходится предварительно опредѣлить слово „хорошее“.

Я подъ словомъ „хорошее“ не разумѣю умнаго, искуснаго или труднаго исполненія. Возьмите, напримѣръ, картину Теньера, хотя бы его „Пьяницъ“, ссорящихся за игрой въ кости; это вполне умная

картина, настолько умная, что нѣтъ ничего въ этомъ отношеніи равнаго ей, а между тѣмъ, это вполне низкая и дурная картина. Это выраженіе восторга при продолжительномъ созерцаніи дурной вещи, и такой восторгъ есть необразованное или безнравственное качество. Это дурной вкусъ въ самомъ глубокомъ значеніи этого слова — вкусъ дьявола. Возьмите съ другой стороны картину Тиціана, греческую статую или пейзажъ Тернера, и вы увидите въ нихъ выраженіе восторга при постоянномъ созерцаніи прекраснаго и совершеннаго. Это вполне нравственное качество — это вкусъ ангеловъ. И наслажденіе изящнымъ искусствомъ, и любовь къ нему есть проявленіе любви къ тому, что заслуживаетъ ея, а заслуживаетъ только то, что мы считаемъ пріятнымъ (въ противоположность отвратительному), и потому далеко не безразлично и не произвольно пристрастіе наше къ тому или другому; нѣтъ, имъ опредѣляется жизненное свойство всего нашего существа, опредѣляемся мы сами и то, чѣмъ мы являемся въ дѣйствительности. Развитіе нашего вкуса неизбѣжно служить развитію нашего характера.

57. Проходя какъ-то по улицѣ и обдумывая вышесказанное, я замѣтилъ на окнѣ магазина книгу, озаглавленную: „О необходимости развитія вкуса у различныхъ классовъ общества“. Но, подумавъ я, когда вы, мой классифицирующій другъ, разовьете вкусы, что станется съ этими классовыми различіями? Человѣкъ, любящій то же, что и вы, безспорно принадлежитъ къ одному съ вами классу. Вы можете заставить его дѣлать то или другое дѣло, но въ силу тѣхъ вкусовъ, которые вы развили въ немъ, онъ будетъ такъ же, какъ и вы, любить или презирать свою работу. Вы имѣете мусорщиковъ или уличныхъ разносчиковъ, единственной литературой которымъ служить „Тюремный календарь“, а любимой музыкой, — худшія уличныя пѣсни. Какъ вы думаете, можно ли заставить ихъ любить Данте или Бетховена? Желаю вамъ успѣха, но если вы этого достигнете, то сдѣлаете изъ нихъ джентельменовъ, и они не вернуться къ прежнему своему ремеслу.

58. Правило это до такой степени всеобщее и безъ исключеній, что будь у меня сегодня достаточно времени, я могъ бы показать вамъ, что нація не можетъ быть охвачена какимъ-нибудь порокомъ или зломъ безъ того, чтобъ оно ясно и на-

всегда не проявилось въ дурномъ искусствѣ или въ недостаткѣ искусства, и нѣтъ той добродѣтели, крупной или мелкой, которая явно не сказалась бы во всѣхъ сферахъ искусства у народа, обладающаго ею. Возьмите, напримѣръ, великую добродѣтель англичанъ — выносливость и терпѣливое мужество; и вотъ, вы замѣчаете, что въ Англии теперъ есть одно только искусство, имѣющее серьезное значеніе — это искусство обрабатывать желѣзо. Англичане отлично знаютъ, какъ лить и ковать желѣзо. И развѣ на этихъ массахъ руды, образующихъ чугуныя горы, которыя вы плавите въ вашихъ адскихъ плавильныхъ печахъ и на этихъ желѣзныхъ плитахъ, ваше мужество и выносливость не начертаны навсегда желѣзными перьями на желѣзномъ пергаментѣ? Возьмите и великій порокъ англичанъ, и не только однихъ англичанъ, а и всѣхъ европейцевъ, порокъ всего міра, порокъ всѣхъ остальныхъ міровъ, сіяющихъ на небѣ, — порокъ зависти съ его адскимъ дыханіемъ. Онъ вноситъ соперничество въ торговлю, обманъ въ ваши совѣты, безчестіе въ ваши войны; благодаря ему, ежедневная работа для поддержанія существованія и самое существованіе какъ васъ, такъ и вашихъ сосѣдей, возможно только при томъ условіи, чтобъ грудь была защищена кольчугой, а сабля всегда висѣла наготовѣ, такъ что оба народа, руководящіе, такъ называемой цивилизаціей на землѣ, осуществили, наконецъ, во всемъ строѣ жизни ихъ массъ то, что была нѣкогда справедливо по отношенію къ грубымъ пограничнымъ всадникамъ вашихъ Цивіотскихъ холмовъ:

За столомъ возсѣдали они
Въ желѣзныхъ перчаткахъ
И красное пили вино
Сквозь шлема забрало.

И вы думаете, что этотъ національный позоръ и это малодушіе не такъ же ясно сказываются въ каждой заклепкѣ вашего оружія, какъ и сила вашихъ рукъ?

59. Друзья, всё это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Представьте себѣ, что я получилъ бы приглашеніе не отъ васъ, а отъ какого-нибудь джентельмена, живущаго въ подгородной дачѣ. Его садъ отдѣленъ отъ сосѣдняго стѣною фрукто-

выхъ деревьевъ; и вотъ, этотъ господинъ пригласилъ меня, чтобъ посовѣтоваться относительно отдѣлки его гостиной. Я являюсь, осматриваю ее, нахожу, что стѣны довольно пусты, и говорю, что желательно было бы оклеить ихъ такими-то обоями, сдѣлать нѣсколько фресокъ на потолокъ и повѣсить шелковыя шторы на окнахъ. „Да, замѣчаетъ мой хозяинъ, шелковыя шторы! Это, дѣйствительно, не дурно, но я не знаю, могу ли позволить себѣ такую роскошь?“—Однако, вы собираете съ вашихъ людей довольно значительный доходъ?—„О, да, конечно“, отвѣчаетъ мой другъ, „но вы не знаете, что я въ настоящее время принужденъ тратить почти весь свой доходъ на стальные западни.“—На стальные западни! для кого? — „Для моего сосѣда; мы съ нимъ большіе пріятели, славные пріятели, но мы принуждены разставлять западни съ обѣихъ сторонъ, и безъ нихъ, какъ и безъ заряженныхъ ружей, мы не могли бы оставаться въ дружескихъ отношеніяхъ. Хуже всего въ этомъ то, что мы оба довольно умны, и не проходить дня безъ того, чтобъ мы ни изобрѣли новой ловушки, новаго ружейнаго ствола или чего-нибудь въ этомъ родѣ; каждый изъ насъ тратитъ около пяти сотъ милліоновъ на эти западни, а сосчитайте-ка всё это вмѣстѣ,какой это страшный расходъ; но я никакъ не придумаю способа сократить его.“ Въ высшей степени комическое положеніе въ жизни двухъ частныхъ господъ, но въ жизни двухъ націй оно уже не комично. Бедламъ былъ бы, можетъ быть, смѣшонъ, еслибъ въ немъ былъ всего одинъ сумасшедшій, какъ и наши рождественскіе балаганы потѣшны, когда въ нихъ одинъ клоунъ; но когда всѣ люди становятся клоунами и окрашиваются не румянами, а кровью собственнаго сердца, то, надѣюсь, тутъ уже не до смѣха.

60. Конечно, я знаю, что многое дѣлается тутъ для забавы. Вы рѣшительно не знаете, что дѣлать съ собой, и какъ добыть сильныхъ ощущеній.

Охота за лисицами и игра въ крикетъ не могутъ удовлетворять васъ въ теченіе всей безконечной, долгой, смертной вашей жизни. Въ дѣтствѣ вы любили дѣтскія ружья, а винтовки и пушки то же самое, но лишь вещи получше сдѣланныя; бѣда только въ томъ, что потѣха вашего дѣтства была далеко не игрушкой для воробьевъ, а теперешнія ваши потѣхи отзываются такъ же печально на мелкихъ

пташкахъ вашего государства. Относительно же мрачныхъ коршуновъ вы, если я не ошибаюсь, настолько скромны, что не стрѣляете по нимъ.

61. Однакожь, мнѣ нужно вернуться назадъ. Повторяю, что я легко могъ бы показать вамъ, какъ во всѣ времена сказывались въ искусствѣ добродѣтели или пороки націй: воинственность ранняго періода Греціи, чувственность позднѣйшей Италіи, мечтательная религіозность Тосканіи, блестящая энергія Венеціи. Мнѣ некогда заняться этимъ сегодня (къ тому же я подробно говорилъ объ этомъ въ моихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ искусству), но я постараюсь здѣсь приложить этотъ принципъ къ нѣкоторымъ частностямъ нашей жизни.

Въ числѣ зданій, воздвигнутыхъ среди вашихъ, нѣкогда дикихъ, холмовъ, я вижу нѣсколько церквей и школъ рядомъ съ фабриками, мельницами и домами, и при этомъ замѣчаю, что церкви и школы построены почти всегда въ готическомъ стилѣ, а ваши дома и фабрики всегда въ иномъ стилѣ. Позвольте васъ спросить, что это значить? Обратите вниманіе, что это явленіе исключительно свойственно нашему времени. При появленіи готическаго стиля, дома, какъ и церкви, строились въ этомъ стилѣ, а когда на смѣну готическому явился итальянскій стиль, опять-таки и дома и церкви были въ итальянскомъ стилѣ. Если у Антверпенскаго собора есть шпиць, то такой же шпиць имѣется и у Брюссельской думы. Но теперь у насъ для жилищъ введена одна архитектура, а для храмовъ другая. Что это значить? Долженъ ли я видѣть въ этомъ признакъ того, что вы думаете снова вернуться къ готической архитектурѣ и дѣлаете пробы надъ вашими церквами, предполагая, что нѣтъ большой бѣды въ ошибкахъ архитектуры церквей? Или же вы находите готическій стиль по преимуществу священнымъ и прекраснымъ и считаете его, подобно ладону, только достояніемъ церкви? Если таково чувство, побуждающее васъ примѣнять различные архитектурные стили, то хотя бы оно съ перваго взгляда и могло казаться признакомъ вашего благочестія, но, въ сущности, означаетъ только, что вы отдѣляете религію отъ жизни.

62. Обратите вниманіе на глубокое значеніе этого факта и замѣтьте, что не вы одни, а и вся Англія въ настоящее время поступаетъ точно также.

Вы всё привыкли называть церковь Божьимъ храмомъ. Я видѣлъ на многихъ церквахъ надпись: „Это домъ Божій, это врата небесныя*)“ Теперь припомните, чьи это слова и о какомъ домѣ тамъ идетъ рѣчь. Представьте себѣ юношу, покинувшаго родительскій домъ и отправившагося пѣшкомъ въ дальній путь, посѣтить своего дядю; ему приходится проходить по дикой холмистой равнинѣ. На другой или на третій день заходъ солнца застаётъ его среди пустыни. Почва каменистая и болотистая, онъ итти дальше не въ силахъ и остается тамъ ночевать, потому что солнце уже зашло. И вотъ, онъ взялъ одинъ изъ камней того мѣста и положилъ его себѣ вмѣсто изголовья. Мѣстность такова, что ничего, кромѣ камней достать нельзя. Расположившись такимъ образомъ, онъ засыпаетъ и видитъ сонъ: „вотъ лѣстница стоитъ на землѣ и верхъ ея касается неба; и вотъ ангелы Божіи восходятъ и нисходятъ по ней.“ И пробудившись отъ сна, онъ говоритъ: „какъ страшно это мѣсто! Это ничто иное, какъ домъ Божій, врата небесныя“.

Замѣйте, „мѣсто“, а не церковь, не городъ; даже не этотъ камень, который служить ему изголовьемъ и который онъ ставитъ памятникомъ, а просто мѣсто: эта пустыня, эта холодная холмистая мѣстность, пересѣченная потоками и покрытая снѣгами! Словомъ, любое мѣсто, гдѣ Богъ спуститъ Свою лѣстницу. А какъ вы узнаете, гдѣ это случится? Какъ можете вы это опредѣлить, не будучи всегда къ этому готовы? Знаете ли вы, гдѣ молнія сойдетъ на землю? Вы, отчасти, знаете это и потому можете отвести ее, но вы не въ силахъ руководить проявленіемъ Духа, который подобенъ молніи, озаряющей весь небосклонъ съ запада до востока.

63. Постоянное наглое искаженіе этого выразительнаго стиха для чисто церковныхъ цѣлей есть одинъ изъ тысячей примѣровъ того, какъ мы впадаемъ въ грубое іудейство. Вы называете ваши церкви „храмами“, но вы отлично знаете, что онѣ не храмы, что онѣ никогда не были ими, не имѣютъ ничего общаго съ храмами. Онѣ—„синагоги“—мѣста собранія, гдѣ вы сходитесь и, не называя ихъ синагогами, забываете смыслъ другого, столь же вырази-

*) Книга Бытія, гл. 28, ст. 17.

тельного текста св. Писанія: „Когда молишься, не будь какъ лицемѣры, которые любятъ въ синагогахъ (слѣдовало бы перевести: въ церквахъ) останавливаться молиться, чтобъ показаться передъ людьми. Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который не въ алтаряхъ и не въ боковыхъ придѣлахъ храма, а втайнѣ.“

64. Слушая эти слова, вамъ кажется, что я хочу унижить въ вашихъ глазахъ значеніе вашихъ церквей. Ни малѣйшимъ образомъ, но я желаю, наоборотъ, возвысить въ вашихъ глазахъ значеніе вашихъ жилищъ и холмовъ. Я не хочу сказать, что церковь не священна, а нахожу, что священна вся земля. Я хотѣлъ бы дать вамъ почувствовать, какой неосторожный, упорный и заразительный грѣхъ сказывается во всѣхъ нашихъ мысляхъ, когда, называя церкви священными, мы тѣмъ самымъ какъ бы указываемъ на то, что наши сердца и дома не священные, а языческіе. Мы тѣмъ только отличаемся отъ язычниковъ, что выбросили всѣхъ домашнихъ боговъ, вмѣсто того, чтобъ признать, взамѣнъ безчисленныхъ и ничтожныхъ Ларь, присутствіе Единого и Всемогущаго Бога нашимъ покровителемъ.

65. „Но какое отношеніе имѣютъ всѣ эти разсужденія къ нашей биржѣ?“ нетерпѣливо спрашиваете вы.

Да, друзья мои, они имѣютъ нѣкоторое значеніе. Отъ этихъ внутреннихъ великихъ вопросовъ зависятъ всѣ внѣшніе, мелкіе. Если вы пригласили меня побесѣдовать съ вами, то, вѣроятно, потому, что заинтересовались какимъ-нибудь изъ моихъ сочиненій по архитектурѣ, въ которыхъ я всегда высказывалъ эту же мысль. Въ книгѣ, озаглавленной „Семь свѣточей“, я старался показать, что извѣстныя нормальныя свойства характера и нравственнаго чувства были тою магической силой, которая произвела всю безъ исключенія хорошую архитектуру. Въ другой книгѣ, „Камни Венеці“, я съ начала до конца выясняю, что готическая архитектура Венеціи подтверждаетъ каждой своей главной чертой чистоту народной вѣры и домашней жизни, а архитектура Возрожденія всѣми своими мельчайшими особенностями указываетъ на тайное національное лицемѣріе и на извращенность домашнихъ нравовъ, результатомъ чего она и является. И теперь, понимая значеніе этихъ стилей, я на вашъ вопросъ могу отвѣтить вамъ только

вопросомъ: думаете ли вы построить вашу биржу какъ христіане, или какъ язычники? Больше того: думаете ли вы построить её какъ честные христіане, или какъ честные язычники? Отвѣтите прямо и откровенно. Вы не любите такихъ рѣзкихъ вопросовъ? Но я не могу избѣжать ихъ, они гораздо важнѣе этого биржевого дѣла, и если вы опредѣленно отвѣтите на нихъ, то тѣмъ самымъ вы разомъ опредѣлите и дѣло вашей биржи. Но прежде, чѣмъ развить эту мысль, я долженъ попросить у васъ позволенія ясно выяснить одинъ пунктъ.

66. Во всѣхъ моихъ предыдущихъ сочиненіяхъ я старался показать, что хорошая архитектура существенно религіозна—какъ продуктъ народа вѣрующаго и добродѣтельнаго, а не извращеннаго невѣріемъ. Но при этомъ мнѣ приходилось указывать, что хорошая архитектура—не церковная. Люди такъ склонны смотрѣть на религію, какъ на дѣло духовенства, а не на свое собственное, что, услыхавъ о чемъ-нибудь имѣющимъ отношеніе къ религіи, они тотчасъ же предполагаютъ, что это, очевидно, касается духовенства, а не ихъ. И мнѣ приходилось не разъ указывать на это заблужденіе и бороться съ нимъ. Хорошая архитектура есть дѣло хорошихъ, вѣрующихъ людей; поэтому, говорите вы,—а если не вы, то очень, многіе—хорошая архитектура, вѣроятно, была дѣломъ духовенства, а не мірянъ. Но нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ; хорошая архитектура, какъ и большинство произведеній искусствъ, была дѣломъ общества, а не духовенства.

„Какъ, скажете вы, эти величественные соборы — гордость Европы—развѣ не ихъ строители создали готическую архитектуру?“ Нѣтъ, они только испортили её. Готическая архитектура развилась въ замкахъ бароновъ и на улицахъ городовъ. Она была продуктомъ рукъ, мыслей и духовныхъ силъ работающихъ гражданъ и царей-завоевателей. Монахи употребили её, какъ орудіе суевѣрія, и когда это суевѣріе было прекраснымъ безуміемъ и лучшія сердца тщетно мечтали и томились въ монастыряхъ или также бесплодно неистовствовали и гибли въ крестовыхъ походахъ, то, въ силу этихъ неистовствъ, этой извращенности вѣры и этихъ опустошительныхъ войнъ, готическая архитектура дошла до самыхъ своихъ прекрасныхъ фантастическихъ и, наконецъ, безумныхъ грѣзъ и въ этихъ грѣзахъ погибла.

67. Надѣюсь, что теперь я, не рискуя вызвать недоразумѣніе, могу перейти къ сути того, что хотѣлъ высказать сегодня, а именно, что каждая великая архитектура была результатомъ и проявленіемъ великой національной религіи. Вы не можете кое-гдѣ имѣть образцы прекрасной архитектуры, а можете имѣть ее или всюду или нигдѣ. Она не есть монополія церковной группы, — не выразительница теологическаго догмата, не іероглифическія письма посвященнаго духовенства—нѣтъ, она есть проявленіе народа, вдохновеннаго смѣлымъ и общимъ дѣломъ и воздающаго дань рѣшительной и общей вѣрности постигнутымъ имъ закономъ Бога.

68. До сихъ поръ существовало три различныхъ школы европейской архитектуры. Я говорю—европейской, потому что азиатская и африканская архитектуры принадлежатъ совершенно другимъ расамъ и климатамъ, такъ что объ нихъ здѣсь не можетъ быть рѣчи; и я только вскользь замѣчу, что все хорошее или великое въ Египтѣ, Сирии или Индіи велико и хорошо въ силу тѣхъ же самыхъ причинъ, какъ и въ архитектурѣ по сю сторону Босфора. У насъ, европейцевъ, повторяю, были три религіи: греческая, состоявшая въ поклоненіи богу Мудрости и Силы, средневѣковая, поклонявшаяся Богу Справедливости и Утѣшенія, и эпохи возрожденія (ренесанса), чтившей бога Блеска и Красоты. Вотъ три религіи прошлаго, а теперь, по крайней мѣрѣ, у насъ, англичанъ, есть четвертая религія и свой богъ, о которомъ я и хотѣлъ бы спросить васъ, но прежде я долженъ пояснить вамъ значеніе этихъ трехъ религій.

69. Греки, повторяю, прежде чтили, главнымъ образомъ, бога Мудрости, такъ что все несогласное съ ихъ религіей—этотъ камень преткновенія евреевъ—было для нихъ безуміемъ.

Первая идея грековъ о божествѣ была идея о Юпитерѣ. Афина, его дочь, есть по преимуществу дочь Разума, вышедшая вооруженной изъ его головы. Только благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ, мы начинаемъ постигать всю глубину значенія символическихъ изображеній Афины, и я здѣсь замѣчу, что на лучшихъ статуяхъ она изображена въ плащѣ съ бахромой изъ змѣй, со щитомъ и съ приподнятой рукой для большей защиты. И этотъ щитъ, и Горгона на немъ служатъ выраженіемъ леденящаго ужаса и тоски (обращающихъ людей въ камни), порождаемыхъ внѣшнимъ и

поверхностнымъ знаніемъ,—знаніемъ, придающимъ горечь, черствость и грусть сердцу взрослому, въ отличіе отъ сердца ребенка. И дѣйствительно, изъ несовершеннаго знанія проистекаетъ ужасъ, разладъ, опасенія и презрѣніе, но совершенное знаніе—это вполнѣ воплотившаяся Афина,—придаетъ силу и умиротвореніе, въ знакъ чего она и увѣнчана оливковою вѣтвью и держитъ въ рукѣ копьѣ.

Таково греческое представленіе о чистѣйшемъ божествѣ. И всё въ жизни и въ искусствѣ грековъ развивалось подѣ влияніемъ этой жажды широкой, свѣтлой, всепобѣждающей мудрости; при чемъ они старались, какъ это и подобаетъ человѣку, поступать всегда мужественно и мудро *), не въ силу какого-нибудь пламеннаго порыва или надежды на конечное вознагражденіе, но съ рѣшительностью непреклонной воли, зная, что ошибки непоправимы, а грѣхъ не прощается. И греческая архитектура была въ своемъ родѣ безукоризненно блестяща, ясно опредѣлена и вполнѣ отвѣчала своей внутренней идеѣ.

70. За нею въ Европѣ слѣдовала великая христіанская религія, которая, по преимуществу, была религіей утѣшенія. Ея великое ученіе есть ученіе о прощеніи грѣховъ, въ силу чего очень часто, въ извѣстные періоды развитія христіанства, даже грѣхи и неудачи отчасти прославлялись, какъ будто тѣмъ святѣе было исцѣленіе, чѣмъ больше люди нуждались въ немъ. Практическимъ результатомъ этого въ искусствѣ является постоянное созерцаніе грѣха и немощи и воображаемаго очищенія отъ нихъ. Поэтому, мы имѣемъ архитектуру, представляющую смѣшеніе грусти и вдохновенія, отчасти строгую, отчасти пышную, которая соотвѣтствуетъ всѣмъ нашимъ нуждамъ и фантазіямъ и является или величественной или ничтожной, соотвѣтственно тому, каковы мы сами. Изъ всѣхъ

*) Вполнѣ ошибочно предполагать, что греки поклонялись красотѣ и жаждали преимущественно ея. Они, главнымъ образомъ, основывали свое поклоненіе на правотѣ и мощи предвѣденія; главное свойство греческаго искусства не красота, а идея, и какъ дорическое поклоненіе Аполлону, такъ и аеинское поклоненіе Палладѣ являются выраженіемъ ихъ преклоненія передъ божественной мудростью и чистотой. Ближайшее мѣсто къ этимъ великимъ божествамъ, по ихъ влиянію на національный духъ, занимали Діонисъ и Церера, дарующіе мощь и жизнь, а изъ числа героев—Геркулесъ. Въ героическій періодъ греки не чтити Венеры; музы же являлись, главнымъ образомъ, наставницами истины и ея гармоніи. (Сравни „Aratra Pentelici“, § 200).

архитектуръ она будетъ самая ничтожная въ рукахъ ничтожныхъ людей и самая величественная въ рукахъ благородныхъ.

71. И теперь замѣтите, что обѣ эти религіи, и греческая, и средневѣковая, погибли отъ измѣны своей главной задачѣ. Греческая философія мудрости погибла отъ ложной философіи— „отъ противодѣйствія состороны ложно называемой науки“. Средневѣковая религія Утѣшенія погибла отъ ложнаго успокоенія, отъ лживаго прощенія грѣховъ. Продажей индульгенцій завершилось средневѣковое вѣрованіе, и я скажу вамъ, что продажа прощенія грѣховъ, въ концѣ концовъ, будетъ всегда обозначать ложное христіанство. Истинное христіанство даруетъ прощеніе грѣховъ прекращеніемъ ихъ, въ ложномъ же христіанствѣ легко покупается прощеніе. А есть много способовъ откупаться отъ грѣховъ. У насъ, англичанъ, какъ въ господствующей, такъ и въ другихъ церквахъ, не мало прекрасныхъ спокойныхъ путей купить прощеніе, и притомъ способовъ гораздо болѣе ловкихъ, чѣмъ торговля Цецеля индульгенціями.

72. Затѣмъ слѣдовала религія Наслажденій, при которой вся Европа предавалась роскоши, закончившейся смертью: маскированными балами во всѣхъ салонахъ и гильотинами на всѣхъ площадяхъ. И всѣ эти виды поклоненія завершались постройками обширныхъ храмовъ. Греки чтити мудрость и воздвигли Пареемонъ—храмъ Дѣвственности. Средневѣковое почитаніе Утѣшенія воздвигло храмы Непорочной заступницы. Затѣмъ, въ эпоху Возрожденія поклонялись красотѣ извѣстнаго рода и воздвигли Версаль и Ватиканъ. Скажите же мнѣ теперь, чему мы поклоняемся и что мы строимъ?

73. Вы знаете, что я имѣю въ виду дѣйствительное, активное постоянное наше національное поклоненіе, проявляющееся въ дѣятельности людей при ихъ жизни, а не то, о которомъ они толкуютъ, умирая. Теперь у насъ имѣется номинальная религія, которой мы отдаемъ десятину нашего имущества и седьмую часть нашего времени, но у насъ есть и практическая, дѣйствительная религія, которой мы посвящаемъ девять десятыхъ нашего имущества и шесть седьмыхъ нашего времени. И мы очень много споримъ о номинальной религіи, но вполне единодушны относительно практической, верховную богиню которой я, съ вашего согласія, во-

обще могу назвать богиней „Прибыли“ или „Британіей Рынка“. У афинянь была „Афина Агорайя“ или „Аѳина Рынка“, но это былъ подчиненный типъ ихъ богини, тогда какъ наша „Британія Агорайя“ является главнымъ нашимъ типомъ божества. И всѣ наши главныя архитектурныя произведенія безъ сомнѣнія воздвигаются ей.

Давно уже миновало то время, когда вы строили великіе соборы, и какъ бы вы посмѣялись надо мной, еслибъ я предложилъ вамъ построить соборъ на одномъ изъ вашихъ холмовъ, чтобъ обратить его въ Акрополисъ. Но ваши желѣзнодорожныя насыпи обширнѣе вавилонскихъ стѣнъ, ваши безчисленныя желѣзнодорожныя станціи обширнѣе Эфесскаго храма; ваши фабричныя и заводскія трубы выше и дороже любыхъ соборныхъ колоколенъ; дамбы вашихъ гаваней, ваши склады, биржи,—развѣ все это не воздвигнуто въ честь вашей богини „Прибыли“? И вотъ, она-то создала и будетъ создавать вашу архитектуру до тѣхъ поръ, пока вы не перестанете ей поклоняться. Поэтому, вамъ вполне бесполезно спрашивать, какія нужно воздвигать зданія въ честь ея,—вы это знаете гораздо лучше меня.

74. Дѣйствительно, при извѣстныхъ условіяхъ можетъ существовать сносная архитектура и биржъ, если въ дѣлахъ биржи будетъ какое-нибудь геройство, типичными изображеніями котораго можно было бы украсить внѣшнюю сторону вашего зданія. Вы знаете, что всѣ красивыя архитектурныя зданія украшаются скульптурой или живописью, для которой долженъ быть сюжетъ. По общепринятому же мнѣнію всѣхъ народовъ міра, такимъ сюжетомъ можетъ, въ дѣйствительности, быть только геройство. Даже на своихъ горшкахъ и фляжкахъ греки изображали Геркулеса, убивающаго льва, Аполлона, убивающаго змѣй, Бахуса, убивающаго унылыхъ исполиновъ или земную грусть. На своихъ храмахъ греки изображали борьбу великихъ завоевателей при основаніи ими государствъ или борьбу боговъ съ злыми духами. На своихъ домахъ и храмахъ христіане дѣлали рѣзныя и лѣпныя изображенія ангеловъ, побѣждающихъ дьяволовъ или героевъ - мучениковъ, жертвующихъ этимъ міромъ ради будущаго; все сюжеты далеко непригодные, я думаю, для украшенія вашей биржи. Учитель христіанъ не только не оставилъ своихъ послѣдователей безъ всякихъ

наставленій относительно скульптурныхъ изображеній на внѣшнихъ стѣнахъ биржъ, но даже ясно высказалъ свою нелюбовь къ биржевымъ дѣламъ внутри стѣнъ этихъ зданій. А между тѣмъ, и въ этихъ дѣлахъ могло бы быть геройство, и вся торговля могла бы стать своего рода продажей голубей, т. е. дѣломъ не беззаконнымъ. Я сильно удивлялся и удивляюсь тому, что всегда геройствомъ считалось не доставленіе пищи и одежды людямъ, а скорѣе лишеніе ихъ пищи или сдираніе съ нихъ одежды. Опустошеніе оружіемъ считалось геройскимъ дѣломъ во всѣ вѣка, но продажа одежды, старой или новой, никогда не принимала оттѣнка великодушія. А между тѣмъ, непонятно, почему накормить голоднаго или одѣть нагого всегда должно быть не благороднымъ дѣломъ, даже когда предпринято въ широкихъ размѣрахъ. Вѣдь это можно было бы соединить съ понятіемъ о завоеваніи; предположимъ, напри- мѣръ, что гдѣ-нибудь существуетъ упорная раса, не желающая получить помощи и удобствъ въ жизни; развѣ нельзя было бы гордиться тѣмъ, что вы ей доставили эти удобства, занявъ страну не войсками, а своими дарами *)? Когда же, наконецъ, побѣдой будетъ считаться не опустошеніе засѣянныхъ полей, а воздѣлываніе бесплодныхъ земель, не разрушеніе селъ, а постройка ихъ? Развѣ геройство несомвѣстимо со всякаго рода полезными дѣлами? Вы сомнѣваетесь, что важнѣе? Но можно смѣло сказать, что ударъ заступа важнѣе удара сабли. Что разумнѣе? Но есть масса болѣе остроумныхъ вещей, чѣмъ обдумываніе плановъ военныхъ кампаній. Въ чемъ больше храбрости? Но есть множество предметовъ, требующихъ гораздо болѣе смѣлой и непреклонной борьбы, чѣмъ война чело- вѣка съ чело- вѣкомъ.

75. Единственный безусловно и безусловно героическій элементъ въ службѣ солдата состоитъ въ томъ, что онъ получаетъ небольшую и опредѣленную плату, тогда какъ вы, торговцы и банкиры, любите получать большіе барыши и, притомъ, какъ даръ случайности.

Меня всегда удивляло, что странствующие рыцари никогда не рассчитываютъ на плату за свои хлопоты, а странствующие торговцы—всегда; что люди готовы терпѣть тяжелыя потери изъ-за

*) Я говорю вполне серьезно, хотя это и можетъ показаться шуткой.

пустяковъ, но не согласны дешево продавать лентъ, что они охотно совершаютъ трудные кровавые крестовые походы для завоеванія Гроба Господня, но никто не предпринимаетъ ни малѣйшаго похода для исполненія вѣлнїи живого Христа, что люди босые готовы итти куда угодно, чтобъ проповѣдовать свою вѣру, но должны быть подкупаемы обѣщанїями, чтобъ практически примѣнять ее въ жизни; готовы даромъ раздавать Евангелїе, но не хлѣбъ и не на работу *).

76. Если вы думаете начать биржевое дѣло на вышеуказанныхъ принципахъ солдатской службы, вести вашу торговлю и ваше снабженіе народовъ продовольствїемъ за строго опредѣленное вознагражденіе и, особенно, заботиться о томъ, чтобъ доставлять имъ наилучшую пищу и одежду, какъ солдаты стараются подчивать ихъ наилучшимъ порохомъ, то я могъ бы на вашемъ зданїи биржи высѣчь кое-что достойное вниманїя. Но, въ настоящее время, я рѣшился бы только предложить вамъ украсить его фасады висящими кошельками и сдѣлать колонны широкими у основанїя для наклейки объявленїй. А во внутреннихъ комнатахъ можно поставить статую „Британїи Рынка“ съ куропаткой въ видѣ шлема, какъ типическое изображеніе ея безкорыстія и ея храбрости въ борьбѣ за благородныя идеи; вокругъ шеи статуи можно было бы выгравировать золотыми буквами слова пророка Іеремїи: „Куропатка садится на яйца, которыхъ не несла“. Это девизъ человѣка, прїобрѣтающаго богатства неправдою; „Она оставитъ его на половинѣ дней своихъ и глушцомъ останется при концѣ своемъ“. вмѣсто пики, въ руку ей можно дать ткацкїй челнокъ, а на щитѣ ея, вмѣсто креста Св. Георгїя, изобразить полубодраннаго миланскаго борова съ городомъ, вродѣ Геннисарета, вдали, и съ надписью: „Мы довели до этого нашихъ свиней“; на кожаныхъ латахъ, образующихъ противъ ея сердца складку въ видѣ кошелька, необходимо сдѣлать тридцать отдѣленїй для того, чтобъ въ теченїе мѣсяца класть каждый день по монетѣ. И я не сомнѣваюсь, что люди съ восторгомъ будутъ ходить любоваться вашей биржей и ея богиней.

*) Пожалуйста, вдумайтесь въ эту мысль, — въ одну изъ тѣхъ, высказать которыя, хотя бы кратко, доставляетъ мнѣ наибольшее удовольствїе.

77. Тѣмъ не менѣе, я желалъ бы указать вамъ нѣкоторыя, особенно странныя черты вашей богини. Она отличается отъ греческихъ и средневѣковыхъ божествъ существенно въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, относительно постоянства ея мнимой власти и, во-вторыхъ, относительно границъ этой власти.

Начну съ постоянства.

Греческая богиня Мудрости содѣйствовала постоянно возрастающему увеличенію мудрости, а христіанскій Духъ-Утѣшитель постоянно возрастающему утѣшенію. Тутъ не могло быть вопроса о томъ, гдѣ граница или предѣлъ этого возрастанія. Но по отношенію къ вашей богинѣ Рынка—это самый важный вопросъ. Наживаться? Но ради чего? Сколько? Думаете ли вы вѣчно накапливать и никогда не тратить? Въ такомъ случаѣ, желаю вамъ наслаждаться вашей богиней, но я могу отлично прожить и безъ всякихъ заботъ о поклоненіи ей. Если не вы, то кто-нибудь потратитъ и долженъ потратить всё, накопленное вами. И вотъ, въ силу этого и многихъ другихъ основаній, я безбоязненно заявляю, что, такъ называемая, политическая экономія совсѣмъ не нужна; она, именно, упустила изъ виду изучать самый важный отдѣлъ—отдѣлъ потребленія. Ибо, въ концѣ концовъ, вы должны потреблять, и именно столько, сколько вы производите. Вы собираете зерновой хлѣбъ; засыпете ли вы всю Англію грудями его? или же, накопивъ, въ концѣ концовъ, съѣдите его? Вы накапливаете золото; покроете ли вы имъ крыши вашихъ домовъ или вымостите имъ ваши улицы? Это всё-таки извѣстнаго рода потребленіе его. Но если вы будете копить его, чтобъ имѣть всё больше и больше, то я охотно дамъ вамъ еще и еще. Я дамъ вамъ, сколько вы пожелаете, сколько вы можете вообразить, только скажите мнѣ, что вы изъ него съѣдаете. У васъ будутъ тысячи, милліоны грудъ золота: гдѣ будете вы хранить его? Воздвигнете ли вы серебряный Олимпъ на золотомъ Пеліонѣ, чтобъ затмить Оссу? Думаете ли вы, что дождь и роса, сходя потоками съ такихъ горъ, будутъ болѣе благодарно орошать ваши поля, чѣмъ съ горъ, поросшихъ верескомъ и мохомъ, созданныхъ для васъ Богомъ? Но вы хотите накапливать не золото! Такъ что же? Банковые билеты? Тоже нѣтъ. Цифры подъ рубрикой: мой капиталъ? Развѣ вы не можете писать этихъ цифръ, сколько вамъ угодно? Вписывайте ихъ по цѣлому часу, каждое

утро въ толстую книгу и каждый вечеръ говорите себѣ: вотъ на столько-то цифръ я сталъ теперь дороже, чѣмъ вчера. Но и это васъ не удовлетворяетъ? Скажите-же, ради самого Плутона, что вамъ нужно? Ни золота, ни банковыхъ билетовъ, ни цифръ подъ рубрикой „мое“. Мы хотимъ въ томъ или другомъ видѣ имѣть денежныя цѣнности“, можетъ быть, скажете вы? Но что же это за денежныя цѣнности? Пусть ваша богиня Наживы откроетъ вамъ тайну наслаждаться ими.

78. Но есть еще другой вопросъ. Мы здѣсь коснулись того, насколько могущество вашей богини неизмѣнно; теперь посмотримъ, насколько оно всеобщее.

Паллада и Мадонна предполагались богинями всего міра. Онѣ могли наставлять въ мудрости и утѣшать всѣхъ людей. Но разсмотрите хорошенько самую природу могущества вашей богини Наживы и вы увидите, что она богиня не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ. И это различіе чисто жизненное или, вѣрнѣе, смертельное. Разсмотрите его въ томъ идеальномъ строѣ національной жизни, который ваша богиня можетъ водворить и поддерживать. Я въ послѣдній разъ спрашивалъ васъ объ этомъ*), но не получилъ отъ васъ отвѣта. Теперь мнѣ не попытаться ли отвѣтить вамъ?

79. Вашъ идеаль въ жизни среди пріятно волнующаго міра съ желѣзомъ и углемъ всюду подъ рукою. На каждомъ пріятномъ холмикѣ долженъ быть прекрасный домъ съ двумя флигелями, съ конюшнями, сараями, съ порядочнымъ паркомъ, съ обширнымъ садомъ съ теплицами, съ ягодными кустами и съ аллеями, по которымъ вы можете развѣзжать въ изящныхъ экипажахъ. Въ этомъ домѣ обитаютъ избранные поклонники вашей богини; англійскій джентельменъ съ граціозной супругой и съ прекрасной семьей; онъ всегда имѣетъ возможность доставить своей супругѣ приличный будуаръ и массу драгоценныхъ камней, дочерямъ роскошныя балныя платья, сыновьямъ охотничьихъ собакъ и лошадей, а самому себѣ удовольствіе поохотиться въ горахъ...

Внизу холма стоитъ фабрика или заводъ, длиною не менѣе $\frac{1}{4}$ мили съ двумя паровыми машинами посрединѣ и по одной на

*) „Два пути“, § 89.

каждомъ концѣ; тутъ же возвышается труба, вышиною въ триста футовъ. На этой фабрикѣ постоянно заняты отъ 100 до 1000 рабочихъ, которые никогда не пьютъ, не устраиваютъ стачекъ, по воскресеньямъ ходятъ въ церковь и относятся къ вамъ крайне вѣжливо и почтительно.

80. Развѣ не такова, въ общихъ главныхъ чертахъ, картина той идеальной жизни, которую вы рисуете себѣ? И она, въ самомъ дѣлѣ, очень заманчива, если разсматривать ее сверху, но едва ли она привлекательна, если взглянуть на нее снизу. Потому что, замѣтите, въ то время, какъ эта ваша богиня является богиней Наживы для одной семьи, она для тысячей семей служитъ богиней не Наживы, а Разоренія. „Нѣтъ, говорите вы, всеѣмъ этимъ семьямъ она предоставляетъ возможность нажиться“. Да, такъ же, какъ каждый можетъ выиграть въ лоттерей, гдѣ большинство все-таки проигрываетъ. „Но въ лоттерей не ловкость и умъ имѣютъ преимущество, а слѣпая случайность“. Чтожъ, неужели вы думаете, что древнее право захвата и пользованіе силой стало менѣе несправедливо только потому, что теперь силу кулака замѣнила сила ума, и что, не предоставляя намъ преимуществъ надъ слабымъ ребенкомъ или женщиной, она даетъ намъ громадныя преимущества надъ невѣжествомъ людей? „Но какъ же, скажете вы, вѣдь работа должна же быть исполнена, и кто-нибудь неизбѣжно же долженъ стоять во главѣ, а другіе на противоположномъ концѣ ея?“ Конечно, друзья мои, всегда работа должна быть выполнена и всегда должны быть руководители работъ; и, если вы знакомы съ духомъ моихъ сочиненій, то, конечно, знаете, что они теперь не по вкусу многимъ, потому что я въ нихъ всегда настаиваю на необходимости управленія и не одобряю разнузданной свободы. Но я попрошу васъ замѣтить, что руководить или управлять работами далеко не значитъ пользоваться ихъ выгодами. Изъ того, что вы полководецъ, отнюдь не слѣдуетъ, что вы должны захватить себѣ все богатства завоеванной вами страны, если даже вы завоевали ее ради этихъ богатствъ. И изъ того, что вы правитель, не слѣдуетъ, чтобъ вы присваивали себѣ плоды народнаго труда. Дѣйствительные, настоящіе цари и познаются потому, что поступаютъ наоборотъ—берутъ себѣ какъ можно меньше народнаго труда. И это самое безошибочное мѣрило. Если царь живетъ просто, безъ всякой пышности и тще-

славія, то, вѣроятно, мы имѣемъ въ лицѣ его истиннаго царя. Если же онъ украшаетъ свои одежды драгоцѣнными каменьями, а свой столъ изысканными кушаньями, то является, по всѣмъ вѣроятіямъ, не истиннымъ царемъ. Какъ исключеніе, онъ можетъ быть чѣмъ-то вродѣ Соломона; но только въ томъ случаѣ, если народъ вмѣстѣ съ нимъ пользуется блескомъ. Соломонъ добывалъ золото не только, чтобъ замѣнить имъ камни своего дворца, но и камни всего Іерусалима. Однако, даже и такой блескъ ведетъ къ гибели, и только труженики, законно управлявшіе тружениками и ведшіе суровую жизнь, и основывали истинныя династіи. Итакъ, изъ того, что вы властелины народа, отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ вы присваивали себѣ его богатства, и если вы властелины надъ частью этого народа и можете распоряжаться извѣстной долей средствъ для ея существованія: полемъ, фабрикой или копами, — то по какому праву присваиваете вы себѣ продукты этого источника народнаго существованія?

81. Вы можете мнѣ замѣтить, что я не долженъ проповѣдывать эти вещи, потому что не въ силахъ ихъ измѣнить. Да, друзья мои, я не могу, но вы можете, если пожелаете. А если не пожелаете, то найдутся люди, которые захотятъ и сдѣлаютъ это. Даже многое хорошее не вѣчно, неужели же это зло будетъ вѣчно существовать? Исторія указываетъ намъ на противоположное и убѣждаетъ насъ, что этотъ порядокъ не изъ числа неизмѣняющихся. Онъ неизбежно долженъ измѣниться, но къ жизни или къ смерти—опредѣлить это можете вы. Неужели же Парѣнонъ будетъ лежать въ развалинахъ, Болтонскій монастырь среди своихъ луговъ, а эти ваши фабрики будутъ образцами земного совершенства, и ихъ маховыя колеса будутъ всегда вращаться, какъ колесо вѣчности? Думаете ли вы, что люди приходятъ и уходятъ, а фабрики и заводы будутъ продолжать существовать? Нѣтъ, на смѣну имъ явится нѣчто худшее или лучшее, и ваше дѣло выбирать то или другое.

82. Я знаю, что вы желаете добра вашимъ рабочимъ, что вы многое дѣлаете для нихъ и желали бы сдѣлать еще больше, еслибъ знали безопасный для этого путь. Я знаю, что вся эта неправда и нищета есть продуктъ ошибочнаго чувства долга, что каждый стремится сдѣлать возможно лучшее, но, къ несчастью, не

знаеть, для кого это лучшее должно быть сдѣлано. И всё въведены въ заблужденіе благовиднымъ безбожіемъ современной экономіи, проповѣдующей, „что дѣлая все лучшее для себя, мы, въ концѣ концовъ, дѣлаемъ лучше и для другихъ“. Друзья, не то говорилъ намъ великій Учитель, и не такъ устроенъ этотъ міръ. Правда, дѣлая всё для другихъ, мы, въ сущности, достигаемъ наибольшаго блага для себя, но ваше вниманіе не должно быть обращено на себя. Въ этомъ отношеніи насъ опередили даже язычники. Послушайте, что говоритъ язычникъ по этому вопросу, послушайте послѣднія, можетъ быть, написанныя слова Платона, — были ли это дѣйствительно послѣдними, мы не знаемъ—когда онъ, стараясь увѣнчать и гармонически завершить всё свои мысли и высказать всю ихъ сущность въ воображаемой рѣчи Великаго Духа, вдругъ почувствовалъ, какъ сердце и силы его изнемогають, и слова замолкають, прерванныя навсегда.

§3. Рѣчь эта встрѣчается въ заключеніи діалога, называемаго „Критій“, въ которомъ онъ описываетъ, частью по реальнымъ традиціямъ, частью по идеальному представленію, раннее состояніе Аѳинъ, въ видѣ генезиса порядка и религіи сказочнаго острова Атлантиды. Онъ тутъ рисуеть намъ то же первоначальное совершенство и позднѣйшее вырожденіе человѣчества, о которомъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ сказано, что „Сыны Божіи брали себѣ въ жены дочерей человѣческихъ“. И Платонъ первоначально предполагаетъ, что были, дѣйствительно, Сыны Божіи, которые извратились, такъ что ихъ безчестіе стало безчестіемъ ихъ дѣтей. „И тутъ, говоритъ онъ, насталъ конецъ. Въ теченіе многихъ поколѣній, пока божественная природа пребывала въ нихъ во всей полнотѣ, люди покорялись священнымъ законамъ и любовно относились ко всему родственному имъ по божественности, ихъ духъ былъ честенъ, правдивъ и, во всѣхъ отношеніяхъ, великъ; такъ со всёмъ смиреніемъ мудрости они поступали другъ съ другомъ и бодро переносили жизненныя случайности, презирая всё, чуждое добродѣтели; они мало тревожились дневными заботами, легко переносили бремя хозяйственныхъ и имущественныхъ заботъ, ибо отлично видѣли, что если ихъ взаимная любовь и добродѣтель будутъ усиливаться, то и всё остальное возрастетъ вмѣстѣ съ ними; обращать же свое горячее вниманіе и чтить предметы ма-

теріальнаго богатства значило лишиться и послѣднихъ и, вмѣстѣ съ ними, добродѣтели и взаимной любви. И, въ силу такого разсужденія и оставшейся въ нихъ доли божественной природы, они приобрѣли то величіе, о которомъ мы выше упомянули. Но когда божественная искра въ нихъ угасла, вслѣдствіе все большаго смѣшенія и вліянія смертныхъ свойствъ, и когда послѣднія, въ концѣ концовъ, превозмогли, то они стали неспособны переносить невзгоды судьбы; они впали въ безбожіе и въ низость въ глазахъ тѣхъ, кто ясно видѣлъ; лишились всего самаго прекраснаго; между тѣмъ какъ для сердець отуманенныхъ, неспособныхъ уже понимать истинной жизни, ведущей къ счастью, казалось, что они теперь-то и счастливы и благородны, такъ какъ между ними царило безпорядочное неравенство имущества и власти. И Богъ боговъ, царство Котораго въ вѣчныхъ законахъ, видя, что народъ, нѣкогда справедливый, впалъ въ несчастіе и желая наложить на него такое наказаніе, которое заставило бы его раскаяться и перестать дѣлать зло, созвалъ всѣхъ боговъ къ престолу, съ котораго онъ взираетъ на весь міръ, и, собравъ ихъ, сказалъ:“.....

84. Тутъ Платонъ умолкъ. Послѣднія слова величайшаго языческаго мудреца относятся къ этому идолу богачей, къ вашему идолу; къ золотому изображенію, возвышающемуся высоко тамъ, гдѣ ваши зеленые поля Англіи испепелены вашими горнами и обращены въ пустыни Дуры.

Этотъ идолъ, наиболѣе запрещенный вамъ нашимъ Господомъ и нашей вѣрой, запрещенъ также устами всѣхъ людей, которые во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ способны были говорить соотвѣтственно цѣлямъ Бога. Продолжайте обращать это запрещенное божество въ свое главное, и вскорѣ искусство, наука и радость исчезнутъ. Настанетъ катастрофа, или хуже того, — медленное разрушеніе и погруженіе въ царство смерти. Но если вы можете избрать цѣлью вашихъ стремленій идею истинно человѣческой жизни, жизни хорошей для всѣхъ людей, какъ и для васъ; если вы можете установить ясное понятіе о честной, простой жизни, слѣдуя по протоптаннымъ радостнымъ путямъ мудрости и стремясь къ спокойной и покинутой нами стезѣ мира, тогда, обративъ ваше богатство въ общее достояніе, дивно гармонично станутъ процвѣтать ваши искусства, ваша литература, ваша повседневная

работа, ваши семейныя радости и ваша общественная дѣятельность. Тогда вы узнаете, отлично узнаете, какъ нужно строить. Вы будете хорошо созидать изъ камней, но еще лучше изъ собственной плоти; строить храмы не рукотворные, а живые, изъ безсмертнаго мрамора, окрапленнаго кровью.

Лекція III

О войнѣ

(читана въ королевской военной академіи въ Вульвичѣ, въ 1865 году).

85. Молодые воины! я не сомнѣваюсь, что одни изъ васъ пришли не охотно на это чтеніе, другіе же просто изъ презрительнаго любопытства, желая узнать, что можетъ писатель, специальность котораго искусство, сказать вамъ о вашемъ обширномъ военномъ ремеслѣ. Конечно, думаете вы, художникъ могъ бы смѣло читать лекціи молодымъ живописцамъ, но не поучать юристовъ относительно законовъ, медиковъ относительно лѣченія, а тѣмъ болѣе васъ, молодыхъ воиновъ, въ дѣлѣ войны. И дѣйствительно, я первоначально отклонялъ дѣлаемые мнѣ приглашенія прочесть вамъ лекцію и дѣлалъ это довольно долго, понимая, что вы не заинтересуетесь моею специальностью и подумаете, что мнѣ не было никакой необходимости являться сюда и поучать васъ. Мало того, я зналъ что это дѣйствительно вѣрно, и что великіе ветераны Англіи во всѣхъ отношеніяхъ люди до того серьезные, благородные и добрые, что всякое другое поученіе, помимо ихъ рыцарскаго примѣра и ихъ немногосложныхъ серьезныхъ совѣтовъ, было бы или вполнѣ бесполезно или даже—говору это безъ всякой ложной скромности—неумѣстно.

86. Но такъ какъ меня приглашали не одинъ и не два раза, то я не рѣшился упорно ограничиваться отказомъ, и пытаюсь въ немногихъ словахъ изложить тѣ причины, въ силу которыхъ вы должны меня извинить и терпѣливо выслушать мою лекцію. Вы, можетъ, быть, предполагаете, что ваша дѣятельность вполнѣ чужда моей? О, далеко нѣтъ! Всѣ чистыя, благородныя мирныя искусства основаны на войнѣ, и никогда никакое великое искусство не возникало на землѣ иначе какъ у воинственной націи.

Нѣтъ искусства у пастушескихъ народовъ, пребывающихъ въ вѣчномъ мирѣ. Нѣтъ его и среди земледѣльческаго народа, если онъ пребываетъ въ мирѣ. Торговля совмѣстима съ прекрасными искусствами, но не въ силахъ вызвать ихъ. Промышленность не только не въ состояніи породить искусство, но неизмѣнно губить всѣ зачатки его. Для націи возможно только великое искусство, въ основу котораго легла борьба.

87. Теперь, хотя вы, надѣюсь, любите военное дѣло само по себѣ, но будете однако не мало удивлены, услышавъ отъ меня, какой благой результатъ порождается имъ. Вы, вѣроятно, предполагали, что ваша задача охранять плоды мира, а не создавать ихъ, и даже находили, что обычный ходъ войнъ ведетъ къ тому, чтобъ разрушать и уничтожать ихъ. И дѣйствительно, еслибъ я основывался только на личномъ опытѣ, то едва ли рѣшился бы высказать вамъ такое положеніе. Выслушайте почему: я посвятилъ значительную часть моей жизни изученію венеціанской живописи и результатомъ этого было особенный интересъ къ одному изъ величайшихъ художниковъ Венеціи, а стало-быть, какъ я думалъ, и всего міра. Эта увѣренность (справедливая или ошибочная) въ превосходствѣ Тенторето сложилось во мнѣ при изученіи его картинъ, покрывавшихъ стѣны и потолки дворца, и изъ которыхъ три самыхъ благородныхъ были превращены австрійскими пушками въ лоскуты, свѣшивающіеся вмѣстѣ съ драпировкой потолка. Не каждый лекторъ, конечно, въ состояніи сообщить вамъ, что онъ видѣлъ три наиболѣе дорогія ему картины, изодранными бомбами въ лоскуты. И послѣ такого зрѣлища не каждый лекторъ рѣшится сказать вамъ, что война была основой всѣхъ великихъ искусствъ.

88. И, однако, такой выводъ неизбѣженъ при тщательномъ сравненіи положенія великихъ народовъ въ различные періоды ихъ жизни. Чтобъ выяснить вамъ мою мысль, я, по возможности, въ немногихъ словахъ обрисую вамъ наиболѣе крупные шаги прогресса лучшихъ искусствъ въ мирѣ. Заря искусства восходитъ въ Египтъ и почерпаетъ свою мощь въ постоянномъ созерцаніи смерти и будущаго суда. Величайшими произведеніями Египта, правящими кастами котораго было жрецы и воины, являются скульптурныя изображенія царей, отправляющихся на войну или торжественно привѣтствуемыхъ побѣжденными войсками. И вы должны при-

этомъ помнить, что одна изъ главныхъ основъ величія египетскаго народа состояла въ томъ, что ея жрецы не занимались исключительно теологіей. Ихъ теологія была основой практическаго правленія и закона; такъ что они не столько были жрецами, сколько духовными судьями. Значеніе Самуила у евреевъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ роли жрецовъ у египтянъ.

89. Такимъ образомъ, зачатки всѣхъ искусствъ и всѣхъ наукъ были положены великими воинственными націями, относившимися съ презрѣніемъ ко всѣмъ механическимъ ремесламъ и съ безумной ненавистью къ мирной жизни пастуховъ. Изъ Египта искусство непосредственно переходитъ въ Грецію, гдѣ вся поэзія и вся живопись являются описаніемъ, прославленіемъ и драматическимъ воспроизведеніемъ войнъ или подготовительныхъ къ ней упражненій въ связи съ соотвѣтствующими религіозными обрядами. Всѣ греческіи учрежденія находятся первоначально въ связи съ войною, и представленіе грековъ о войнѣ, какъ о необходимомъ условіи человѣческой и божественной жизни, ясно выражено во образѣ ихъ руководящихъ божествъ. Аполлонъ, богъ мудрости и разума, держитъ сперва не лиру, а лукъ и стрѣлы. Афина является богиней всего мудраго въ практической жизни и чаще отличается отъ другихъ богинь шлемомъ и щитомъ, чѣмъ челнокомъ.

90. Въ теоріи политической жизни грековъ и египтянъ имѣлось, однако, два существенныхъ различія. Въ Греціи не было касты воиновъ; всѣ граждане были воинами. И, во-вторыхъ, греки, презирая механическія искусства не менѣе египтянъ, не впадали въ ихъ роковое заблужденіе и не только не презирали земледѣльческую и пастушескую жизнь, но глубоко чтили ее. Эти два доказательства ихъ болѣе справедливаго сужденія ставятъ ихъ на самую возвышенную ступень, когда либо достигнутую человечествомъ; и всѣ наши великія искусства, и всѣ наши великія мысли заимствованы нами непосредственно у нихъ. Отымите у насъ все, унаслѣдованное нами отъ грековъ, и трудно даже представить себѣ, какъ низко окажется уровень современныхъ *) европейцевъ.

91. Переходя къ слѣдующему историческому періоду, вамъ слѣдуетъ, что помимо войны вамъ для полученія искусства

*) Я говорю „современныхъ“, потому что мы лишились наслѣдія, оставленнаго намъ Флоренціей и Венеціей, и являемся теперь пенсіонерами одной

необходимо нѣчто еще болѣе важное; необходимъ художественный инстинктъ или народный гений; такъ что никакой даръ рисованія не сдѣлаетъ изъ васъ художника, если у васъ нѣтъ военнаго дара, и при самомъ сильномъ воинственномъ дарѣ вы не станете художникомъ, если не обладаете соотвѣтствующимъ талантомъ. Такимъ образомъ, слѣдующая за греками великая нація воиновъ вполне чужда художественности. Я недостаточно изслѣдовалъ ея характеръ, чтобъ выяснитъ вамъ причину этого явленія; но, какъ это не кажется парадоксальнымъ, я, тѣмъ не менѣе, думаю, что Римляне вопреки увѣренію, что они родились отъ Марса и вскормлены волчицей, были въ душѣ болѣе фермерами, чѣмъ воинами. Воинскія упражненія носили у нихъ болѣе практической, чѣмъ поэтической характеръ; ихъ поэзія ограничивалась домашней жизнью, цѣль же битвъ была „*pacis imponere morem*“. И искусства, увядшія въ ихъ рукахъ, оживаютъ только когда, вмѣстѣ съ готическимъ рыцарствомъ, въ душѣ европейцевъ пробуждается восторженность къ войнѣ ради войны. Тогда-то вмѣстѣ съ романтическимъ рыцарствомъ, не находившимъ иного благороднаго примѣненія своихъ силъ, искусство при воинствующихъ короляхъ Франціи, Англіи и Испаніи и при воинствующихъ герцогахъ и гражданахъ Италіи снова возрождается и достигаетъ особеннаго развитія въ обширныхъ долинахъ Ломбардіи и Тосканы, орошаемыхъ потоками, сбѣгающими съ Альпъ и Апеннинъ, и изъ которыхъ едва ли хоть одинъ не былъ когда нибудь обогреть кровью. Наконецъ, искусство достигаетъ кульминаціоннаго пункта своей славы въ городѣ, который является въ исторіи самымъ яркимъ типомъ воинственности изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ. Его арміи велись на приступы и побѣды королями, и даже ихъ слѣпой король, все же до конца своихъ дней руководилъ ими.

92. Но, начиная съ этого времени, по мѣрѣ того, какъ миръ водворяется и все болѣе распространяется въ Европѣ, искусства все больше падаютъ. Они достигаютъ безпримѣрной пышности, но лишаются жизненности, становятся предметами роскоши и безчисленныхъ искаженій и окончательно чахнутъ у народовъ вполне мирныхъ, оставаясь отчасти только среди такихъ націй, какъ французская и англійская, сыны которыхъ проникнуты воинственнымъ духомъ, хотя и не могутъ вести воинственнаго жизни.

93. „Очень можетъ быть вы и правы“, замѣтитъ мнѣ иной филантропъ, „но если искусства могутъ процвѣтать только при такихъ условіяхъ, то лучше бъ ихъ не существовало. Какое значеніе имѣютъ всѣ эти бездѣлушки изъ камня и холста сравнительно съ радостями и миромъ бызискусственной домашней жизни?“ И въ отвѣтъ на это мы можемъ только сказать, что сами по себѣ они дѣйствительно не имѣютъ никакого значенія. Но, какъ выраженіе высшаго состоянія человѣческаго духа, ихъ значеніе громадно. Какъ результаты, они пожалуй ничтожны, но какъ знаменія—они безцѣнны; вѣдь, мнѣ кажется неоспоримой та истина, что всюду, гдѣ человѣческія способности достигаютъ полноты развитія, онѣ неизбѣжно должны проявляться въ искусствѣ, и сказать, что нація ни въ чемъ подобномъ не проявляется, значить утверждать, что она опустилась ниже уровня свойственнаго человѣческой природѣ. Такимъ образомъ говоря, что война есть основа всѣхъ искусствъ, я подъ этимъ разумѣю, что она есть основа всѣхъ возвышенныхъ добродѣтелей и способностей людей.

94. Мнѣ было очень дико и страшно прійти къ такому открытію но я видѣлъ, что это безспорный фактъ. Общепринятый взглядъ, что миръ и доблести гражданской жизни процвѣтаютъ совмѣстно, оказался не выдерживающимъ критики. Миръ и пороки гражданской жизни дѣйствительно процвѣтаютъ вмѣстѣ. Хотя мы говоримъ о мирѣ и образованіи, о мирѣ и изобиліи, о мирѣ и цивилизаци, но я нашель, что муза исторіи не допускаетъ сочетанія такихъ словъ; что на ея устахъ миръ соединяется съ чувственностью, съ себялюбіемъ и со смертью. Словомъ, я нашель, что всѣ великія націи почерпали въ войнѣ правдивость словъ и силу мысли, что онѣ вскормлены были войной и истощены миромъ, научены войной и обмануты миромъ, что онѣ находили поддержку въ войнѣ и измѣну въ мирѣ—словомъ, рождались войной и умирали отъ мира.

95. Но при этомъ тщательно замѣтите, что все вышесказанное относится не ко всѣмъ войнамъ, и что не всякіе посѣянные, драконовыя зубы превращаются въ людей. Говоря о войнахъ, я, конечно, разумѣю не яростныя набѣги варварскихъ стай волковъ, какъ при Гензерихѣ или Суворовѣ; не обычныя опустошенія и грабежи горцевъ, вродѣ древнихъ шотландцевъ; не случайную

борьбу за жизнь мощнаго мирнаго народа, какъ въ войнахъ Швеціи съ Австріей, и не состязанія тщеславныхъ націй за расширеніе своего могущества, каковы, напр., войны Франціи при Наполеонѣ или послѣднія войны Америки. Всѣ эти формы войнъ порождаютъ только могилы. Но творческой или зиждательной войной можно назвать только ту, при которой естественная неугомонность и любовь къ соперничеству между людьми проявляется въ дисциплинированной и дивной, хотя, быть можетъ, и роковой игрѣ; при которой естественное властолюбіе людей дисциплинируется и обращается въ наступательную борьбу съ окружающимъ зломъ и при которой естественные инстинкты самозащиты освящены благородствомъ учрежденій и чистотой семей, защищаемыхъ ими. Для такой войны рождены всѣ люди и въ такой борьбѣ всѣ могутъ счастливо умереть; и именно изъ такихъ войнъ въ минувшіе вѣка возникали всѣ высшія святыни и всѣ добродѣтели человѣчества.

Поэтому я подраздѣляю всѣ войны на три отдѣльныя группы: на войны ради забавы, на войны ради расширенія и утвержденія своего господства и на войны ради самозащиты.

96. Начну съ войны, какъ упражненія или забавы. Я начинаю съ нея, потому что во всей прошлой исторіи война служила главнымъ образомъ упражненіемъ и забавой для тѣхъ классовъ, которые ее объявляли и благодаря которымъ она возникала. Конечно, война далеко не забава для рекрутовъ или для матросовъ, служащихъ поневолѣ, но, вѣдь, и не они объявляютъ войну. Для правителей же, рѣшающихъ начать войну, для юношей, добровольно поступающихъ въ военную службу, она всегда была великой забавой и излюбленнымъ времяпрепровожденіемъ, главнымъ образомъ потому, что имъ нечего было дѣлать. И это безусловно справедливо. Ни одинъ царь, вполне занятый развитіемъ внутреннихъ богатствъ своего государства или другими столь же серьезными вопросами, никогда не рѣшится воевать иначе, какъ поневолѣ. Ни одинъ юноша, серьезно занятый наукой или полезнымъ дѣломъ, никогда не рѣшится стать солдатомъ. Научите его съ раннихъ лѣтъ серьезно заниматься земледѣліемъ, ремеслами, наукой или литературой, и онъ всегда будетъ относиться къ войнѣ, какъ къ великому бѣдствію. Но оставьте его празднымъ, и

чѣмъ онъ храбрѣе, дѣятельнѣе и способнѣе по природѣ, тѣмъ больше онъ будетъ жадать опредѣленнаго поприща для своей дѣятельности и находить въ пылу и гибели битвъ единственное удовлетвореніе своему праздному существованію.

Съ самыхъ раннихъ періодовъ цивилизаціи человѣчество, какъ и теперь, раздѣлялось всегда на двѣ обширныя группы или даже расы, на работающихъ и потѣшающихся, — одна обрабатывала землю, выдѣлывала продукты фабричнаго и заводскаго производства, строила и доставляла различные предметы, нужные для жизни, другая же, гордясь своей праздностью, постоянно нуждалась въ развлеченіяхъ, при которыхъ пользовалась этими производительными и трудолюбивыми классами частью какъ рабочимъ скотомъ, а частью — какъ ставками или пѣшками, поставляемыми въ жертву смерти при игрѣ въ нее.

97. *) Но помните, что какова бы ни была доблесть или полезность этой игры въ войну, если она правильна, въ ней нѣтъ, однако, ничего хорошаго, ничего, кромѣ зла, когда роль пѣшекъ играетъ толпа подневольныхъ людей.

Если вы, джентльмены того или другого государства, предпочитаете имѣть войну своей забавой и времяпрепровожденіемъ, то я желаю вамъ успѣха, но только не заставляйте несчастныхъ крестьянъ играть роль пѣшекъ и устилать своими трупами поля и лѣса. Если идетъ борьба на смерть, то складывайте свои, а не ихъ головы. На честный бой въ олимпійской пыли, хотя и пыли могиль, боги будутъ взирать даже съ участиемъ, но они не будутъ съ вами, если вы возсѣдаете въ амфитеатрѣ, ступенями которому служатъ горы, а ареной долины, на которыхъ милліоны крестьянъ играютъ роль гладіаторовъ. И вы, нѣжныя чувствительныя женщины, для которыхъ и по велѣнію которыхъ совершались и должны совершаться всѣ истинныя битвы, вы, можетъ быть, ужаснулись бы теперь — хотя вамъ и не слѣдовало бы — при мысли возсѣдать царицами на вершинахъ арены, гдѣ происходитъ

*) Мнѣ съ каждымъ днемъ все болѣе отвратителенъ тотъ декламаторскій тонъ, въ которомъ составлена была эта лекція, съ цѣлью произвести болѣе сильное впечатлѣніе на слушателей; но въ этихъ двухъ параграфахъ, въ 97 и 98, точность и вѣрность нисколько отъ этого не пострадали, и они принадлежатъ къ числу наиболѣе важныхъ и правдивыхъ, когда либо написанныхъ мною.

смертельная борьба, и еще больше содрогнулись бы при мысли находиться въ партерѣ театра, на сценѣ котораго нѣсколько осужденныхъ рабовъ избиваютъ другъ друга единственно ради вашего удовольствія, а между тѣмъ, почему вы спокойно продолжаете сидѣть въ партерахъ театровъ, гдѣ не рабы, а лучшіе, храбрѣйшіе сыны вашего бѣднаго народа не борются, какъ единичные гладиаторы, а избиваютъ другъ друга цѣлыми массаами? Вы, можетъ быть, скажете, что вы не видите этого, и это правда; женщины Европы, чьи личные сердечные интересы не затронуты въ смертельныхъ бояхъ, задерживаютъ занавѣски своихъ оконъ и стараются заткнуть свои уши; такъ что съ арены цирка, гдѣ происходятъ эти бойни, до нихъ лишь по временамъ долетаютъ доносимые вѣтромъ отрывочные полукрики и слабые вопли милліоновъ гибнущихъ душъ. Онѣ не дозволяютъ смертельнымъ стонамъ тревожить ихъ слухъ, и вполнѣ счастливо и беззаботно предаются остроумной болтовнѣ. Вотъ буквально, чѣмъ занимаются наши дамы въ ихъ праздной жизни.

98. Нѣтъ, скажутъ онѣ; мы совсѣмъ не поощряемъ этихъ войнъ, ради нашей забавы или по нашей безопасности, а просто мы не въ силахъ помѣшать имъ. Какъ могутъ международныя распри разрѣшиться не войнами?

Я не могу останавливаться здѣсь на вопросѣ о томъ, какъ политическія распри могутъ быть разрѣшаемы помимо войны. Но предположимъ, что это совсѣмъ невозможно. Предположимъ, что никакой законъ разума не можетъ быть понятъ націями, никакой законъ справедливости не въ силахъ подчинить ихъ себѣ; что въ то время, какъ вопросы о нѣсколькихъ десятинахъ и о незначительныхъ суммахъ мирно разрѣшаются по правдѣ и справедливости; вопросы, завершающіеся гибелью или спасеньемъ цѣлыхъ царствъ, могутъ быть разрѣшаемы только силою сабель и штыковъ. Предположимъ даже, что все это вѣрно, и тогда все-таки неволью возникаетъ вопросъ: неужели же необходимо, чтобъ ваши распри разрѣшались цѣною страданій бѣдняковъ, а ваши мирные трактаты писались мужицкою кровью? Вы постыдились бы дѣлать это, какъ частныя лица и по личному праву. Почему же вы не стыдитесь поступать такъ, въ качествѣ общественныхъ дѣятелей и по общественному праву? Если вы ссоритесь съ ва-

шимъ сосѣдомъ, и ссора ваша не можетъ быть разрѣшена закономъ, то ни вы, ни онъ не пошлете вашихъ лакеевъ на Батерсейскія поля разрѣшать этотъ споръ дракой или битвой между собою, не станете сжигать хижинъ арендаторовъ вашего сосѣда и портить ихъ поля. Вы сами улаживаете этотъ споръ на свой рискъ и страхъ и не допускаете, конечно, чтобъ на разрѣшеніе его матеріально повліяло то обстоятельство, что владѣнія одного изъ васъ больше владѣній другого, и не согласитесь, чтобъ появленіе на полѣ битвы слугъ и арендаторовъ вмѣстѣ съ ихъ хозяевами придало больше безспорной справедливости разрѣшенію вашего спора. Въ крайнемъ случаѣ вы или отказываетесь отъ дуэли, или принимаете ее по всѣмъ правиламъ чести, а не физической силы. А между тѣмъ, справедливое или не справедливое рѣшеніе вашей частной распри имѣетъ очень мало значенія, тогда какъ справедливое или несправедливое рѣшеніе общественной распри имѣетъ вѣчное значеніе, и однакожь въ послѣднемъ случаѣ вы отрываете сыновей вашихъ слугъ отъ объятій ихъ отцовъ и матерей и заставляете ихъ воевать; вырываете хлѣбъ изъ устъ вашихъ рабочихъ на поддержаніе этихъ войнъ, такъ что ваши пергаментные договоры о мирѣ запечатлѣваются разбитыми сердцами и опустошенными полями.

99. Мрачны и ужасны эти войны, эти распространенныя общественныя преступленія. Послушайте, какъ рисуетъ ихъ величайшій англійскій мыслитель—Карлейль:

„Выражаясь вполне неофициальнымъ языкомъ, спросимъ себя: каковъ смыслъ и какова цѣль войны? Миѣ картина ея представляется въ такомъ видѣ: Въ какой-нибудь англійской деревушкѣ живутъ и работаютъ напимѣръ пятьсотъ душъ. Наступаетъ война съ Франціей, и изъ этой деревни, какъ вполне „естественныхъ враговъ“ берутъ, скажемъ, тридцать взрослыхъ мужчинъ. Деревня эта сама вспоила и вскормила ихъ, не безъ труда и горя выростила ихъ и сдѣлала ихъ здоровыми рабочими, такъ что одинъ можетъ плести, другой плотничать, третій столярничать, а самый неспособный таскать кирпичи. И, тѣмъ не менѣе, ихъ среди обильныхъ проклятій и слезъ вербуютъ въ солдаты, одѣваютъ въ красную одежду и отправляютъ на общественный счетъ за двѣ тысячи миль или на югъ Испаніи, гдѣ ихъ кормятъ на случай надобности.

„И вотъ къ тому же мѣстечку южной части Испаніи пригоняють изъ такой же французской деревушки тоже тридцать человѣкъ рабочихъ; пока, наконецъ, послѣ безконечныхъ усилій обѣ партіи не приходятъ въ дѣйствительное столкновение, и тридцать человѣкъ англичанъ не становятся противъ тридцати французовъ, имѣя каждый по ружью.

„Раздается „пли“, и они убиваютъ другъ друга, и вмѣсто шестидесяти добрыхъ веселыхъ рабочихъ міръ имѣетъ шестьдесятъ труповъ, которые ему остается хоронить и оплакивать. Были-ли эти люди въ ссорѣ между собой? Нѣтъ, чортъ возьми, ни малѣйшимъ образомъ. Они жили довольно далеко, совсѣмъ не знали другъ друга и даже въ этомъ обширномъ мірѣ безсознательно, при помощи торговли, отчасти помогали другъ другу. Какъ же это случилось? Очень просто! Ихъ правители поссорились и вмѣсто того, чтобы стрѣляться другъ съ другомъ, имѣли хитрую наглость послать этихъ простаковъ на бойню. (Sartor Resartus)“.

100. Положительно, господа, ваша военная забава не должна и не будетъ происходить болѣе такимъ образомъ. Но, можетъ быть, какъ нибудь иначе? Участвовать въ ней будутъ если не ваши слуги, то вы сами? Я думаю, что да. Исторія и инстинктъ человѣчества говорятъ за это. Всѣ здоровые мужчины любятъ воевать, любятъ подвергаться опасности; всѣ смѣлыя женщины любятъ слушать объ ихъ битвахъ, любятъ видѣть, какъ воины не страшатся опасности. Это установившійся инстинктъ у всѣхъ не грубыхъ народовъ; и я не стану отрицать, что смѣлый бой—самая лучшая для нихъ забава, и что турниры лучше скачекъ съ препятствіями. Можетъ быть настанетъ время и во Франціи и въ Англіи для всеобщихъ скачекъ съ препятствіями и криккетовъ, но я не думаю, чтобъ всеобщій криккетъ въ силахъ былъ бы пробудить лучшія стороны благородныхъ людей, какой бы то ни было націи. Я примѣняю въ этихъ вопросахъ то мѣрило, которымъ пользовался при опредѣленіи отношенія войны къ другимъ искусствамъ, и задаю себѣ вопросъ, что я, въ качествѣ скульптора, почувствовалъ бы, еслибъ мнѣ поручено было составить рисунокъ для памятника рыцарю, похороненному въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, при чемъ мнѣ предложено было бы изобразить его съ палкой въ одной рукѣ и съ мячемъ въ другой. Можетъ быть во мнѣ это

остатокъ дикихъ готическихъ предрасудковъ, но я предпочелъ бы изобразить его съ мечемъ и щитомъ. И это, замѣтите, безъ всякаго отношенія къ выполненному имъ долгу или дѣлу, имъ защищаемому. Предположимъ, что рыцарь случайно выѣхалъ, чтобъ поупражняться въ борьбѣ съ сосѣдомъ, что онъ просто выслужился изъ рядовыхъ и добываетъ себѣ хлѣбъ и деньги своей саблей. И все-таки я считаю, что ему величественнѣе и достойнѣе добывать ихъ, играя саблей, чѣмъ въ какую бы то ни было другую игру; я предпочитаю, чтобъ онъ храбро грабилъ деньги, но не выколачивалъ ихъ, а тѣмъ, болѣе, не добывалъ ихъ мошенническимъ способомъ,—чтобъ онъ ѣздилъ на боевомъ конѣ, а не на вытренированномъ для скачекъ; мало того, я вполне серьезно и обдуманно утверждаю, что я предпочелъ бы, чтобъ онъ убилъ своего сосѣда, чѣмъ обманулъ его.

101. Но помните, что все высказанное мною можетъ быть вѣрно только по отношенію къ тѣмъ войнамъ, въ которыхъ полная мощь человѣка проявляется въ его пользованіи оружіемъ. И это по тремъ причинамъ.

Во-первыхъ, оправданіе этой забавы состоитъ въ томъ, что при правильной игрѣ въ нее опредѣляется лучшій человѣкъ: наиболѣе воспитанный, самоотверженный, безстрашный, хладнокровный и смѣтливый. Вы не можете вполне провѣрить эти качества, если нѣтъ явной борьбы, грозящей смертью. Только въ виду смерти, ставъ съ ней лицомъ къ лицу, вполне познается человѣкъ съ его тѣломъ и душой. Вы можете играть въ криккетъ, крокетъ или въ карты, и все рыцарское въ васъ можетъ не быть пробуждено. Но если игра можетъ моментально закончиться смертельнымъ ударомъ копья, то человѣкъ, по всеѣмъ вѣроятіямъ, строго обдумаетъ, прежде чѣмъ приметъ въ ней участіе. Все дурное и злое въ немъ болѣе ослабитъ его руку, когда она держитъ саблю, чѣмъ когда она ударяетъ кіемъ, и въ общемъ привычка быть добрымъ ежедневно въ присутствіи смерти всегда обладала и должна обладать могущественнымъ значеніемъ при развитіи и испытаніи честнаго человѣка. Но для полного испытанія, замѣтите, исходъ битвы долженъ строго зависѣть отъ чистоты цѣли и твердости руки, а не отъ того, у кого изъ воюющихъ наиболѣе длинное ружье, кто можетъ спрятаться за болѣе толстымъ деревомъ, кому вѣтеръ дуетъ въ лицо,

чей порохъ слѣланъ болѣе опытнымъ химикомъ, чѣе желѣзо закалено на лучшихъ угольяхъ, и кого защищаетъ наиболѣе яростная толпа. Рѣшая ваши распри, какъ личныя, такъ и народныя, такими чисто внѣшними условіями, вы только усиливаете неурядицы и присоединяете убійство къ несправедливости. Но разрѣшая ваши распри испытаніемъ того, чья рука болѣе крѣпка, чѣе сердце болѣе непоколебимо, вамъ придется разрѣшать еще много другихъ вопросовъ и разрѣшить правильно *).

102. Въ пользу такого способа разрѣшенія распрей говорить и то, что онъ наименѣе разрушительнъ, наименѣе дорогъ и при немъ война причиняетъ наименѣе физическихъ бѣдствій. Не думайте пожалуйста, что, такъ фантастически (какъ вамъ можетъ показаться) прославляя войну, я упустилъ изъ виду тѣ доводы, которые говорятъ противъ меня. Я попросилъ бы всѣхъ не знакомыхъ съ сочиненіемъ Хельпа, прочесть съ величайшимъ вниманіемъ его два очерка „О войнѣ и правительствѣ“ въ первомъ томѣ послѣдней серіи „Friends in Council“. Все, что можно сказать противъ войны, изложено имъ тамъ просто, обстоятельно и наглядно. И все, высказанное имъ, вполне справедливо. Но два главныхъ обвиненія, приводимыя этимъ серьезнымъ мыслителемъ, относятся и примѣнимы только къ современной войнѣ. Если вы отрываете массу людей отъ всякаго рода промышленныхъ занятій, кормите ихъ трудомъ другихъ людей, снабжаете ихъ разрушительными машинами, мѣняющимися съ каждымъ днемъ въ силу соперничества народовъ въ этихъ дорогихъ изобрѣтеніяхъ; если вы своими нападеніями опустошаете страну, портите на десятки лѣтъ ея дороги, лѣса, города и деревни и, въ довершеніе всего, поставивъ массы людей, насчитываемыя сотнями тысячъ, лицомъ къ лицу, вы растрѣливаете ихъ въ клочья изъ нарѣзныхъ ружей и пушекъ, оставляя безчисленныя толпы раненыхъ внѣ всякой врачебной помощи умирать и сохнуть въ мучительныхъ страданіяхъ цѣлыми днями пытокъ, то какая счетная книга вмѣститъ полный отчетъ о цѣнѣ совершенныхъ вами злодѣяній, и какая книга суда оцѣнитъ по достоинству совершенныя вами преступления?

103. Но такая современная война — научная война, химико-механическая война, — въ тысячу разъ болѣе отвратительна, чѣмъ

*) Сравни „Fors Clavigera“, письмо XIV.

отравленные стрѣлы дикарей. И, однакожъ, вы, можетъ быть, скажете мнѣ, что никакая другая война теперь немислима. Положимъ, что прогрессъ наукъ можетъ быть зарегистрированъ только новыми легкими способами въ дѣлѣ разрушенія, а братская любовь вашего все болѣе широкаго христіанства доказана только увеличеніемъ числа убійствъ. Однако, послушайте, чѣмъ была война у невѣжественныхъ, дикихъ язычниковъ, и какова бы она могла быть и теперь, еслибъ мы соединили практику язычниковъ съ вѣрой христіанъ. Я прочту вамъ нѣсколько отрывковъ изъ книги, вѣроятно хорошо извѣстной большинству изъ васъ, а именно изъ книги Мюллера „Дорійцы“, причемъ соединю вмѣстѣ тѣ мѣста, на которыя хочу обратить ваше вниманіе.

104. „Главные характеристическія черты спартавскихъ воиновъ составляли ихъ необыкновенное спокойствіе и стойкая непоколебимость; ярость (*λυσσα*) Аристодема и Изадаса (*Isadas*) заслуживала въ ихъ глазахъ не почета, а порицанія, и вышеупомянутыя качества отличали грековъ отъ сѣверныхъ варваровъ, отвага которыхъ состояла всегда въ шумливости и сумятицѣ. По той же самой причинѣ и спартавцы до вступленія въ бой приносили жертвы музамъ, такъ какъ эти богини вносили порядокъ и правильность въ битвы; на Критѣ же они въ этихъ случаяхъ приносили жертвы богу любви, охранителю стыда и взаимнаго уваженія. Каждый человѣкъ надѣвалъ вѣнокъ, когда музыканты били къ атакѣ; всѣ щиты были отполированы и блистали, придавая еще болѣе пышности темнопурпуровымъ плащамъ, задача которыхъ состояла въ томъ, чтобъ украшать сражающихся и скрывать кровь раненыхъ; умѣніе хорошо и прилично пасть придавало еще болѣе достоинства геройству. Спартавцы во время битвъ вели себя крайне благородно и были чужды всякихъ излишествъ животной ярости. Преслѣдованіе непріятеля прекращалось, какъ только побѣда была выиграна, и когда пробить былъ отбой враждебныя отношенія переставали существовать. Отбирание оружія, по крайней мѣрѣ во время битвы, воспрещалось, а принесеніе въ жертву богамъ имущества, ограбленнаго у убитыхъ непріятелей, какъ и вообще всякое ликованіе побѣдами, считалось какъ бы дурнымъ предзнаменованіемъ“.

105. Таковы были воины у величайшихъ воякъ, молившихся языческимъ богамъ. Каковы христіанскія войны, проповѣдуемыя

христіанскими представителями церкви, пусть скажетъ вамъ любой человѣкъ, видѣвшій освященіе знаменъ, слышавшій священный звукъ трубъ и испытавшій вдохновеніе божественно-правильной музыкой сѣверо-американскихъ полковъ, приготовляющихся выступить въ походъ. А о томъ, каковы были потери при языческихъ битвахъ сравнительно съ христіанскими, наглядное понятіе можетъ дать хоть слѣдующій фактъ: спартанцы выиграли рѣшительную битву при Коринѣ, потерявъ 8 человѣкъ, а нерѣшительная битва при Геттисбургѣ стоила побѣдителямъ 30,000 человѣкъ.

106. Я перехожу теперь къ разсмотрѣнію войнъ второго рода, самыхъ обычныхъ среди людей, предпринимающихъ ихъ съ цѣлью господства, и позволю себѣ попросить присутствующихъ серьезно подумать о дѣйствительномъ значеніи этой жажды господства какъ у правителей, такъ и у націй.

Но при этомъ замѣтите прежде всего, что, говоря какъ о правителяхъ, такъ и о людяхъ вообще, я всегда твердо убѣжденъ, что человѣческая природа прекрасна и благородна, а не низка и не подла. Всѣ грѣхи людей я считаю недугомъ, ненормальнымъ для нихъ безуміемъ, которое можно избѣжать, а не неизбежной необходимостью. И даже при самыхъ неблагопріятныхъ проявленіяхъ я всегда удивляюсь тому величію, котораго можетъ достигнуть человѣческая природа. Считаю ее великой, я всегда нахожу, что она выше, чѣмъ я предполагаю, тогда какъ люди, считающіе ее низкой, находятъ и будутъ находить ее ниже, чѣмъ они думали, и это происходитъ вслѣдствіе ея безпредѣльности и ея способности какъ къ безконечному величію, такъ и къ безграничному паденію. По самой же сущности своей природа наша благородна, а не низка; и эту вѣру я желалъ бы, чтобъ вы раздѣлили со мной.

107. Возьмемъте крайнія проявленія нашей природы. Поступокъ капитана „Лондона“, пожимавшаго руку товарищамъ говоря: „Да поможетъ вамъ Богъ! Я же раздѣлю участь оставшихся пассажировъ“, я считаю проявленіемъ человѣческой природы. Онъ дѣлалъ это не изъ-за религіозныхъ мотивовъ, не изъ-за надежды на награду и не изъ страха наказанія; онъ поступалъ такъ потому, что онъ человѣкъ. Но когда мать, живя среди прекрасныхъ полей веселой Англій, заставляетъ своего двухлѣтняго ребенка задохнуться подъ матрацомъ въ спальнѣ и въ ожиданіи этого

болтаеть на улицѣ, то я нахожу, что она поступала противно человѣческой природѣ. Вотъ вамъ крайнія проявленія ея. И вы, мужчины и женщины, здѣсь присутствующіе, скажите, который изъ поступковъ вы считаете человѣчнымъ, и который, по вашему мнѣнію, безчеловѣченъ, который изъ двухъ естественъ и который противоестественъ? Выбирайте ваше вѣрованіе разомъ, умоляю васъ, выбирайте рѣшительно и навсегда. Изберете ли основой вашихъ дѣлъ и надеждъ вѣру, что этотъ капитанъ таковъ, или что эта женщина такова, какими создалъ ихъ Господь? Кто изъ нихъ отступилъ отъ естественной своей природы, настоящей, возможной для нихъ, дѣйствительной—не той, какова она была много столѣтій тому назадъ, а какова она теперь? Кто изъ нихъ измѣнилъ ей, искажилъ ее? Считаете ли вы, что капитанъ, умершій на своемъ посту, погибъ не такъ, какъ подобаеть человѣку, а какъ свойственно только сумасшедшимъ или безумнымъ, а что женщина, убившая своего ребенка, выполнила только законъ своего бытія? Выбирайте, говорю я, такъ какъ рѣшеніе безчисленныхъ вопросовъ зависитъ отъ этого выбора. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій у васъ были ложные пророки, — хотя васъ торжественно предостерегали относительно ихъ, — твердившіе вамъ, что люди не болѣе какъ враги другъ другу или волки, полуживотныя, полудьяволы. Если этому повѣрить, то, дѣйствительно, можно опуститься до такого состоянія. Но откажитесь отъ этого ложнаго ученія; вѣрьте, что Богъ создалъ васъ добрыми и, несмотря на то, что вы многое изобрѣли для искаженія своей природы, вы все же съ каждымъ днемъ будете все больше становиться такими, какими Создатель хотѣлъ и хочетъ, чтобъ вы были, даруя вамъ ежедневно необходимыя для этого силы, станете все больше развивать ваше благородство и ваши добродѣтели, говоря: „я твердо отстаиваю свою правоту и не отступлю отъ нея“.

108. Я предложилъ вамъ на выборъ любое изъ этихъ двухъ вѣрованій. Но въ дѣйствительности для васъ нѣтъ выбора, такъ какъ факты неопровержимы. Вамъ не придется ни обдумывать, ни сомнѣваться, такъ какъ безспоренъ тотъ фактъ, что человѣческое существо самой высшей націи, а стало-быть и самое совершенное, является всегда и добрымъ, и правдивымъ; по мѣрѣ же того, какъ нація падаетъ, у людей появляется жестокость, лживость, а вмѣ-

стѣ съ тѣмъ, они сами становятся уродливыми, и это явленіе до такой степени правильно и постоянно, что два великія слова, первоначально означавшія только совершенствованіе націи, служатъ затѣмъ для выраженія милосердія, какъ добродѣтели, неразрывно связанной съ болѣе совершенной человѣческой природой. Слово „великодушный“ (generous) и слово „благородный“ (gentle), означавшія вначалѣ только чистоту крови, стали затѣмъ синонимами самоотверженія и нѣжности, добродѣтелей, неразлучныхъ съ такой чистотой.

109. Признавъ, что такова истинная мощь, свойственная человечеству, что вся задача воспитанія состоитъ въ ея развитіи, видя, на какія великія дѣла и на какіе самоотверженные поступки способны высшіе классы ради цѣлей, пользу которыхъ они сознаютъ, для меня вполнѣ непонятно, почему хорошо воспитанные правители, которые должны быть наиболѣе благородны и великодушны, званіе которыхъ указываетъ на ихъ задачу быть правыми относительно всѣхъ, почему они, говорю я, въ теченіе всего историческаго періода такъ рѣдко отстаивали дѣло бѣдныхъ и справедливости, и постоянно поддерживали только себя и свои личныя выгоды, угнетая бѣдныхъ и нарушая справедливость; почему, наконецъ, это стало такъ естественно, что слово „вѣрность“, т. е. вѣрность закону, употребляется обыкновенно въ томъ смыслѣ, будто только подданные должны быть вѣрны своимъ правителямъ, а не правители обязаны, тѣмъ болѣе, быть вѣрны своему народу. Капитанъ корабля готовъ умереть съ своими пассажирами и броситься послѣднимъ въ спасательную лодку, а правители, не всегда готовые умереть съ своими подданными, а еще менѣе за нихъ, считаютъ наоборотъ, что подданные обязаны всегда въ неограниченномъ количествѣ умирать за нихъ.

110. Пожалуйста, вдумайтесь въ странность этого явленія. Капитанъ корабля, не по божественному праву, а по найму компаніи, человѣкъ не царскаго происхожденія, а плебей, умѣющій только управлять кораблемъ, человѣкъ, на котораго не устремлены взоры всего міра, чье имя едва даже прозвучитъ среди прибой роковыхъ волнъ, отъ дѣяній котораго зависитъ не участь цѣлаго народа, а спасеніе какого-нибудь ребенка въ растерявшейся группѣ пассажировъ, спокойно, однако, предпочитаетъ лучше умереть,

чѣмъ нарушить свою вѣрность небольшой кучкѣ людей, плывущихъ на его корабль. Но вашъ капитанъ по божественному праву, съ грудью прикрытою сотней разноцвѣтныхъ царственныхъ щитовъ, каждый поступокъ котораго, мужественный или низкій, запечатлѣтся или заклеится навсегда въ глазахъ людей, всѣ мысли и дѣла котораго являются или благотворными или пагубными, сіяющими, какъ блескъ дня, или мрачными, какъ ночь, эти капитаны, судя по тому, каковыми они являются въ исторіи, думаютъ по большей части только о томъ, какъ обложить новою податью своихъ пассажировъ и поспокойнѣе сидѣть въ своихъ каютахъ.

111. Еслибъ въ сердцахъ этихъ правителей было такое же понятіе о трудѣ на пользу зависящихъ отъ нихъ народовъ, какое существуетъ у добрыхъ и мыслящихъ руководителей любой маленькой группы людей, то не только войны ради увеличенія власти или могущества были бы невысказанными, но даже самое понятіе о власти было бы совсѣмъ иное. Неужели же вы находите, что человѣку недостаточно думать и дѣйствовать въ интересахъ милліона людей, выслушивать ихъ жалобы, слѣдить за ихъ слабостями, исправлять ихъ пороки, создавать для нихъ законы и съ каждымъ днемъ направлять ихъ къ болѣе чистой и совершенной жизни? Если бы кто-нибудь изъ насъ былъ бы владѣтелемъ области только въ сто квадратныхъ миль и твердо рѣшился сдѣлать для нея все лучшее, что онъ можетъ: помочь ей прокармливать возможно большее количество людей, дѣлать каждый клочекъ земли плодороднымъ, каждую скалу обворожительной, каждое человѣческое существо счастливымъ, то неужели вы думаете у него не было бы достаточно дѣла?

112. Но если у правителя совсѣмъ другія стремленія: если, ни мало не заботясь о результатахъ своей власти, онъ жаждетъ только ея; если, не обращая вниманія на то, хорошо, или дурно поступаютъ его подданные, онъ желаетъ только, чтобъ они поступали согласно его приказаніямъ; если онъ предпочитаетъ злополучную область въ двѣсти миль вдвое меньшей, но счастливой, то, конечно, онъ будетъ стремиться расширять свои владѣнія, расширять ихъ безгранично. Но усилитъ ли это его могущество? Назовете ли вы могущественнымъ ребенка, имѣющаго возможность играть колесами и валиками какой-нибудь громадной машины и потѣшающагося быст-

рымъ ходомъ и ревомъ ея до тѣхъ поръ, пока неосторожное его прикосновеніе не разрушитъ всей машины, со всѣми ея колесами и валами? Но какая машина такъ громадна, какъ работа народнаго ума, какое неосторожное прикосновеніе ребенка такъ опасно, какъ слово себялюбиваго правителя?

А между тѣмъ, мы съ незапамятныхъ временъ позволяемъ историкамъ рассказывать намъ о бѣдствіяхъ, причиненныхъ такими людьми, какъ о заслугахъ, которыми они могутъ гордиться, и выставить, какъ самыхъ великихъ царей, тѣхъ, которые были представителями величайшихъ ошибокъ. Прослѣдите нашу мысль и вы увидите, что истинная власть должна быть мудра и благодѣтельна. Миноноска можетъ взорвать цѣлый флотъ; мертвый трупъ можетъ заразить цѣлую страну, но кто изъ васъ, даже самый тщеславный, пожелалъ бы царской власти, ведущей къ гибели, или отравленнаго скипетра, одно прикосновеніе котораго смертельно? Истинная власть, есть власть для помощи другимъ, истинное честолюбіе состоитъ въ жадѣ спасенія другихъ.

113. Далѣе замѣтите, что эта истинная власть спасенія не зависитъ ни отъ многочисленности людей, ни отъ размѣра территоріи. Мы постоянно предполагаемъ, что нація тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ она многочисленнѣе, и это было бы вѣрно, еслибъ вся эта многочисленная толпа была единомыслящая, но какъ можете вы быть увѣрены, что въ силахъ сдѣлать такъ, чтобъ вся эта масса людейъ мыслила заодно, а не въ разбродъ, и при томъ мыслила правильно? Если же они единокорны во злѣ, то чѣмъ больше число такихъ людей, тѣмъ хуже для васъ. Или, можетъ быть, вы думаете, что имъ не зачѣмъ быть единомыслящими или разномыслящими, а лучше всего быть просто немыслящими? Представьте же себѣ такую бессмысленную толпу, грозящую постоянно своимъ паденіемъ обрушиться на любую страну, подобно вагону каменевъ, сошедшему съ рельсовъ. Довольно опасная вещь для сосѣдей, но отнюдь не могущественная.

114. Да, могущество зависитъ не отъ размѣра территоріи и не отъ количества народонаселенія. Возьмите, когда вернетесь домой, ваши географическія карты и сравните горсточку Британскихъ острововъ съ громадой Южной Америки и подумайте, нужно ли націи заботиться о величинѣ ея территоріи. Могущество ея

въ людяхъ, въ ихъ солидарности и добродѣтели, а не въ ихъ числѣ; небольшая группа мудрыхъ, разумныхъ душъ лучше голой равнины наполненной безумцами, и только та нація истинно владѣеть своей областью, граждане которой умѣютъ владѣть собой.

115. Теперь я сдѣлаю краткій практическій выводъ изъ всего сказаннаго. Помните, что всякое правительство постольку и столько, поскольку оно милосердно и справедливо, и что могущество націи состоитъ не въ увеличеніи числа ея народонаселенія и не въ расселеніи его. Наше могущество не увеличилось отъ того, что мы переселялись въ Америку. Но даже и помимо эмиграціи, нація не должна гордиться тѣмъ, что размножается на собственной территоріи, если она размножается какъ мухи или саранча, имѣя своимъ божествомъ владыку мухъ. Она увеличиваетъ свою мощь только разрастаясь, какъ одна семья, проникнутая солидарностью и братствомъ. И, наконецъ, она не становится сильнѣе, приобрѣтая господство надъ народами, которымъ она не можетъ оказать никакой пользы. Австрія не усилилась, а стала слабѣе, захвативъ Ломбардію; и сколько бы наружнаго, кажущагося величія и богатства не принесло намъ господство надъ Индіей, но, въ дѣйствительности, мы станемъ отъ этого приобрѣтенія сильнѣе или слабѣе смотря по тому, насколько наше вліяніе на ея туземцевъ будетъ благотворно и возвышенно.

116. И хотя нація, расширяющая свое господство исключительно изъ желанія власти, роетъ себѣ яму, но еще большая погибель грозитъ ей, если она отказывается предпринимать усиленную наступательную войну, когда ясно увѣрена, что въ ея власти оказать существенную помощь или защиту. Не слѣдуетъ прислушиваться къ софистическимъ возраженіямъ о томъ, что нельзя никогда знать, нужна ли защита народа или нѣтъ. Пусть будетъ ваша народная совѣсть чиста, и ваше національное зрѣніе скоро прояснится. Каждый человѣкъ, истинно готовый принять участіе въ благородной распрѣ, не станетъ долго колебаться, какой изъ сторонъ и какому дѣлу прийти на помощь. Я считаю своей обязанностью не касаться здѣсь какихъ либо спеціальныхъ политическихъ вопросовъ, но смѣло скажу вамъ, что за послѣднія десять лѣтъ мы, англичане, потеряли всякое значеніе, какъ нація

рыцарей; мы ради выгоды воевали тамъ, гдѣ не слѣдовало, и изъ трусости оставались пѣвыми зрителями тамъ, гдѣ намъ слѣдовало принимать дѣятельное участіе. Принципъ же невмѣшательства, проповѣдуемый теперь, такъ же эгоистиченъ и жестокъ, какъ и самая сумосбродная манія побѣдъ, и отличается отъ послѣдней только тѣмъ, что злоба въ немъ соединена съ трусостью.

117. Я знаю, однако, что мой взглядъ на эти вопросы слишкомъ расходится съ общепринятымъ, и потому, не распространяясь далѣе, перехожу къ разсмотрѣнію условій благородныхъ войнъ третьяго рода, предпринимаемыхъ для защиты родины и для огражденія и соблюденія ея законовъ, каждый разъ, когда кто-нибудь грозитъ ихъ нарушить. Мнѣ кажется, что большинство людей, вступающихъ въ армію, преимущественно считаютъ это главною своею обязанностью, и я желалъ бы теперь обратить ваше вниманіе на то, каковы законы этого рода защиты, и какъ понимается въ этомъ отношеніи долгъ солдата. Вы торжественно посвятили себя обязанностямъ англійскаго солдата для охраненія Англій. Я желалъ бы дать вамъ ясно почувствовать, что значить этотъ вашъ обѣтъ или, вѣрнѣе, какое значеніе онъ постепенно пріобрѣтаетъ для васъ.

118. Вы возлагаете на себя этотъ обѣтъ еще сентиментальными школьниками. Вы поступаете въ ваши военные монастыри или батраки точно также, какъ дѣвушки вступаютъ въ свои монастыри, еще вполне сентиментальными дѣвочками; ни вы, ни онѣ не имѣютъ яснаго представленія о томъ, что каждый изъ васъ дѣлаетъ, хотя именно изъ такихъ сентиментальныхъ дѣтей и выходятъ впоследствии и лучшіе солдаты и лучшія монахини. Можетъ быть, вы не понимаете, почему я называю васъ сентиментальными школьниками, когда вы поступаете въ военную службу? Потому что, въ общемъ, васъ плѣняетъ любовь къ приключеніямъ, страсть волнений, красивыхъ одеждъ, гордости и славы,—все мотивы сентиментальные, побуждающіе мальчика охотнѣе погупить въ гвардію, чѣмъ въ торговую контору. Вы, можетъ быть, воображаете, что строгое чувство долга примѣшивается къ этимъ павлиньимъ мотивамъ? Въ лучшихъ юношахъ—да, но и то не какъ главная побудительная причина. Еслибъ вы заботились объ исполненіи вашихъ обязанностей по отношенію къ вашей родинѣ прозаическимъ, а не сенти-

ментальнымъ путемъ, то вы ясно поняли бы, что ваша истинная обязанность состоитъ въ томъ, чтобы воздѣлывать жатву, а не сжигать ее, воздвигать дома, а не бомбардировать ихъ, приобретать деньги собственнымъ трудомъ, чтобы помогать людямъ, а не чужимъ трудомъ, облагая податями, расходуемыми на убійство людей, словомъ—въ честной и самоотверженной жизни, больше чѣмъ въ честной и самоотверженной смерти, хотя послѣдняя въ вашихъ юношескихъ глазахъ кажется болѣе геройской. Итакъ, только въ силу сентиментальности вы и можете ради своей чести и чести вашей семьи предпочитать храбрую смерть въ красномъ мундирѣ храброй жизни въ простой черной одеждѣ. И теперь посмотрите, къ чему этотъ обѣтъ, даваемый подъ вліяніемъ ослѣпленія страстью, приводитъ васъ. Нѣсколько времени вы гарцуете, охотитесь за тиграми и дикарями, стрѣляете, и въ васъ стрѣляютъ, вы счастливы, горды, пользуетесь всегда почетомъ, и васъ оплакиваютъ въ случаѣ вашей смерти. Вы довольны своею жизнію и ея концомъ, будучи увѣрены, что въ общемъ вы приносите другимъ больше пользы, чѣмъ вреда, а себѣ доставляете много удовольствія.

119. Но по мѣрѣ того, какъ чувство долга осмысливается вашимъ болѣе зрѣлымъ умомъ, вашъ обѣтъ принимаетъ совсѣмъ иной видъ. Вы находите, что вы стали добровольнымъ оружіемъ вашей страны. Вы поклялись и поражать, и влагать вашъ мечъ въ ножны по первому ея приказанію, и теперь весь вашъ долгъ состоитъ въ томъ, чтобы не нарушать этой клятвы. И въ этомъ есть и своего рода хорошая сторона, и даже величіе, если вы можете исполнѣ довѣрять рукѣ и сердцу Бритомарты, привязавшей васъ къ себѣ, и если вы увѣрены, что, покинутые ею во мракѣ, вамъ не придется краснѣть при блескѣ солнечнаго свѣта. Но помните, что какъ бы хорошо и благородно ни было ваше положеніе, оно, во всякомъ случаѣ, есть положеніе раба. Существуетъ разнаго рода рабства и разные господа. Однихъ рабовъ понукають работать кнутомъ, другихъ, — подстрекая ихъ тщеславіе и пристрастіе къ сильнымъ ощущеніямъ. Но каковъ бы ни былъ кнутъ, онъ все-таки кнутъ, хотя бы даже ремни для него вы вырвали изъ собственной вашей души; рабство состоитъ въ томъ, что человѣкъ безсознательно совершаетъ свое дѣло по приказанію другого

Однихъ рабовъ подкупаютъ деньгами, другихъ похвалою, и суть не въ томъ, чѣмъ подкупленъ человѣкъ, а въ томъ, что онъ подкупленъ, и это-то и составляетъ отличительную черту рабства; оно никогда не добровольно и не сознательно, а всегда корыстно и зависимо. И это при всякой работѣ, какую бы не заставляли дѣлать; однихъ рабовъ заставляютъ неволью копать, другихъ неволью маршировать; одни копаютъ борозды, другіе—окопы, третьи—могилы. Одни выжимаютъ сокъ изъ сахарнаго тростника или изъ винограда, другіе кровь изъ людей. Рабство остается рабствомъ, къ какой бы работѣ насъ ни принуждали, хотя плоды нашихъ трудовъ и могутъ быть различны.

120. Но, прежде чѣмъ отдать себя въ рабство какому бы то ни было господину, мы должны нѣсколько обдумать и сговориться насчетъ той работы, которая будетъ возложена на насъ. Вы можете быть предполагаете, что вашъ долгъ, какъ солдатъ, состоитъ въ томъ, чтобы быть пассивными слугами; страна, оставшаяся позади васъ, должна вами повелѣвать, а вы слѣпо повиноваться ей. Но увѣрены ли вы, что тамъ, позади васъ, осталась вся страна или, по крайней мѣрѣ, лучшая часть ея? Предположите наоборотъ— а это вполнѣ возможно,— что лучшая часть ея—это вы, и что по-этому вы должны быть не рабами, а господами; господа же ваши должны стать рабами. Если вы принуждены исполнять велѣнія самой благородной и задушевной части Англій, ея, такъ сказать, сердца, то это хорошо; но если вы сами составляете самое сердце ея, а тамъ, за вами, полубездушная часть, то что вы скажете о своемъ повиновеніи ей? Вы были слишкомъ горды, чтобы стать лавочниками, но можете ли вы удовлетвориться ролью слугъ такихъ лавочниковъ? Вы были слишкомъ горды, чтобы быть купцами или фермерами; а что,—если теперь купцы и фермеры повелѣваютъ вами? Вы не имѣли особеннаго почтенія къ Эскетеръ Голлу; но неужели желаете имѣть нѣсколько даровитыхъ его особъ своими шефами, судьями вашей дѣятельности, присуждающими вамъ награды? Вы воображаете быть арміею Англій, а что, если окажется, что вы, въ сущности, составляете только полицію ея мануфактурныхъ городовъ и сторожей ея маленькихъ диссидентскихъ церквей?

121. Пока еще дѣло не совсѣмъ такъ, и надѣюсь, что оно никогда до этого не дойдетъ; но я имѣю въ виду обратить ваше вни-

маше на то, что идеаль войны не есть только храбрость и простое повиновение, и что ни одна страна не может считать себя въ нормальномъ состояніи, если она въ значительной степени отдѣлила свою гражданскую власть отъ военной. Всѣ государства міра, какъ бы ни были они велики, разомъ приходятъ въ упадокъ, какъ только начинаютъ пользоваться наемнымъ войскомъ; но не менѣ пагубно и современное заблужденіе, всѣ вредныя послѣдствія котораго мы не въ силахъ еще вполне взвѣсить, въ силу котораго лучшая кровь и мощь народа, все, что въ немъ есть самаго смѣлаго душой, безкорыстнаго, вѣрнаго, готоваго на лишенія и страданія, словомъ, вся дивная его молодежь берется, облачается въ желѣзные доспѣхи и превращается въ простое оружіе, лишенное голоса и воли; тогда какъ худшая часть націи, трусливая, жадная, чувственная, вѣроломная — вздаеть ей приказанія, становится ея повелѣвающимъ начальствомъ, ея авторитетомъ, безмысленнымъ закономъ, которому всѣ должны повиноваться.

122. Да, исполненіе вашего обѣта—защищать Англію, должно состоять огнюдь не въ томъ, чтобъ проводить такую систему. Вы не истинные солдаты, если намѣреваетесь только стоять у дверей лавокъ и защищать лавочниковъ, которые въ нихъ мошенничаютъ. Обѣтъ солдата, даваемый имъ своей родинѣ, состоитъ въ готовности умереть, защищая ея домашнюю добродѣтель, ея справедливые законы и ея истинную честь, но онъ не только не обязанъ защищать государство, лишенное доблестей, справедливыхъ законовъ и чести, а напротивъ, его священный долгъ состоитъ въ томъ, чтобъ исправлять все, что онъ замѣчаетъ въ этомъ государствѣ низкаго.

123. И до того непреложенъ этотъ законъ природы и жизни, что нація, вполне развращенная, можетъ быть спасена только военнымъ деспотизмомъ, а не личными своими усиліями и не болтовней. И здоровье или благосостояніе націи состоитъ просто въ томъ, чтобъ ея правители были, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ея солдатами или, вѣрнѣе, чтобъ ея солдаты въ силу ихъ разумности, больше чѣмъ въ силу оружія, стали ея правителями. Поскольку англійская аристократія властна надъ сердцемъ Англіи, постольку она и теперь всегда въ переднихъ рядахъ ея борцовъ, но это вліяніе недостаточно, если она, вмѣстѣ съ тѣмъ, не будетъ и въ переднихъ рядахъ ея мыслителей. И дѣйствительно, ея мысль нуждается въ

хорошихъ руководителей и теперь, какъ всегда. Знаете ли вы, къ какому заключенію она, наконецъ, пришла, благодаря этому прекрасному раздѣленію труда, при которомъ ея храбрые мужи сражаются, а трусливые мыслятъ? Вотъ въ рукѣ у меня газета, хорошая, честная, вполне выражающая общественное мнѣніе современной Англїи. И вотъ одну изъ своихъ передовыхъ статей она посвящаетъ нашему „общественному процвѣтанію, избытку въ насъ жизни и политическому верховенству Великобританїи“. И какъ вы думаете, чѣмъ все это достигнуто? Тѣмъ ли, чему насъ учили наши отцы, передавая, какъ наслѣдіе, изъ поколѣнья въ поколѣнье? О, совсѣмъ нѣтъ. Честностью сердца, благоразуміемъ ума, непреклонностью воли? Нѣтъ. Тѣмъ ли, что добыто для насъ нашими мыслителями, государственными людьми, поэтами, полководцами, мучениками и терпѣливымъ трудомъ многострадальнаго народа? О нѣтъ, все это во всякомъ случаѣ не играетъ главной роли. „Нѣтъ, — говоритъ газета, болѣе всякаго иного фактора изобиліе и дешевизна угля создали изъ насъ тотъ народъ, какимъ мы являемся въ данную минуту“. Если это вѣрно, то слова „прахъ и во прахъ превратишься“ — самая приличная для насъ эпитафія, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

124. Джентельмены Англїи, если вы когда-нибудь пожелаете, чтобъ ваша страна снова наслаждалась чистымъ небеснымъ дыханіемъ и ея тѣло обладало душой, а не предавалось трупному разложенію, пропитываясь угольной кислотой и вздуваясь отъ нея, то вы должны не только сражаться, но и мыслить и чувствовать

*) Я не привожу названья этой газеты, потому что статья не соотвѣтствуетъ ея общему тону, но чтобъ аудиторія могла провѣрить справедливость моихъ словъ, я положилъ этотъ номеръ на столикъ. Слова барона Либиха, служащія эпиграфомъ передовой статьи по тому же вопросу въ Daily Telegraph, отъ 11 января 1866 г., вкратцѣ содержатъ то же и служатъ образцомъ величайшаго безумія современной мысли въ этомъ отношенїи. „Цивилизація, говорить баронъ, состоитъ въ экономїи силъ, а современную силу Англїи составляетъ ея уголь“. Не совсѣмъ вѣрно, почтеннѣйшїй химикъ. Цивилизація состоитъ въ развитїи цивилизованныхъ людей, въ своего рода, правда, перегонкѣ, но недоступной никакимъ перегоннымъ кубамъ, и задача ея не въ томъ, чтобъ обращать небольшую группу благородныхъ людей въ обширную массу торговцевъ желѣзными издѣліями. Мощь Англїи (какъ бы ничтожна она ни была) не въ углѣ, а въ томъ, что будетъ жить, даже когда весь міръ превратится въ уголь.

за нее; вы должны учить ее, что истинное величіе было ея удѣломъ, когда поля ея покрывались зеленью, а щеки сыновъ яркимъ румянцемъ, и что это величіе еще возможно для англичанъ, но оно будетъ уже невысказуемо, если вся земля ея будетъ изрыта угольными копьями, а все небо закончено дымомъ.

125. Да, молодые солдаты, являющіеся во всѣхъ отношеніяхъ надеждой вашей родины, — если только у нея есть какая-нибудь надежда, — помните, что я сурово и серьезно напоминаю вамъ, что вы можете оправдать эти надежды въ будущемъ, только подготовляясь къ этому теперь. Ни одинъ старый добрый солдатъ не былъ никогда безпеченъ или лѣнивъ въ юности. Многіе вѣтренные и беззаботные юноши стали хорошими епископами, юристами, купцами, но никогда изъ нихъ не выходило хорошихъ генераловъ. Найдите во всей исторіи повѣствованіе хоть объ одномъ хорошемъ воинѣ, который не былъ бы серьезенъ и вдумчивъ въ молодости. И, вообще, я не выношу людей, толкующихъ снисходительно о необдуманности юношей. Я гораздо снисходительнѣе могу отнестись къ необдуманности въ старости. Когда человѣкъ прожилъ свою жизнь и не можетъ уже ничего измѣнить въ матеріальныхъ условіяхъ своей судьбы, пусть онъ безпечно относится къ предстоящей ему дѣятельности и шутить, если хочетъ, съ судьбой, но какое оправданіе можетъ вы найти для безпечности мысли въ тотъ періодъ, когда вся будущая судьба зависитъ отъ рѣшенія каждой минуты? Безпечность юноши! Когда все его счастье навсегда зависитъ отъ минутныхъ случайностей или страстей. Безпечность юноши! Когда вся его будущая карьера зависитъ отъ благопріятной случайности каждой минуты. Безпечность юноши! Когда каждый поступокъ является словно факеломъ, освѣщающимъ путь дальнѣйшей его жизни, а каждая фантазія — источникомъ жизни или смерти. Будьте безпечны и невдумчивы скорѣй впоследствии, но не въ юности, хотя благородный человѣкъ можетъ быть безпеченъ и невдумчивъ только на смертномъ одрѣ и никогда не оставляетъ ничего необдуманнаго до смертнаго часа.

126. Рѣшивъ, такимъ образомъ, не безпечно, а серьезно употреблять ваши юношескіе годы, помните, что всѣ обязанности сыновъ Англіи по отношенію къ ихъ родинѣ могутъ кратко быть выражены въ слѣдующихъ двухъ словахъ: трудолюбіе и честь. Я

говору прежде всего: „трудолюбіе“, потому что въ этомъ отношеніи юноши-воины склонны скорѣй всего грѣшить. Конечно, изъ того, что ваша жизнь можетъ быть менѣе продолжительна, чѣмъ жизнь остальныхъ людей, совсѣмъ не слѣдуетъ, что вы должны безопасно тратить и ту небольшую часть ея, которая выпадаетъ вамъ на долю; точно также и обязанности вашей профессіи, требующія, чтобъ вы заботились о тѣлесной вашей силѣ, тѣмъ самымъ не оправдываютъ слабости вашихъ умственныхъ и духовныхъ способностей. Напротивъ, трудности вѣчно дѣятельной солдатской жизни придаютъ умственнымъ силамъ больше точности и послѣдовательности; и въ то время, какъ для другихъ людей знанія часто служатъ средствомъ для забавы и развлечения, для солдата нѣтъ той отрасли знанія, которая не могла бы когда-нибудь пригодиться какъ средство, несущее за собой жизнь или смерть. Можно извинить молодого математика, не торопящагося при изученіи кривыхъ, описываемыхъ только карандашемъ, но не при начертаніи кривыхъ, описываемыхъ бомбами. Ваше знаніе полезныхъ растений можетъ послужить къ поддержанію жизни цѣлой арміи, а ваше знакомство съ неизслѣдованнымъ уголкомъ на географической картѣ повести къ успѣху предпріятого похода. Поэтому не теряйте бесполезно ни минуты времени; грѣхъ праздности въ тысячу разъ болѣе непростителенъ для васъ, чѣмъ для остальныхъ юношей, такъ какъ участь людей, которые современемъ будутъ подъ вашей командой, зависитъ отъ вашихъ знаній, и даромъ потраченныя мгновенія отзываются цѣною даромъ погибшихъ жизней, а каждая минута, потраченная вами беззаботно на игру, окупится кровью.

127. Но изъ всѣхъ бесполезныхъ тратъ времени есть одна наиболѣе презрѣнная, потому что при ней тратится не только время, но и духовный интересъ и энергія. Изъ всѣхъ неблагородныхъ привычекъ, въ которыя вы можете впасть, самая пошлая есть привычка держать пари или интересоваться ихъ исходами. Тутъ совмѣщаются почти всѣ условія безумія и порока, такъ какъ вы сосредоточиваете ваше вниманіе на дѣлѣ слѣпой случайности, а не на предметѣ строгаго знанія и отстаиваете мнѣнія безъ всякаго основанія, только въ силу того, что они ваши. Вся наглость эгоизма ясно сказывается здѣсь, и когда любовь къ волненію осложняется надеждой выиграть деньги, вы превращаетесь въ самый низ-

кій сортъ торговцевъ—живущихъ спекуляціей. Еслибъ не было другихъ основаній для развитія въ васъ трудолюбія, то этого одного было бы вполне достаточно; такъ какъ трудолюбіе предохраняетъ отъ искушеній такого позорнаго порока. Работайте честно и вы станете обладать славнымъ и все возрастающимъ счастіемъ, а не тѣмъ, которое можетъ быть добыто быстротою бѣга лошади или омрачено уклоненіемъ шара.

128. Итакъ, трудолюбіемъ вы должны прежде всего выполнить вашу обѣту родинѣ; но и трудолюбіе и ваша серьезность будутъ вполне бесполезны, если они не будутъ освящены вашей рѣшимостью быть во всемъ людьми чести; чести не въ обычномъ, а въ болѣе возвышенномъ значеніи этого слова. Обратите вниманіе на силу двухъ главныхъ словъ въ знаменитомъ стихѣ: „integer vitae, scelerisque purus“. Вы посвятили свою жизнь Англіи, отдайте ей вполне вашу свѣтлую, безпорочную, совершенную, рыцарскую жизнь. Хотя вамъ приходится воевать машинами, а не копьями, тѣмъ не менѣе, въ виду большаго ужаса опасности, ваши рыцарскія чувства должны проявляться тѣмъ сильнѣе. Вы можете все еще быть истинными рыцарями и истинными людьми. Итакъ, первое, что вамъ слѣдуетъ соблюдать, готовясь быть солдатами, это полную правдивость и справедливость. Храбрость вполне свойственна всѣмъ хорошимъ юношамъ, но правдивость и благородство далеко не такъ часто встрѣчаются. Вы должны, какъ щитомъ, прикрыть ими свою грудь и начертать ихъ на скрижаляхъ вашихъ сердецъ. Хотя отъ васъ не требуется обѣта безукоризненной правоты, но вы сами должны наложить его на себя. Ваши сердца, если не волнуются ничѣмъ, подобны гробамъ, въ которыхъ покоится священный прахъ вашего бога. Будьте крестоносцами для освобожденія этихъ священныхъ останковъ. И помните прежде всего, что главнѣйшій законъ этой рыцарской правды, есть вѣрность женщинѣ. Кого бы вы ни обольщали, ни оскорбляли, кого бы вы ни оставляли безъ помощи, но во всякомъ случаѣ, вы не должны обольщать, оскорблять, или оставлять безъ посильной помощи ни одной женщины, безразлично къ ея положенію. Повѣрьте мнѣ, что всѣ высшія добродѣтели мужчинъ начинаются со скромности и правдивости передъ лицомъ всѣхъ дѣвушекъ, съ правдивости, жалости и почтительности ко всѣмъ женщинамъ.

129. А теперь позвольте мнѣ обратиться къ вамъ, женщины и дѣвушки, составляющія все для нашихъ солдатъ, обратиться къ матерямъ, посвятившимъ своихъ сыновей военному ремеслу. Позвольте мнѣ попросить васъ разсмотрѣть, какое участіе вы должны принимать въ помощи тѣмъ, кто васъ любитъ. Если вы не выполняете вашихъ обязанностей, они не въ силахъ выполнять своихъ; вы такія безусловныя помощницы, что безъ вашего содѣйствія ни одинъ мужчина не можетъ сдѣлать своего дѣла, выполнить своихъ обязанностей.

Я знаю ваши сердца, знаю, что въ минуты испытанія, сознавая свой долгъ, вы не колеблясь исполните его. Но вы не знаете, когда наступитъ часъ истиннаго испытанія, и въ чемъ онъ состоитъ. Вы думаете, что вашъ долгъ состоитъ только въ томъ, чтобъ ждать и страдать, покоряться и оплакивать. Вы знаете, что вы не должны обезсилить вашихъ мужей и возлюбленныхъ даже единственно возможнымъ опасеніемъ для мужественныхъ сердецъ—опасеніемъ разлуки съ вами и горечи ея для васъ. Мучительные годы разлуки, тревожныя опасенія за неизвѣстность ожидающей васъ судьбы, вся горечь грусти, которую такъ легко вы могли бы превратить въ радость, мучительное безпокойство, что ихъ славная жизнь подкошена будетъ въ самомъ расцвѣтѣ—все эти страшныя душевныя страданія не въ силахъ заставить васъ измѣнить себѣ. Но ваше испытаніе не въ этомъ. Быть героинями въ опасности—мало; вѣдь вы женщины Англїи. Геройски переносить испытанія и превратности судьбы—ничто для вашей любви. Терпѣливо переживать ужасную потерю любимыхъ существъ, тоже не все, потому что ваша любовь не ограничивается жизнью здѣсь, на землѣ; вы продолжаете любить и за гробомъ. Но быть героинями въ счастіѣ, смѣло и мужественно взирать на него при сіяющемъ блескѣ утреннихъ лучей, не забывать Бога, когда Онъ наиболѣе осыпаетъ васъ своими дарами, не измѣнять людямъ, ввѣрившимся вамъ, когда они, повидимому, наименѣе нуждаются въ вашей помощи,—вотъ самое тяжелое испытаніе. Не въ мучительной разлукѣ, не въ пылу битвъ, не у одра болѣзни должны вы возсылать самую пламенную молитву, расточать самую нѣжную заботу. Молитесь, матери и дѣвушки, за вашихъ молодыхъ солдатъ въ цвѣтѣ ихъ славы, молитесь, когда ничто не грозитъ имъ, кромѣ ихъ собственной своенравной воли,

молитесь и охраняйте ихъ, когда имъ грозитъ не смерть, а искушеніе. Вотъ то испытаніе, за которое вы заслуживаете истинную награду. Вѣрьте мнѣ, что весь ходъ и весь характеръ жизни любимыхъ вами людей въ вашихъ рукахъ: чѣмъ вы желаете и чѣмъ вы достойны, чтобъ они были, тѣмъ они и будутъ, потому что они не болѣе какъ зеркала, отражающія васъ. Если выпусты легкомысленны, то они тоже, если вы не имѣете яснаго сознанія о своихъ обязанностяхъ, они забудутъ о своихъ; они слышать и могутъ слышать только тѣ разъясенія ихъ обязанностей, которыя исходятъ изъ вашихъ устъ. Велите имъ быть храбрыми, они будутъ храбры для васъ, велите имъ быть трусливыми и подлыми и, какъ бы ни были они благородны, они станутъ робѣть и подличать, ради васъ; велите имъ быть мудрыми, и они будутъ мудры, ради васъ, надсмѣхайтесь надъ ихъ разумными совѣтами, и они станутъ безумствовать, ради васъ; такова безусловная ваша власть надъ ними. Вы, можетъ быть, раздѣляете довольно распространенное мнѣніе, что женщина должна управлять домомъ, а не душой своего мужа. Но нѣтъ! Справедливо обратное; истинная жена является слугой въ домѣ мужа и царицей въ сердцѣ его. Во всемъ лучшемъ, что онъ замышляетъ, главная доля принадлежитъ ей; самая возвышенная его надежда внушена ею. Его душу она должна избавить отъ мрака и наполнить свѣтомъ; когда онъ колеблется на пути правды, она поддерживаеъ его и придаетъ ему энергію; отъ нея получаетъ онъ лучшую свою награду, въ ней находитъ онъ истинное успокоеніе отъ всѣхъ тревоженій и битвъ жизни.

130. И теперь я долженъ въ заключеніе сказать одно слово. Вы, можетъ быть, удивляетесь, что я весь вечеръ какъ бы прославлялъ войну. Но, говоря откровенно, я охотно первый присоединился бы къ тѣмъ людямъ, которые стали бы перековывать мечи на орала, еслибъ это было возможно. А въ томъ, что это не возможно, виноваты не мы, мужчины, а вы, женщины. Да, всецѣло вы. Только по вашему велѣнію или позволенію и могутъ возникать распри между нами. Истинная, конечная причина всѣхъ бѣдствій, несчастій и всѣхъ ужасовъ европейскихъ войнъ заключается въ томъ, что вы, женщины, при всей вашей добротѣ, религіозности и самоотверженности по отношенію къ тѣмъ, кого вы любите, слишкомъ эгоистичны и слишкомъ мало вдумчивы, чтобы заботиться о

комъ-нибудь въ тѣснаго кружка близкихъ вамъ людей. Вы воображаете себѣ, что чувствуете состраданіе къ другимъ. Но я скажу вамъ, что еслибъ обыкновенныя войны вмѣсто того, чтобъ разорять дома крестьянъ и опустошать ихъ поля, только уничтожали бы фарфоровыя украшенія на столахъ вашихъ гостиныхъ, то и тогда ни одна война въ цивилизованныхъ странахъ не продолжалась бы и недѣли. Я скажу вамъ больше, что въ любой моментъ, когда пожелаете, вы можете положить конецъ войнѣ съ гораздо меньшими усиліями, чѣмъ это нужно вамъ, чтобъ готовить каждый день вашъ обѣдъ. Вы знаете или, по крайней мѣрѣ, должны знать, если вдумаетесь, что каждая война, о которой вы слышите, служить причиной того, что многія жены становятся вдовами, многія дѣти — сиротами. Ни у кого изъ насъ нѣтъ достаточно сердечности, чтобъ раздѣлять ихъ горе, какъ свое. Но, по крайней мѣрѣ, вы могли бы вмѣстѣ съ ними носить трауръ. Пусть каждая дама, считающая себя христіанкой и сознающая свои обязанности по отношенію къ Богу, рѣшится, по крайней мѣрѣ, наружно носить трауръ по убитымъ Его созданіямъ. Ваши молитвы бесполезны, ваши посѣщенія церквей являются насмѣшкой надъ Богомъ, если въ васъ нѣтъ достаточно рѣшимости на это. Пусть каждая женщина высшихъ классовъ цивилизованной Европы дастъ себѣ обѣтъ при возникновеніи любой войны носить трауръ, т. е. глухое черное платье, безъ всякихъ брилліантовъ и украшеній, безъ всякихъ претензій на нарядность, и повторяю: никакая война не продлится и недѣли.

131. И наконецъ, вы, женщины Англіи, подняли теперь вмѣстѣ съ вашимъ духовенствомъ громкій крикъ, услыхавъ, будто нападаютъ на вашу Библию. Еслибы вы пожелали слѣдовать ея завѣтамъ, вы ни мало не тревожились бы всевозможными нападками на нее. Но именно потому, что вы никогда не исполняете ни одного изъ ясныхъ предписаній Библии, вы такъ и заботитесь о ея репутаціи и, ни мало не стараясь слѣдовать ея духу, такъ тщательно оберегаете ея букву. Библия учитъ васъ одѣваться просто, а вы сходите съ ума отъ нарядовъ, Библия учитъ васъ состраданію къ бѣднымъ, а вы давите ихъ колесами своихъ пышныхъ каретъ, Библия учитъ васъ творить судъ и правду, а вы даже не знаете и не стараетесь узнать, что Библия разумѣетъ подъ этими словами. На-

учитесь, по крайней мѣрѣ, тому, что разумѣется подъ Божіей правдой, и заставьте вашихъ сыновей понять, что ихъ храбрость—только безумное хвастовство и ихъ дѣла—мерзкія опустошенія подстрекателей, если они не люди правды и не совершенны въ страхѣ Божіемъ, и тогда всякая война исчезнетъ, кромѣ той, которая есть дѣйствительная борьба, совершаемая по волѣ Бога и о которой сказано, что: этотъ князь міра „въ правотѣ творитъ свой судъ и свята война Его“.

Лекція IV.

О будущности Англіи.

(Читана въ Королевской Академіи въ Вульвичѣ 14-го декабря 1869 года).

132. Мнѣ хотѣлось бы, но боюсь, что не сумѣю достаточно ясно высказать вамъ, какъ я радъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мнѣ совѣстно воспользоваться вашимъ позволеніемъ побесѣдовать съ вами. Совѣстно думать, что я могу высказать вамъ какую-нибудь истину, которой вы ни чувствовали бы глубже, чѣмъ я; но я радуюсь при мысли, что мой меньшій опытъ жизни, огражденной отъ искушеній, выпадающихъ на вашу долю, можетъ быть оставилъ во мнѣ часть той дѣтской мощи, которой я могу быть вамъ полезенъ; твердая вѣра, вѣроятно, единственная вещь, которой я въ силахъ оказать нѣкоторую помощь людямъ, дѣлавшимъ слишкомъ много, чтобъ часто не испытывать разочарованія при невозможности выполнить всего, чего имъ хотѣлось. И дѣйствительно, даже люди, наиболѣе смѣлые, не могутъ во многихъ отношеніяхъ не испытывать нѣкотораго опасенія, потому что всѣ мы чувствуемъ, что живемъ наканунѣ громаднаго политическаго, если не переворота, то кризиса. Близится борьба, во-первыхъ, между разившейся демократіей и отжившимъ феодализмомъ и, во-вторыхъ, между богатствомъ и бѣдностью. Эта двойная борьба обыкновенно принимается за одну, причемъ предполагается, что общіе интересы соединяютъ капиталистовъ съ людьми благородными въ ихъ борьбѣ съ толпой, требующей съ одной стороны хлѣба, а съ другой свободы.

133. Но между той и другой борьбой нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Богатство не только не нужно, но даже противно благородству. До такой степени противно, что первой существенной чертой всѣхъ благородныхъ людей, основавшихъ великія династіи, была бѣдность — часто бѣдность по объѣту, — всегда бѣдность по

великодушію. И о каждомъ истинномъ средневѣковомъ рыцарѣ исторія прежде всего повѣствуетъ, что онъ не копилъ для себя богатствъ.

134. Такимъ образомъ, интересы богатыхъ и благородныхъ не только не общи, а напротивъ, вполне противоположны. Съ другой стороны не менѣе противоположно и дѣло анархіи дѣлу бѣдныхъ. Правда, мы видимъ, какъ въ настоящее время рука объ руку и вмѣстѣ возмущается гордость противъ авторитета и нищета противъ алчности. Но дѣло ихъ не общее, потому что анархія всегда предшествуетъ бѣдности, и всякое благосостояніе начинается съ повиновенія. Такъ что теперь, повидимому, нѣтъ возможности оказывать поддержку дѣлу порядка безъ того, чтобъ не отстаивать несправедливости, и немыслимо справедливо защищать дѣло обездоленныхъ безъ того, чтобъ не казаться защитникомъ своеволія.

Позвольте же мнѣ въ немногихъ словахъ выяснитъ истинное значеніе этой распри и указать, на чьей сторонѣ правда. Взглянемъ прямо въ лицо истинѣ, какова бы она ни оказалась, и рѣшимъ, чью сторону мы по мѣрѣ силъ должны поддерживать.

135. Итакъ, первое. Въ теченіе одиннадцати столѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ Карлъ Великій надѣлъ на себя корону Лонгобардіи, европейскій народъ терпѣливо позволялъ управлять собою королямъ и вообще одному какому-нибудь руководителю. Но за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ народы начали подозрѣвать и, наконецъ, многіе убѣдились, что, въ общемъ, эти короли дурно или ложно управляли ими, и потому все громче и яснѣе заявляютъ, что „отнынѣ имъ не нужно больше королей и никакого вообще правительства“.

Мы, какъ я выше сказалъ, рѣшились въ этой лекціи безпристрастно изслѣдовать всю истину и обсудить, что намъ дѣлать, и потому не можемъ отрицать, что, дѣйствительно, руководители дурно управляли народомъ, который, навѣрное, во многихъ странахъ попытаетъ новую систему „безъ всякихъ правителей“, систему воспитательную для всѣхъ безумцевъ и выгодную для всѣхъ злыхъ; а такъ какъ этого рода люди не нуждаются ни въ какомъ человѣческомъ обществѣ, то попытка обойтись безъ всякаго правительства вѣроятно будетъ предпринята въ довольно широкихъ размѣрахъ. И міръ охотно претерпитъ множество страданій во имя этой новой надежды и сохранитъ свою вѣру въ анархію, во что бы то ни стало, пока она, наконецъ, не станетъ ему невыносима.

136. Во-вторыхъ. Народъ обратилъ особенное вниманіе на одну форму этого ложнаго управленія, состоявшую въ томъ, что господа заставляли его исполнить всю работу, сами же только пользовались плодами его труда. Такъ называемое управленіе состояло въ украшеніи себя нарядными одеждами и въ привольной жизни на счетъ народа. И я съ грустью долженъ признать, что въ этомъ отношеніи народъ совершенно правъ. Если вы вникаете въ сущность дѣла, то поймете, что таковъ былъ строй всего европейскаго общества въ теченіе многовѣковаго господства феодальной системы; все общество раздѣлялось на крестьянъ, жившихъ трудомъ, на духовенство, жившее милостыней, и на рыцарей, жившихъ грабежомъ; и такъ какъ общественное мнѣніе все яснѣе сознаетъ значеніе этихъ фактовъ, то оно и не желаетъ болѣе терпѣть продолженія такого порядка вещей. Исканіе иныхъ путей, конечно, будетъ полно волненій, главнымъ образомъ потому, что первое впечатлѣніе народа, пробуждающагося къ сознанію, внушаетъ ему ложную надежду, что какъ въ средніе вѣка половина народонаселенія жила праздно, такъ въ болѣе просвѣщенные грядущія времена праздно жить могутъ всѣ.

137. Въ-третьихъ,—и въ этомъ худшая сторона переживаемаго нами кризиса,—прошедшая система ложнаго управленія, въ особенности за послѣдніе триста лѣтъ, породила своей небрежностью цѣлый классъ людей изъ среды низшихъ слоевъ общества, которымъ особенно трудно управлять. Правящіе классы справедливо лишились его уваженія, но особенная бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что эти низшіе слои лишились привычки и даже способности вообще относиться съ уваженіемъ, лишились чувства почтенія, этого самаго дорогого свойства человѣческой души. Поскольку вы можете находить существа выше васъ, на которыя вы взираете съ чувствомъ глубокаго почтенія, постольку вы и становитесь благороднѣе и счастливѣе. Еслибъ вы могли всегда жить среди архангеловъ, вы были бы счастливѣе, чѣмъ въ обществѣ людей; но даже и среди дивныхъ рыцарей и прекрасныхъ дамъ вы были бы тѣмъ счастливѣе, чѣмъ сильнѣе они своимъ благородствомъ и красотой вызывали бы въ васъ глубокое чувство почтенія къ себѣ. И наоборотъ, еслибъ васъ осудили жить въ толпѣ идиотовъ, существъ нѣмыхъ, безобразныхъ, злыхъ, вы не были бы счастливы при вѣч-

номъ сознаніи своего превосходства. Такимъ образомъ, вся дѣйствительная радость и вся сила человѣческаго прогресса зависятъ отъ того, что люди находятъ достойный предметъ поклоненія, а вся низость и все злополучіе человѣчества начинается съ привычки презрѣнія. Теперь мы ложнымъ управленіемъ народа создали, повторяю, въ Европѣ обширную группу людей, а внѣ Европы еще ббольшую, которая лишилась возможности и способности относиться къ чему бы то ни было съ почтеніемъ, которая чтить только себя и не можетъ ничего видѣть прекраснаго кругомъ себя и ничего добродѣтельнаго выше себя. Она¹ питаетъ ко всему прекрасному и великому только чувства низшихъ тварей: страхъ, злобу и зависть; этотъ классъ людей палъ ниже, чѣмъ вы желали, и увеличился больше, чѣмъ вы ожидали, такъ что теперь плѣнить его труднѣе, чѣмъ ехидну, и дисциплинировать такъ же мудрено, какъ лѣтнюю бабочку.

Да, мы переживаемъ серьезный кризисъ, господа, и пора подумать о немъ. Я въ немногихъ словахъ постарался обрисовать его мрачныя стороны. Теперь посмотримъ, что можно найти въ немъ свѣтлаго.

138. На этихъ дняхъ въ одномъ журналѣ, являющимся яркимъ представителемъ консервативной партіи и далеко не благопріятно относящимся къ стачкамъ и тому подобнымъ народнымъ явленіямъ, была помѣщена передовая статья, озаглавленная: „Что дѣлать съ палатой лордовъ?“ Меня она поразила; мнѣ показалось, что мы идемъ гораздо быстрѣе, чѣмъ я думалъ, если такой вопросъ является предметомъ обсужденія даже въ журналѣ, предназначенномъ главнымъ образомъ для среднихъ и высшихъ классовъ. Открыто или нѣтъ, но вопросъ этотъ уже поставленъ. Что дѣлать съ лордами? И отвѣтъ на него зависитъ отъ того, будемъ ли мы въ состояніи отвѣтить на другой вопросъ: какая отъ нихъ польза? Нѣсколько времени тому назадъ принято было утверждать, что они полезны, какъ задерживающій элементъ, дающій возможность вторично обсудить каждый вопросъ. Но нація начинаетъ нетерпѣливо относиться къ этимъ задерживающимъ элементамъ и, конечно, рано или поздно сочтетъ бесполезнымъ содержать эти дорогія препятствія своимъ стремленіямъ. А между тѣмъ, мнѣ не приходилось ни отъ публики, ни отъ самихъ лордовъ слышать яснаго опредѣленія

ихъ полезности. Такъ что, повидимому, необходимо, чтобъ всѣ люди повторяли имъ слова, нѣкогда высказанныя великимъ мыслителемъ и учителемъ Карлейлемъ, утверждавшимъ, что задача лордовъ заключается въ управленіи страной. Если они могутъ выполнить эту задачу, то страна радостно сохранитъ ихъ, если же нѣтъ, то и имъ не миновать участи всего, что лишается способности быть полезнымъ.

139. Итакъ, вотъ одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые при настоящемъ кризисѣ требуютъ разрѣшенія какъ для нихъ, такъ и для насъ. Хотятъ ли они быть дѣйствительно лордами, быть руководителями, положить начало настоящему поколѣнію господъ, не запятнанныхъ корыстолюбіемъ и не извращенныхъ криводушіемъ? Неужели же они сами до того погрязли, что не вѣрятъ въ эту возможность? Неужели и теперь среди нихъ не найдется людей, готовыхъ смѣло выступить впередъ и, открыто взглянувъ, сказать: поскольку это зависитъ отъ насъ, мы будемъ управлять „не во имя Бога и моего Права“, но просто „во имя Бога и Справедливости“. Я знаю что среди нихъ найдутся такіе люди; знаю, что среди васъ, воины Англіи, есть также не мало людей, пригодныхъ для этого, и на васъ-то мы и возлагаемъ нашу надежду. Я, человѣкъ изъ среды народа, обращаюсь отъ его имени къ вамъ, не называя васъ болѣе солдатами, но рыцарями Англіи. Сколько найдется среди васъ странствующихъ рыцарей, подвергающихся гораздо большимъ опасностямъ, чѣмъ въ былое время и переносящихъ гораздо болѣе сильныя испытанія, но остающихся вѣрными прежнему и вѣчному назначенію рыцарства: укрощенію злыхъ и помощи слабымъ. И къ нимъ-то, сколько бы ихъ ни было, народъ и обращается, прося помочь ему въ борьбѣ съ бѣдствіями, въ борьбѣ съ низостью и подлостью, провозглашающимъ заповѣдью новой религіи: „Да дѣлаетъ слабый, что можетъ, а злой, что хочетъ“.

140. Мнѣ кажется, что даже самые смѣлые изъ васъ говорятъ въ сердцѣ своемъ, что „время для этого прошло“. Но, господа, это не правда. Время не прошло, а настаетъ для болѣе великаго дѣла. До сихъ поръ солдаты жертвовали собою ради ложной славы и жестокаго дѣла. Теперь же настало время имъ жертвовать своей жизнью ради истинной славы и ради благотворнаго дѣла, и такое дѣло у каждаго изъ васъ подъ рукой, тутъ, возлѣ него, причемъ

и всё нужныя средства вѣрены вамъ. Народъ взываетъ и требуетъ вашего руководства, а вы стоите и молчите. Вы думаете, что онъ не хочетъ, чтобъ имъ управляли, попробуйте; опредѣлите, что ему нужно и что достойно его; покажите это ему, общайте довести его до желанной цѣли, и онъ послѣдуетъ за вами черезъ огонь и воду. „Руководите нами“, взываетъ онъ единымъ сердцемъ, хотя и не единой мыслью. Да, англичанами все еще можно управлять; они все еще остались людьми, а не превратились ни въ мушкетарю, ни въ змѣй.

Они любятъ свои старыя пути, своихъ прежнихъ господъ, свою родную страну. Имъ бы хотѣлось жить въ ней всѣмъ, если вы только научите ихъ какъ имъ должно жить, или если не жить, то хоть по крайней мѣрѣ умирать, достойно англичанъ.

141. „Жить въ ней по возможности всѣмъ!“ А сколько ихъ, думаете вы, можетъ жить? Сколько, хотите вы, чтобъ ихъ жило? Какъ господа, вы должны, прежде всего, позаботиться объ усиленіи вашего могущества, а въ чемъ же заключается могущество страны? Хотите ли вы господства надъ ея камнями, облаками или сердцами. Развѣ вы подъ великой націей не разумѣете великое множество людей, вѣрныхъ другъ другу, сильныхъ и вполне достойныхъ? Но число ихъ вы можете увеличить только до опредѣленной границы, по размѣру вашего острова — достоинство же ихъ вы можете усилить неограниченно. Наша страна представляетъ изъ себя небольшой островъ, но какъ бы онъ ни былъ малъ, постарайтесь наполнить его друзьями. А это вы можете сдѣлать легко, и не только можете, но должны и притомъ какъ можно скорѣе, или иначе настанетъ конецъ этой Англій со всей ея любовью и враждой.

142. Наполнить этотъ маленькій островъ истинными друзьями, людьми храбрыми, мудрыми и счастливыми! Неужели вы считаете это невозможнымъ даже послѣ восемнадцати-вѣковаго христіанства и нашего тысячелѣтняго существованія, невозможнымъ наполнить даже этотъ маленькій уголокъ существами счастливыми и помогающими другъ другу.

Африка, Индія и Бразилія, развѣ не достаточно обширная арена для невѣжества нашей расы? Развѣ въ нихъ мало простора для ея страданій? Неужели мы и здѣсь должны оставаться дикарями, врагами другъ другу, терпя лишенія въ пищи, въ здоровыхъ жилищахъ,

одѣваясь въ лохмотья, влача жизнь во прахѣ и безъ всякой надежды на лучшее будущее, какова жизнь тысячей и десятковъ тысячъ нашихъ братій теперь. Не думайте этого, господа. Мысль о томъ, что такой порядокъ неизбѣженъ есть самая послѣдняя измѣна не только Богу, но и любой твари, любому закону, созданному Имъ.

Неужели мы можемъ думать, что земля создана только для того, чтобъ быть ареной мученій и что на ней не найдется ни единого уголка, гдѣ могъ бы водвориться миръ и воцариться справедливость? И гдѣ же людямъ быть счастливымъ, какъ не въ Англии? Кто научить ихъ быть справедливыми, какъ не вы? Развѣ вы не изъ племени наиболѣе сильныхъ людей, у которыхъ кровь не способна остывать отъ усталости, отъ труда и даже отъ огорченій. Развѣ у насъ нѣтъ исторіи, составляющей вашу гордость. Развѣ мы не можемъ, не оскорбляя другихъ народовъ, смѣло гордиться нашими предками гораздо больше, чѣмъ они? У нашихъ древнихъ королей великія преступленія выступаютъ, какъ чудовищныя исключенія, а ихъ чувство собственнаго достоинства, соотвѣтствующее тогдашнему ихъ пониманію, и ихъ благоволеніе къ людямъ являются общимъ правиломъ. Войны Розъ, эта страшно кровавая тѣнь, падающая на нашу страну, представляетъ собою обычное явленіе въ жизни другихъ народовъ и, начиная съ Гептархіи, вплоть до настоящаго времени мы имѣемъ во всѣхъ слояхъ общества примѣры самыхъ разнообразныхъ проявленій высшихъ добродѣтелей, составляющіе то сокровище, которое никакая моль не можетъ источить и ничто не въ силахъ даже очернить, даже если мы перестанемъ быть вѣрными завѣту прошлаго.

143. И вотъ, такимъ народомъ мы не знаемъ, какъ управлять, и завѣты такого славнаго прошлаго должны быть нарушены переворотомъ именно въ нашей странѣ, болѣе чѣмъ въ какой либо другой, такъ какъ жизнь въ ней становится невыносимо трудна для честнаго и безмысленна для мудраго. И катастрофа грозитъ наступить какъ разъ въ то время, когда прогрессъ затмилъ всѣ радужныя ожиданія прошлыхъ вѣковъ.

Наши города переполнены не дворцами, а ткацкими колесами, а у народа нѣтъ одежды. Каждый листъ нашей зелени покрытъ слоємъ копоти, а народъ умираетъ отъ холода; наши гавани пред-

ставляют картину сплошного лѣса мачтъ торговыхъ кораблей, а народъ истощенъ отъ голода.

Чья-же это вина? Ваша, господа, и только ваша. Вы одни можете кормить, одѣвать, развивать его, потому что только вы можете управлять имъ т. е. воспитывать его.

144. Управлять и воспитывать одно и то же. Воспитаніе народа заключается не въ томъ, чтобъ сообщать ему знанія, которыхъ у него нѣтъ, а въ томъ, чтобъ научить его жить такъ, какъ онъ не живетъ. И истинное обязательное обученіе, котораго народъ отъ васъ требуетъ, состоитъ не въ обученіи его катехизисамъ, а въ передачѣ ему истинныхъ знаній. Какая польза въ томъ, что юноши Англіи ознакомятся съ формами буквъ и съ счетомъ чиселъ, если ариметика будетъ служить имъ только для мошенничествъ, а ихъ чтеніе—для развитія въ нихъ похоти. Нѣтъ, образованіе должно состоять въ томъ, чтобъ научить правильному и величественному развитію всѣхъ способностей тѣла и души.

Это мучительная, упорная и трудная задача, выполнить которую мы можемъ только добротой, вниманіемъ, предостереженіями, правилами, похвалою, но, главнымъ образомъ, собственнымъ примѣромъ.

145. Обязательное обученіе! Да, во всякомъ случаѣ. „Пойдите на распутія и всѣхъ, кого найдете, зовите“. Обязательное и при этомъ даровое. *Dei gratia* они должны быть обучены, *Dei gratia* должны вы обучать. Я постоянно слышу странные разговоры о томъ, какъ трудно заставить народъ платить за свое обученіе. Да, полагаю. Но развѣ вы заставляете вашихъ дѣтей платить вамъ за ихъ воспитаніе, а не дѣлаете этого даромъ и обязательно?

Вы, конечно, рассчитываете, что они заплатятъ вамъ тѣмъ, что станутъ хорошими дѣтьми. Почему-же вы хотите, чтобъ рабочіе платили вамъ за ихъ обученіе еще чѣмъ-то помимо того, что они станутъ хорошими людьми? Надѣюсь что эта плата была бы вполне достаточна, еслибъ вы понимали все ея значеніе. Плата вполне достаточная и для нихъ, и для насъ. И тутъ сказывается другое наше великое заблужденіе: мы всегда думаемъ, что образованіе даетъ средства къ обезпеченной жизни. Но образованіе не есть выгодная денежная афера, а вещь довольно дорогая; даже лучшіе успѣхи въ ней не приносятъ денежной выгоды. Никогда еще ни

одинъ народъ не добывалъ себѣ хлѣба своими великими искусствами или великою мудростью.

Низшими искусствами, промышленностью, практическими знаніями—да; но благородное знаніе, благородная философія, благородное искусство всегда должны быть добываемы, какъ сокровище, а не продаваемы, какъ средства къ жизни. Вы учитесь не для того, чтобъ жить; вы живете, чтобъ учиться. Вы должны тратить на народное образование, и не съ цѣлью добывать больше денегъ, а чтобъ создавать лучшихъ людей, чтобъ имѣть на своихъ Британскихъ островахъ возможно большее количество добрыхъ и мужественныхъ англичанъ. Они то и будутъ лучшей вамъ оплатой. Но откуда же взять денегъ?

Итакъ, при нашемъ національномъ кризисѣ намъ необходимо разсмотрѣть не только наши дѣла, но и счета, и составить себѣ общее понятіе о томъ, на что мы ежегодно тратимъ наши деньги и что на нихъ приобретаемъ. Замѣьте, что я намѣренъ коснуться не только нашихъ общественныхъ доходовъ и расходовъ, о чемъ имѣются уже отчеты, но, насколько возможно, подвести итоги и нашимъ національнымъ частнымъ расходамъ и узнать, сколько мы вообще тратимъ и на что именно.

146. Начнемъ съ воспитанія. — Вѣроятно, всѣ вы знаете замѣчательную лекцію, читанную недавно капитаномъ Максомъ (Maxse) въ Сотгамптонѣ. Она даетъ ясное понятіе о нашихъ расходахъ въ этомъ отношеніи. Оказывается, что на каждый рубль нашихъ общественныхъ суммъ, расходуемыхъ на образование, приходится двѣнадцать рублей, расходуемыхъ на благотворительность, на тюрьмы и другія мѣры наказанія; сто милліоновъ ежегодно на бѣдность и преступленія и восемнадцать милліоновъ на образование. Затѣмъ капитанъ Максъ прибавляетъ къ ста милліонамъ общественныхъ суммъ, расходуемыхъ на тюрьмы и бѣдность, около восьмидесяти милліоновъ на частную благотворительность.

Я нахожу послѣднюю цифру чисто гадательной и далеко ниже дѣйствительности, но, во всякомъ случаѣ, въ нее не вошла стоимость самой трудной и мрачной формы благотворительности, а именно—содержанія работающими членами семей своихъ несчастныхъ или порочныхъ членовъ, которые, при современномъ общественномъ ненормальномъ порядкѣ вещей, всей тяжестью обрушиваются на нихъ.

147. Теперь я хочу составить, не скажу приблизительное, а хотя бы мало-мальски наглядное представление о всей беспорядочности и ненормальности нашей современной жизни. Прежде всего, мнѣ нужно ясное представление о нашихъ частныхъ расходахъ на предметы роскоши. Мы не хотимъ, повидимому, тратить публично больше восемнадцати милліоновъ въ годъ на бесплатное образованіе людей. Мнѣ нужно знать по возможности точно, сколько мы, какъ частныя лица, тратимъ ежегодно на бесплатное воспитаніе лошадей, причемъ на каждую воспитываемую лошадь приходится и по наѣздику. Мы тратимъ ежегодно восемнадцать милліоновъ (безъ сомнѣнія это—не малая сумма денегъ) на то, чтобъ отшлифовать грубые умы. Мнѣ нужно знать, сколько мы ежегодно тратимъ на то, чтобъ отшлифовывать грубые камни, т. е., каковъ общій ежегодный доходъ нашихъ ювелировъ. Столько-ли стоитъ намъ бесплатное обученіе нашихъ дѣтей, во сколько обходится намъ отшлифованіе камней; не цѣнимъ ли мы гораздо дороже просвѣтленіе угля, чѣмъ ума?

Подведемъ эти два итога и еще нѣсколько другихъ; но подведемъ ихъ искренно и публично.

Мы не должны стыдиться нашихъ тратъ. Если правая рука не должна знать, что творитъ лѣвая, то, конечно, не потому, что она должна стыдиться ея поступковъ.

Итакъ, вотъ первое практическое дѣло, которое намъ предстоитъ выполнить. Пусть каждый человѣкъ, желающій блага своей странѣ, дастъ предварительно отчетъ о главныхъ статьяхъ своего расхода, а если онъ стыдится сдѣлать это, то пусть не вмѣняетъ бѣднякамъ ихъ бѣдность въ преступленіе и не заставляетъ ихъ въ видѣ *защрациванія* дробить камни.

Преступно бесполезно тратить честно добытыя деньги, еще болѣе преступно тратить не честно пріобрѣтенныя деньги, преступнѣе же всего дурно тратить деньги, пріобрѣтенныя не собственнымъ трудомъ. Вы, лорды Англіи, часто утверждаете, что не слѣдуетъ увеличивать жалованье бѣдняковъ, такъ какъ они неразумно употребятъ его. Отдайте же имъ отчетъ въ томъ, какъ вы тратите то жалованіе, которое они платятъ вамъ, и покажите имъ на собственномъ примѣрѣ, какъ до послѣдняго гроша слѣдуетъ его употреблять.

148. Да, пора наглядно, собственнымъ примѣромъ, учить рабочій людъ, какъ нужно тратить свое жалованье. Мы волей или неволей, тѣмъ или другимъ путемъ, должны наглядно научить его этому. Мы служили примѣромъ для нашихъ рабочихъ въ прошломъ и теперь ставимъ въ вину, что они были слишкомъ воспріимчивы и черезчуръ воспользовались нашими уроками нагляднаго преподаванія. Нѣсколько дней тому назадъ я получилъ отъ жены одного деревенскаго священника письмо; она сильно взволнована тѣмъ, что именно рабочіе, получавшіе самую высокую заработную плату лѣтомъ, приходятъ зимой нищими, безъ гроша денегъ и окончательно развращенными, такъ какъ во время получки они имѣли обыкновеніе по два дня въ недѣлю засѣдать въ трактирахъ, черпая портвейнъ не изъ чашъ, а изъ ведеръ. Ну-съ, господа, кто научилъ ихъ такъ пировать? Тридцать лѣтъ тому назадъ, когда я, вполне неопытный новичекъ, явился на первый товарищескій ужинъ нашей коллегіи, во главѣ стола возсѣдалъ благородный человекъ, очень много обѣщавшій и замѣчательно даровитый, но умершій затѣмъ отъ паралича; и тутъ передъ нами стояли, правда, не ведра, а чаши величиной съ ведро, и мы тоже черпали ложками. Такъ какъ такое начало воспитанія въ колледжѣ было для всѣхъ обязательно, то я черпалъ полныя ложки пунша, вмѣсто кларета, и не пилъ, а незамѣтно выливалъ ихъ, благодаря чему я къ концу пирушки былъ трезвъ и помогъ четыремъ моимъ товарищамъ, изъ которыхъ одинъ былъ сынъ директора колледжа, спуститься съ лѣстницы и добраться до дому.

149. Такія вещи уже не повторяются теперь; но плоды ихъ остаются и не скоро исчезнуть. Работники, засѣдающіе въ трактирахъ, являются только вѣрными учениками господъ, засѣдавшихъ въ гостинницахъ. Господа не сочли нужнымъ, для исправленія своихъ дурныхъ привычекъ, уменьшить свои доходы и, повѣрьте мнѣ, что исправить нашего пьющаго рабочаго нужно не уменьшеніемъ жалованья, а развитіемъ его ума и нравственности.

150. И если мы до сихъ поръ не вполне ясно видимъ путь для борьбы съ грѣхами нашихъ бѣдныхъ братьевъ, то очень возможно, что неясность нашего зрѣнія имѣетъ инныя причины, отъ которыхъ есть возможность отдѣлаться. Два противоположныхъ лозунга раздаются со стороны великихъ партій: либеральной и консервативной,

оба вполне справедливые и заслуживающіе вниманія. „Каждому по заслугамъ“, возглашаетъ одна, „Каждый на соотвѣтствующемъ ему мѣстѣ“, провозглашаетъ другая. Да, дѣйствительно, пусть будетъ каждый на своемъ мѣстѣ и каждый вполне пригоденъ для него. Пусть это мѣсто онъ занимаетъ по промыслу неба, а не по произволу своей семьи. Пусть духовные служители Бога освободятся отъ симоніи, тогда мы, міряне, позаботимся за нихъ объ еретикахъ; пусть временные служители Бога освободятся отъ nepотизма, мы позаботимся о поддержаніи ихъ авторитета. Вы, солдаты, издавайте для насъ газету, въ которой сообщайте основанія, имѣющіяся для повышенія каждаго изъ васъ, газету, въ которой при повышеніи каждаго офицера просто и ясно передавайте намъ, какова была его прежняя служба и его подвиги, кого онъ замѣстилъ и на какомъ основаніи. Это будетъ всегда большимъ для насъ утѣшеніемъ и не бесполезно для васъ; и при этомъ, каждый разъ, когда является необходимость серьезно обсудить вопросъ объ уменьшеніи жалованія, пусть всегда это сокращеніе будетъ начинаемо съ жалованія не рабочихъ классовъ, а праздныхъ. Пусть будутъ почетные титулы, если народъ любитъ ихъ, но отмѣните всякіе почетные доходы.

151. Вотъ относительно лозунга господъ: „Каждый на своемъ мѣстѣ“. Теперь обратимся къ лозунгу рабочихъ: „Каждому по его заслугамъ“. Измѣнимъ его нѣсколько и скажемъ: пусть каждый обладаетъ увѣренностью, что, работая хорошо, онъ будетъ пользоваться почетомъ, помощью и повышеніями по мѣрѣ своихъ способностей и соотвѣтственно необходимаго для него спокойствія, и точно также пусть будетъ онъ твердо увѣренъ, что дѣлая дурно, онъ будетъ судимъ по справедливости и получить должное возмездіе. Таковъ истинный смыслъ республиканскаго лозунга: „Каждому по заслугамъ“. И при такой системѣ управленія, ничѣмъ не запятнанной, чистой, бдительной и справедливой, вы приблизитесь къ вашей великой задачѣ народнаго образованія или, другими словами, народнаго труда. Потому что образованіе всегда начинается съ труда. Что мы думаемъ или знаемъ, или во что мы вѣримъ, въ концѣ концовъ, не имѣетъ особенно важнаго значенія. — Единственно важно, что мы дѣлаемъ, и потому первый пунктъ образованія мужчины, женщины и ребенка состоитъ въ томъ, чтобъ научить ихъ дѣлать все лучшее, что они могутъ. Основной законъ правильной экономіи

учить дѣлать наилучшее примѣненіе изъ всего, а тѣмъ болѣе изъ каждаго Божьяго созданія.

Поэтому, когда къ вамъ приходитъ бѣднякъ и просить хлѣба, прежде всего спросите его, что онъ можетъ дѣлать. Къ чему онъ способенъ? Что онъ можетъ всего лучше дѣлать? Вбивать гвозди въ дерево. Пусть идетъ чинить ограды. Складывать кирпичи? Пусть чинить стѣны хижинъ, насквозь продуваемые вѣтромъ. Поднимать цѣлыя лопаты земли? Заставьте его перекопать все это поле на три фута глубины. Плечами поддерживать тяжести? Пусть помогаетъ лошадямъ ввозить на гору слишкомъ тяжелые воза. Ковать желѣзо и долбить камень? Обратите непрочный берегъ въ прочную гавань и его сыпучіе пески въ плодородную землю. Вносите жизнь всюду, гдѣ царитъ мертвенность; вотъ ваша задача, вотъ ваше образованіе. Только такимъ, а не инымъ способомъ можете вы бороться съ существующими бѣдствіями. Но для прочнаго образованія всего народа и для будущаго счастья людей у нихъ должны быть такія постоянныя занятія, которыя развивали бы всѣ способности ихъ рукъ, ногъ и головы; и такое развитіе достижимо только путемъ ручного труда, который раздѣляется на четыре рѣзкія группы: ручной трудъ земледѣльца, моряка, художника и воина. О двухъ послѣднихъ я не могу говорить въ настоящее время, а о первыхъ скажу хоть нѣсколько словъ.

152. Работа на землѣ, работа земледѣльца и пастуха—воздѣлываніе земли и охраненіе стадъ—первая и законная работа чловѣка—создала всѣхъ благороднѣйшихъ законодателей, царей и учителей; земля создала Гезіода, Моисея, Давида, всю истинную мощь Рима и всю его кротость, она была источникомъ гордости Цинцината и предметомъ вдохновенія для Виргилія. Ручная работа на землѣ и жатва, празднуемая пѣснями, а не свистками паровыхъ плуговъ и пароходовъ. Никогда никакой пророческій голосъ не можетъ сопровождаться этими свистками. Знаете ли вы, что недавно въ Кумберландѣ, въ этой главной пастушеской части Англій, на родинѣ Вордсворта совершалась процессія деревенскихъ жителей въ день праздника уборки хлѣба съ музыкой, акомпанируемой свистками парового плуга?

153. Позвольте мнѣ попросить васъ терпѣливо меня выслушать, пока я изложу вамъ принципъ машиннаго труда, по возможности ясно, хотя и кротно, тѣмъ болѣе, что для даннаго случая это необходимо.

Предположите, что владѣльцу фермы нужна работа ста чело-вѣкъ, чтобъ воздѣлать его поле и получить съ него количество хлѣба, необходимое для прокормленія своей семьи и сотни рабо-чихъ, но не болѣе того. При такихъ обстоятельствахъ, онъ, чтобъ содержать въ умѣренномъ довольствѣ всѣхъ этихъ людей, можетъ только накапливать путемъ личной экономіи. Но вотъ онъ заводитъ себѣ машину, которая исполняетъ работу пятидесяти чело-вѣкъ при помощи одного рабочаго, управляющаго ею.

Это кажется значительнымъ успѣхомъ цивилизаціи. Фермеръ, конечно, получаетъ готовую машину и отпускаетъ пятьдесятъ рабо-чихъ, которые могутъ или умирать съ голоду или эмигрировать, и теперь присваиваетъ себѣ половину продуктовъ своей земли, ко-торая прежде шла на прокормленіе этихъ пятидесяти рабочихъ. Таково главное и постоянное теперь значеніе машинъ въ нашемъ обществѣ.

154. Нѣтъ, возражаютъ намъ, никто не можетъ въ дѣйствитель-ности присвоить себѣ половины продуктовъ своей земли и сохранить больше причитающейся ему доли богатства; рано или поздно, про-дукты эти должны быть израсходованы и, какъ бы они ни были употреблены, они все же пойдутъ на поддержаніе существованія другихъ людей. Это, отчасти, вѣрно; но только отчасти, такъ какъ богатые, при обыкновенныхъ условіяхъ, тратятъ лично столько пищи и топлива, сколько ихъ хватило бы на поддержаніе нѣсколькихъ жизней. Напримѣръ, однимъ изъ главныхъ моихъ предметовъ роскоши являются свѣчи, и я одинъ, вѣроятно, сжигаю за зиму столько свѣчей, сколько ихъ хватило бы для облегченія и сохраненія зрѣ-нія всѣхъ стариковъ и всей молодежи цѣлой деревни, употребляю-щихъ ночники. Но, тѣмъ не менѣе, повторяю, только от-части вѣрно, что не своими личными тратами богатые губятъ жизнь бѣдняковъ. Дѣлаютъ они это слѣдующимъ путемъ. Вернемся къ нашему фермеру. Онъ раздобылъ себѣ готовую машину, которая шумитъ, грохочетъ, свиститъ, скрипитъ и иногда производитъ взры-вы. Онъ рассчиталъ пятьдесятъ рабочихъ, которые, во славу нашей современной Аркадіи, принуждены умирать съ голоду. На нѣкото-

ромъ разстояніи отъ его фермы есть другая, гдѣ рабочіе точно также добываютъ себѣ хлѣбъ воздѣлываніемъ земли.

Владѣлецъ машинъ посылаетъ сказать имъ: у меня есть достаточно теперѣ пищи для васъ, бросьте рыть землю и пахать; я могу содержать васъ, пока вы занимаетесь другимъ дѣломъ; пойдите въ гравіи, и вы найдете тамъ твердые камышки; вы ихъ станете отшлифовывать, пока они ни заблестятъ, и тогда они послужатъ прекраснымъ ожерельемъ для моей жены. Дальше, если вы взроете луга, то найдете прекрасную глину, изъ которой сдѣлаете фаянсовый сервизъ для меня; остальная часть фермы мнѣ нужна для пастбы моихъ каретныхъ лошадей, вы же будете служить грумами, причемъ нѣкоторые изъ васъ будутъ стоять на запяткахъ или слѣдовать сзади съ жезлами въ рукахъ. Кормить я васъ буду гораздо жирнѣе, чѣмъ вы можете пропитываться земледѣліемъ.

155. Хорошо, говорятъ мнѣ, значить намъ не слѣдуетъ имѣть ни брилліантовъ, ни фарфора, ни картинъ, ни прислуги, и все мы должны заниматься землей? Я не говорю пока о томъ, что мы должны дѣлать, а желаю вполне ясно сперва показать вамъ, что мы дѣлаемъ и каковъ результатъ введенія машинъ.

Теперь прослѣдите его вліяніе на наше національное могущество. Безъ машинъ вы имѣете сто пятьдесятъ зажиточныхъ крестьянъ, готовыхъ всегда защищать свою страну.

Вы завели машины, пятьдесятъ крестьянъ уморили съ голоду, пятьдесятъ обратили въ ювелировъ, лакеевъ, и для защиты вашей страны отъ непріятеля имѣете и можете имѣть теперь вмѣсто полутора ста только пятьдесятъ человѣкъ и при томъ людей по духу далеко чуждыхъ вамъ, ихъ начальникамъ; но у васъ есть гранильщики, ливрейные лакеи и даже паровой плугъ.

156. Таково одно изъ вліяній введенія машинъ; но, во всякомъ случаѣ, если мы и понесли потерю въ людяхъ, то приобрѣли за то богатства; вмѣсто счастливыхъ человѣческихъ душъ у насъ есть картины, фаянсъ, лошади, и сами мы пользуемся гораздо лучшей обстановкой, чѣмъ прежде. Но очень часто при введеніи машинъ даже не получается и этого результата. Мы нисколько не становимся богаче отъ введенія машинъ, а только употребляемъ ихъ на свои удовольствія. Замѣйте, что приобретеніе вами богатствъ

зависитъ отъ людей, которые, оставшись безъ работы, согласились или умереть съ голоду или выселиться изъ вашей страны. Но предположите, что они не соглашаются безропотно умирать, а нѣкоторые изъ нихъ становятся преступниками, и вамъ приходится стеречь и кормить ихъ, употребляя на это гораздо больше, чѣмъ прежде, на ихъ содержаніе; другіе же становятся нищими, бунтовщиками и т. п., и вотъ передъ вами настоящій итогъ современной мудрости и изобрѣтательности. Сто человѣкъ честно работали на землѣ, но вы не любите видѣть человѣческихъ существъ на полѣ; вамъ нравится больше видѣть тамъ дымящійся котелъ. Вы, какъ любитель, платите за это удовольствіе и употребляете ваши пятьдесятъ человѣкъ на трепаніе конопатки, на выпрашиваніе милостыни, на возмущенія и на грабежи.

157. Да, ручнымъ и только однимъ ручнымъ трудомъ мы должны воздѣлывать землю и бороздить моря какъ для добыванія пищи, такъ и съ цѣлью торговли и завоеваній; намъ нужны не дымящіеся котлы, а пеньковые паруса, вздуваемые небесными вѣтрами. Этимъ путемъ пріобрѣла Греція свое могущество на Эгейскомъ морѣ, Венеція—на Адриатическомъ, Амальфи—на его голубой гавани, Нормандскіе моряки—на всемъ пространствѣ отъ Нордъ-Капа до Сициліи; такъ пріобрѣтено было наше могущество въ былое время. Да, въ былое время. Теперь мы его лишились и на Балтійскомъ морѣ и на Нилѣ.

Благодаря машинамъ, вы должны были бы преуспѣвать въ открытіяхъ, распространять вашу торговлю, обратиться изъ моряковъ въ инженеровъ, а между тѣмъ, теперь насъ сверъвы потерпѣли пораженіе среди льдовъ, а на югѣ—среди песковъ, передъ лицомъ нильскихъ боговъ. И такъ, воздѣлывать землю нужно только человѣческими руками и конными, а не паровыми плугами, причемъ земледѣліе, вмѣстѣ съ разведеніемъ скота, должно быть главной школой англичанъ. И такія королевскія академіи преимущественно передъ всѣми академіями должны быть открыты по всей странѣ, расчищая ваши кустарники, холмы и воды и наполняя страну всякаго рода живыми организмами: деревьями, травами и животными. Каждый пустынный и безобразный клочекъ земли вы должны обратить въ прекрасный и плодородный садъ, все разваливающееся, запустѣвшее или неисправное въ вашихъ хижинахъ и жилищахъ вы должны

исправить, и во всѣхъ деревняхъ и городахъ вашихъ англійскихъ владѣній не должно встрѣчаться ни одной безпомощной руки, ни одного безутѣшнаго сердца.

158. Это невозможно, думаете вы!

Нѣтъ, это не только возможно, но даже легко, естественно, необходимо, и я смѣло говорю, что рано или поздно, это должно быть сдѣлано, или мы должны погибнуть. Если теперь наши ланд-лорды будутъ упорно преслѣдовать эту идею, принимать горячо къ сердцу интересы народа, довѣрять его любви къ законности и руководить его работами, они снова станутъ князьями и властелинами достойными престола.

„Царственного престола этого вѣнценоснаго острова, этой крѣпости, воздвигнутой самой природой въ защиту отъ заразы и войнъ. Этого драгоценнаго камня, вѣланнаго въ серебряное море, и счастливаго рода людей, населяющихъ этотъ маленькій міръ, второй Эдемъ“.

Но если они откажутся выполнить эту задачу, станутъ колебаться, хитрить, хватаясь во время этой безпорядочной сумятицы только за то, что могутъ украдкой урвать для себя, то ихъ гибель ближе, чѣмъ предполагаютъ даже ихъ враги, и позорнѣе, чѣмъ думаютъ люди, презирающіе ихъ.

159. Вотъ, повѣрьте мнѣ, задача предстоящая вамъ въ Англїи, а внѣ ея у васъ достаточно простора для всего, чтобы вы не пожелали дѣлать. Развѣ ваши владѣнія такъ необширны, что вы не можете найти иного мѣста для вашихъ бумагопрядильнь, кромѣ Йоркшира? Мы можемъ организовать эмиграцію въ неограниченныхъ размѣрахъ; можемъ набрать цѣлыя войска самыхъ предприимчивыхъ и честолюбивыхъ юношей, послать ихъ на службу въ другія страны, гдѣ они устроятъ новыя авторитетные центры мысли среди пустынь и незавоеванныхъ еще странъ, сохраняя полнѣйшую преданность родинѣ въ нашихъ колонистахъ, какъ и въ нашихъ войскахъ, научая ихъ питать вѣрность къ ихъ отечеству и въ работѣ, и въ войнѣ; помогая имъ щедрой рукой въ продолженіе ихъ открытій и ихъ борьбы съ враждебными силами природы, учреждая мануфактурные пункты въ мѣстностяхъ, наиболѣе пригодныхъ какъ по климату, такъ и по другимъ экономическимъ условіямъ, и сами входя въ должные союзы и согласія со всѣми племенами, мы будемъ содѣйствовать развитію способностей, равно какъ и мудрости націй, вопреки различіямъ традицій и нарѣчій.

160. И тогда вы обратите Англию въ центръ учености, искусства, добра и счастья мира. Вы можете разукрасить горы лугами, равнины хлѣбами, долины лиліями и сады розами.

Вы можете соединить здѣсь въ царствѣ мира все мудрое, чистое и любящее на землѣ и наполнить отдаленнѣйшій мракъ „первымъ созданіемъ Божиимъ, т. е. свѣтомъ“. Вы знаете чьи это слова? Умнѣйшаго изъ англичанъ. И онъ, а съ нимъ и всѣ мудрѣйшіе люди всѣхъ вѣковъ и народовъ всегда говорили объ этой надеждѣ, но ихъ не хотѣли слушать.

Платонъ въ своемъ предсмертномъ незаконченномъ діалогѣ Критія, Пиндаръ въ страстномъ воспѣваніи счастливыхъ острововъ, Виргилій въ пророческой десятой эклогѣ, Бэконъ въ своей Новой Атлантидѣ, Муръ въ книгѣ слишкомъ умной и ставшей потому посмѣшищемъ дураковъ— всѣ эти люди единогласно говорятъ намъ, къ чему мы должны стремиться, чего должны достигать; они не безъ надежды, но, въ виду нашего безумія, только отчасти и иносказательно высказывали эту истину, чтобъ заставить насъ выслушать ее.

И неужели мы никогда не прислушаемся къ словамъ этихъ мудрѣйшихъ людей? Въ такомъ случаѣ прислушайтесь, по крайней мѣрѣ, къ вашимъ дѣтямъ, и въ словахъ, произносимыхъ устами младенцевъ, почерпните силу. Если вы не вѣрите, то какимъ же страшнымъ издѣвательствомъ должны звучать слова молитвы, которую вы заставляете вашихъ дѣтей повторять и утромъ и вечеромъ, прося Отца, чтобъ исполнилась воля Его, и всѣ созданія Его стали безгрѣшны и счастливы на землѣ, какъ на небѣ.
